ЗАБЫТЫЕ ВОЙНЫ РОССИИ

А. В. Зорин

ЛИСОВЧИКИ

Александр Юзеф Лисовский и его полк в истории Смутного времени

Издательство

КВАДРИГА

Образ лисовчика в польской иллюстрации
начала XX века

А. В. Зорин

ЛИСОВЧИКИ
Александр Юзеф Лисовский и его полк в истории Смутного времени

Москва
Квадрига
2022

УДК 355.49(470+571) “1812.08.26”
ББК 63.3(2)521
317

Зорин А. В.
317 Лисовчики: Александр Юзеф Лисовский и его полк в истории Смутного времени / А. В. Зорин. – 2-е изд. – М.: Квадрига, 2022. – 240 с. + илл.
ISBN 978-5-91791-421-3

История Смуты начала XVII в. не может обойтись без имени Александра Юзефа Лисовского, как и Пожарского, Скопина-Шуйского, Минина. Отечественная литература только упоминает его рейды от Ледовитого моря до Каспийского, от Уральских гор до Днестра.

Лисовскому и его полку посвящена значительная польская литература. В ней он предстает отважным и непобедимым воином, прославившим польское оружие, а его полк – элитным подразделением. Их грабежи и насилия – неизбежная дань времени и результат сложности в снабжении войск.

Поляк, прославившийся у самозванца; шляхтич, лишенный чести сеймом; солдат, бунтующий против командования; полководец, проигрывающий крупные битвы и возрождающийся после поражений; жестокий каратель, отважный боец, «батька-атаман» для казаков и «государев воевода» для русских служилых людей – все это Александр Лисовский, биография которого слилась с бурными событиями эпохи, сделавшей его своим героем. Скорее, антигероем Смуты.

УДК 355.49(470+571) “1812.08.26”
ББК 63.3(2)521

ISBN 978-5-91791-421-3

© Зорин А.В., 2022
© Тихонюк А., Стариков Н. А., дизайн переплета, 2022
© Издательство «Квадрига», оформление, 2022

Ten Moskwę wszerz, wzdłuż i w koło,
Sprawując rycerskie koło,
Biorąc miasta, zamki, grody,
Przeszedł przez żadnej swej szkody.

Pieśń na pamiątkę nieśmiertelną
pułkownika K. J. M. niezwyciężonego
Josepha Aleksandra Lisowskiego

Беззаконный же Лисовской совашеся
сюду и сюду, како бы что зло сотворити

Авраамий Палицын

ВВЕДЕНИЕ

«ЗМИЙ-ЛЮТОР СО СВОИМИ АСПИДЫ»

Лисовский по источникам, русским и польским историкам и литераторам

Смутное время начала XVII в. породило немало ярких личностей, но, пожалуй, наиболее типичным героем этой эпохи можно с полным правом назвать знаменитого наездника Александра Юзефа Лисовского. Ни одно изложение событий Смуты не может обойтись без его имени, как не может оно обойтись, например, без князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Однако в отечественной исторической литературе, до последнего времени вообще небогатой исследованиями биографий деятелей Смутного времени, на долю Лисовского достались только краткие упоминания отдельных его набегов и рейдов в связи с общим ходом военно-политических событий Смуты. В польской историографии имеются труды, специально посвящённые Лисовскому и его полку[1]. В них он выступает как отважный, практически непобеди-

[1] *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. Lwów, 1843. T. I; *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę // Przegląd Historycz-

мый, воин, снискавший славу польскому оружию, а его полк предстаёт в качестве некоего элитного подразделения. Грабежи и насилия, производимые *лисовчиками*, являются для них не более чем неизбежной данью времени и результатом отсутствия в Речи Посполитой какой-либо системы правильного снабжения войск. Историк-романтик граф Маврикий Дзедушицкий, автор двухтомного «Краткого описания истории и деяний лисовчиков», писал с нескрываемым восторгом:

«Что то за воины в высоких, свисающих с головы шапках, в плащах с широкими воротниками, облегающем многоцветном платье, жёлтых подкованных сапогах, на конях, как ветер лёгких... Лик их марсов, головы и бороды обриты, отпущены лишь чуб и усы. Оружие их – кривая сабля, лук и колчан, рушница висит за плечами да в руке длинная рогатина... Сей солдат обошёл всю Россию от моря Ледовитого до Каспийского, от гор Уральских до Днестра, прошёл Финляндию, Венгрию, Силезию, Моравию и Чехию... пересёк Альпы и заглянул в Италию, дважды переправлялся через Рейн, побывал в Лотарингии, Шампани, Пикардии, поразил своим явлением Париж – это *лисовчик*, гражданин мира, имя коего в семнадцатом столетии ведомо всем было»[2].

В более сдержанных тонах говорится о Лисовском и *лисовчиках* в обзорном, но содержательном исследовании Казимира Тышковского. Согласно его оценке, Александр Лисовский не успел в полной мере проявить своих военных талантов, уйдя из жизни в самом расцвете сил. В итоге, он, «идя рука об руку со знаменитейшим польским полководцем того времени, каким был Ходкевич наряду с Жолкевским... не развил в себе талантов вождя, которые все в нём ценили, и остался в памяти потомков как непревзойдённый партизан, вождь малой войны»[3]. В другой своей работе, посвящённой роли казачества в войнах эпохи Сигизмунда III, К. Тышковский называет Лисовского «творцом польских казаков», который в период «войны московской... блеснул талантом и счастьем военным»[4].

Последняя по времени выхода в свет работа Генрика Виснера, к сожалению, носит скорее обзорно-популярный характер[5]. Автор практически не привлекает новых источников, которые были введены в научный оборот за годы, прошедшие со времени публикации статьи К. Тышковского, зачастую ограничиваясь кратким пересказом сведе-

no-Wojskowy. 1932. T. V. S. 1–28; *Wisner H.* Lisowczycy. Warszawa, 2004; *Grala H.* Lis z jeżem w herbie // Mówią wieki. 1998. № 2–3; *Grala H.* Przemierzyć Rosję zagonem // Mówią wieki. 1998. № 5.

[2] *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. Lwów, 1843. T. I. S. 3–4.

[3] *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. S. 28.

[4] *Tyszkowski K.* Kozaczyzna w wojnach Moskiewskich Zygmunta III (1605–1618) // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1935. T. VIII. S. 78.

[5] *Wisner H.* Lisowczycy.

ний своих предшественников. В целом следует отметить, что польские авторы не в должной мере использовали материалы русских источников и зачастую с крайней доверчивостью относились к сведениям, содержащимся в польских документах. Лишь в последнее время наметился отход от этой традиции, что сразу же повлекло за собой появление ряда интересных исследований[6].

Популярность Лисовского и *лисовчиков* не потускнела со временем, о чём свидетельствует целый ряд художественных произведений, в разное время вышедших из-под пера польских писателей, наиболее значительным из которых является трёхтомный роман Казимира Коркозовича[7]. Но подчас эта популярность приобретает весьма странные очертания. Так, например, среди современных белорусских националистов предпринимаются даже попытки сделать Лисовского «героем Беларуси». Об этом свидетельствует, например, романтизация *лисовчиков* в творчестве белорусского барда-эмигранта Сергея Соколова (Сяржука Сокалава-Воюша). Подобные взгляды распространяются и в научно-популярной литературе. Так в книге «150 вопросов и ответов по истории Беларуси» утверждается, что «лісоўчыкі (лесаўчыкі) – гэта найменне лёгкай беларускай кавалерыі, якая існавала ў першай палове XVII стагоддзя. Узнікненне і найбольшая слава гэтага адмысловага вайсковага фармавання звязаныя з імем Аляксандра Язэпа Лісоўскага – таленавітага военачальніка, беларускага шляхціча з Віленшчыны... Бліскучая вайсковая кар'ера А. Лісоўскага пачалася з канца 1607 года, пад час грамадзянскай вайны ў Маскоўскай дзяржаве і авантуры Дзмітрыя II (Самазванца). Блізу трох гадоў ён са сваімі вершнікамі, якіх часам налічвалася да некалькі тысяч, змагаўся ў Масковіі, робячы глыбокія рэйды па тылах праціўніка... Улетку 1615 года, каб адцягнуць маскоўскія сілы ад слаба ўмацаванага Смаленска, найвышэйшы гетман Ян Кароль Хадкевіч зноў паслаў лісоўчыкаў углыб Масковіі. А.Лісоўскі рушыў на Севершчыну, дзе захапіў Карачаў і разграміў пад Арлом войска князя Хаванскага... Непараўнаныя ў кавалерыйскіх сечах і безаглядная храбрасці, лісоўчыкі вылучаліся таксама жорсткасцю, авантурызмам і прагаю здабычы. Захаваліся паўлегендарныя звесткі пра іх паходы далёка на поўнач, да берагоў Белага мора і нават

[6] *Grala H.* Lis z jeżem w herbie; *Grala H.* Przemierzyć Rosję zagonem; *Przepiórka A. G.* Wyprawa Lisowczyków na Siewierszczyznę na przełomie 1616 i 1617 roku // Studia Historyczno-Wojskowe. 2007. T. 2. S. 85–98.

[7] *Korkozowicz K.* Jeźdźcy Apokalipsy. Warszawa, 1990. T. 1–3; *Królikowski B.* Szable nie rdzewiały. Warszawa, 1983; *Ossendowski F. A.*. Lisowczycy. Powieść historyczna. Warszawa, 1990; *Sujkowski B.* Lisowczycy. Powieść historyczna z XVII w. Łódź, 1988.

да вусця ракі Об, у пошуках славутай Залатой бабы – паганскага стода, якому пакланяліся вугра-фінскія народы Поўначы»[8].

Даже оставив в стороне фактические ошибки, содержащиеся в этой статье, необходимо заметить, что попытки «белорусизации» Лисовского выглядят довольно забавно, если учесть, что с этой страной его не связывают ни происхождение, ни вероисповедание, ни самосознание, ни даже место рождения, а его полк обычно в большинстве своём вообще состоял из этнических «московитов». И позднее ряды лисовчиков пополнялись отнюдь не по принципу национальной принадлежности, что отразилось в польской поговорке: «co hultaj, to lisowczyk» (что ни бродяга, то лисовчик)[9].

В российской исторической литературе не существует специальных исследований, посвящённых Лисовскому, его полку и их роли в событиях Смутного времени. Редкие энциклопедические статьи и отдельные упоминания в обзорных трудах нередко содержат фактические ошибки. Примером тому может служить биографическая статья в «Военном энциклопедическом лексиконе», одна из первых и немногих, непосредственно посвящённых жизнеописанию Лисовского. Здесь сообщается, что это был «литовский полковник, отчаянный наездник и грабитель, [который] приобрёл громкую известность во время смут в нашем отечестве при самозванцах ... в его шайку не мог вступить, кто не обрек себя на смерть, потому что не было такой очевидной опасности, на которую бы не бросался Лисовский». Перечисляя основные вехи боевой биографии полковника, автор статьи подробно описывает обстоятельства ранений Лисовского под Троицей, а все его походы и набеги представляет исключительно в виде беспорядочных разбойничьих вылазок: «он пустился к Суздалю искать удачи и грабежа ... ходил к Ярославлю и Юрьевцу и везде оставлял по себе следы опустошения; наконец, сам был наголову разбит при Юрьевце доблестным Михаилом Скопиным-Шуйским ... Так он действовал до 1615 г., когда гетман Хоткевич послал его везде разносить ужас. Лисовский являлся там, где его вовсе не ждали, жёг, грабил и уходил. Чтобы обуздать дерзкого грабителя, против него выступил сам бессмертный Пожарский... Пожарский беспрестанно гонялся за ним и заболел. Тогда Лисовский опять пустился внутрь России, захватил Кашин, разорил Суздальскую область... ограбил окрестности Коломны... Близ Стародуба он упал

[8] *Саверчанка І., Санько З.* 150 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. Менск, 1999. № 72 (электронный вариант: http://knihi. com/pytanni/072. html).

[9] Среди лисовчиков позднейшего периода, когда полк действовал в Европе и против турок, помимо поляков отмечены также татары, донцы, «московиты», немцы, цыгане, евреи и даже один негр (*Magnuszewski W.* Z dziejów elearów polskich. Warszawa; Poznań, 1978. S. 182).

на месте и умер, вероятно, от паралича 25 сентября 1616 г.»[10]. В этом же ключе и с подобными же неточностями упоминается о Лисовском и в других отечественных исторических трудах и научно-популярных публикациях. Общим местом следует считать оценку, данную Лисовскому и его людям в одной из сравнительно недавних газетных статей: «Отпетый сорвиголова, отчаянно храбрый, бессовестный и чудовищно жестокий, в Смутное время Лисовский безнаказанно разбойничал в России ... Свет не видывал другого такого мобильного, легкого, такого алчного и совершенно бесчеловечного отряда грабителей. «Лисовчики» стремительно покрывали огромные расстояния и неожиданно налетали то на Псков, то на Ярославль; то они участвовали в осаде Троице-Сергиевой лавры, то добирались до Кинешмы!»[11]. Лишь в последние годы стали появляться работы, ставящие своей целью взвешенное и объективное изучение, как личности, так и действий Лисовского. В частности тут следует назвать статью А. В. Варакина, посвящённую подготовке и началу рейда 1615 г.[12] Ряд интересных наблюдений и архивных находок сделал А.Н. Фролов, локализовав, в том числе, место сражения на Медвежьем броду в 1608 г.[13] Общий обзор участия лисовчиков в события Смуты содержится в статье американского исследователя Брайана Дэвиса[14].

К сожалению, даже лучшие исследования, посвящённые данной эпохе, оказываются не свободными от ошибок, когда речь заходит о Лисовском. Так, например, Ю. М. Эскин в своей детальной и тщательно выверенной биографии князя Д. М. Пожарского утверждает, будто во время своего знаменитого рейда в 1615 г. Лисовский разгромил Перемышль, потом «ушёл на север, пожёг посады Торжка, Кашина и

[10] Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1853. Т. VIII . С. 237–238.

[11] *Ашихмина Е. Н.* Орловский бой // Орловский вестник. 2005. № 28 (28 сентября).

[12] *Варакин А. В.* Подготовка похода и вторжение А. Лисовского в Россию в начале 1615 г. // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2011. Т. 7. № 9. С. 87–92; *Рогов И. В.* «Смелостью и мужеством витязь, ремеслом грабитель» (Действия польского полковника А.-И. Лисовского на территории Костромского края в период Смутного времени начала XVII века) // II Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 года. Кострома, 2009.

[13] *Фролов А. Н.* Сражение на Медвежьем броду 1608 года – проблемы локализации и реконструкции // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. 2013. № 1 (13). С. 3–21; *Он же.* Боевые действия против Лисовского в Московском государстве. Начало и конец. Сражение на Медвежьем броду 1608 года – проблемы локализации и реконструкции. Героическая оборона Мурома в декабре 1615 года по данным муромского летописца.

[14] *Davies B. L.* The Lisovchiki in Muscovy, 1607–1616 // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 10. 2012. С. 71–77.

Углича и, дойдя до Галича, а затем, повернув на юг, проскакал меж Костромой и Ярославлем до Мурома». Пожарский в это время будто-бы «надёжно блокировал дороги к Москве». В результате Лисовский, «выполнив свою миссию, вернулся в Варшаву, где было решено набег повторить». Там достигнутые успехи «открыли ему кассу канцлера» и «осенью полковник опять оказался в России», где «разгромил 7-тысячный отряд молодого князя Куракина и иностранных наёмников под командой английского барона Астона», а также снова встретился с Пожарским под Калугой[15]. В данном фрагменте, совершенно выбивающимся из общей хронологии и логики повествования, автор самым причудливым образом тасует хорошо известные исторические факты, при этом заставляя Лисовского съездить в Варшаву и совершить осенью 1615 г. два рейда подряд, а вдобавок, приписывая ему победу над Куракиным и Астоном.

Ещё более причудлив путь набегов Лисовского в изложении Брайана Дэвиса. По мнению американского историка, в 1613 г. лисовчики совершили рейд на Суздаль, Кострому, Ярославль, Переяславль-Рязанский, Тулу, Серпухов, Алексин, а затем «вернулись на свою базу в Красное». А вот уже в 1615 г. Лисовскому пришлось выступить из Брянска, пройти через Вязьму, Ржев, Тверь, Шую, Суздаль, Коломну, Тулу и вернуться на сей раз в некий «Северск»[16]. Нечего и говорить, что все эти удивительные маршруты не имеют ничего общего с реальными событиями.

Деятельности Лисовского и его полка посвятил самостоятельные разделы своего исследования военной истории Смутного времени О. А. Курбатов[17]. В этой работе, пожалуй, впервые в отечественной исторической науке история *лисовчиков* была рассмотрена как отдельная, но неотъемлемая глава общей истории русской Смуты. Очерки походов Лисовского при этом сопровождается выверенными хронологическими таблицами, предоставляющими читателю важную дополнительную информацию. Исследователь традиционно отмечает, что полчане Лисовского «неохотно вступали в открытый бой с полноценным войском, зато в грабеже городов и монастырей и «битвах» с

[15] *Эскин Ю. М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013. С. 125.

[16] «In 1613 Lisowski raided the districts of Suzdal', Kostroma, Iaroslavl', Pereiaslavl'-Riazan, Tula, Serpukhov, and Aleksin, and then returned to his base at Krasnoe… starting from Briansk, circling through Viaz'ma, Rzhev, Tver' and nearly as far north as Sol' Galitskaia before turning south through Shuiia, Suzdal, Kolomna, and Tula and dashing west back to Seversk» (*Davies B. L.* The Lisovchiki in Muscovy, 1607–1616. C. 75–76).

[17] *Курбатов О. А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 61–63, 196–201.

крестьянами им не было равных»[18]. К числу отдельных неточностей, допущенных автором, следует отнести утверждение, будто под непосредственным началом полковника находились две хоругви, Красная и Синяя, названные так по цвету своих знамён[19]. На самом деле «цветными» хоругвями у *лисовчиков* были Чёрная и Красная (Czarna, Czerwona), появившиеся, скорее всего, уже после смерти самого Лисовского.

Первым отечественным исследованием, в котором детально, с привлечением польских и русских источников, рассматривалась биография и военная деятельность Александра Юзефа Лисовского, а также действия созданного им полка в период Смутного времени, была статья, положенная в основу настоящей работы[20].

У русских литераторов Лисовский пользовался куда большим вниманием, нежели у специалистов-историков. В произведениях, современных самому Лисовскому, его личность отображалась в резко отрицательных тонах. «Злый еретикъ лютор», «беззаконный», «злый врагъ кровопийца», «лютый тать и разбойникъ», «змий» – таковы обычные эпитеты, которыми награждают Лисовского троицкий келарь Авраамий Палицын и псковский летописец. «Лисовчики» же для них – «тати», «злодеи» и «аспиды». Иного нельзя и ожидать от людей, переживших Смуту и собственными глазами видевших «подвиги» её героев. Стоит отметить, что и среди жителей речи Посполитой того времени термин *Homo lisovianus* служил синонимом для обозначения «человека без чести и веры, пригодного скорее разорять, нежели созидать»[21].

Писатели-романтики XIX в. также не могли пройти мимо столь колоритного персонажа, но они изображали его далеко не столь демонической фигурой. Облик его в глазах авторов исторических повестей сближается с польским видением на полковника – жестокий, но храбрый солдат, удалец, достойный противник русских патриотов. «Где

[18] Там же. С. 196.

[19] Там же. С. 198.

[20] *Зорин А. В.* Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. III. С. 1–203. http://www.milhist.info/2012/10/26/zorin(26.10.2012); *Он же.* Великий рейд Александра Лисовского (март–декабрь 1615 г.) // Русский сборник. Брянск, 2011. Вып. 5. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И. Г. Петровского, Вып. 12). С. 224–232; *Он же.* На исходе Смуты: рейд «лисовчиков» и Северский поход (ноябрь 1616–январь 1617) // Путивльський краєзнавчий збірник. Суми, 2010. Вип. 6. С. 122–133; *Он же.* «Аспиды Лисовского» (1616–1618) // Сіверщина в історії України. Київ; Глухів, 2010. С. 124–133; *Он же.* Александр Юзеф Лисовский на Псковщине // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания. М.; Псков, 2013. Вип. 3. С. 143–156.

[21] *Szczygielska M.* Lisowczycu: facty i mity // http://www.ksopit.pl/sladami_koryt/lisowczycy (доступно на 12.02.2014)

он пройдёт со своими сорванцами, там хоть шаром покати! – всё чисто: ни кола, ни двора. Но зато на схватке всегда первый и готов за последнего из своих налётов сам лечь головою – лихой наездник!» – с явным восхищением описывает Лисовского один из героев М. Н. Загоскина[22]. А известный писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский оставил в одной из своих повестей красочное и при этом вполне достоверное описание *лисовчиков*:

«Чудна и пестра была смесь народов, составлявших хоругвь Лисовского. Польская шляхта, своевольно наехавшая на Русь служить себе, без воли сейма и против воли короля. Они гордо похаживают, крутя усы и отбрасывая назад рукава своих кунтушей, клянясь и хвастая ежеминутно. Казаки косо поглядывают на союзников, лениво дымя трубками, и часто сабли их крестятся с польскими, хотя к их знаменам, для добычи и славы, привязали они перемётную дружбу свою. Полудикие литовцы, приведенные панами на разбой и на убой, бесстрашно сидят или спят вокруг огней. Наконец изменники русские, иные из привычки к мятежу и бездомью, другие алкая корысти, третьи из надежды воротить грабежом у них отнятое передались к гультаям польским. Роскошь и бедность вместе разительно виделись в стане. Инде ходил часовой с заржавленным бердышом, в рубище, но в золочёном шишаке; другой в бархатном кафтане, но полубос; здесь поят коня серебряным ковшом, а там на дорогом скакуне лежит вместо седла циновка. Штофный занавес, вздетый на копьё, завешивает из бурки сделанную ставку какого-нибудь хорунжего, который нежится на медвежьей полости, склоняя голову на седло. Здесь бобровое одеяло кинуто на грязной соломе. Всё это было странно и дико, но всё кипело жизнью и силою. Везде говор и ржание коней, звук и блеск оружий во мраке»[23].

«Вольный ротмистр пан Александр-Иосиф Лисовский» является одним из центральных персонажей полузабытого ныне романа В. Л. Маркова «Лихолетье (Смутное время)» (1882). Автор видел причину Смуты исключительно в происках иезуитов и поляков, не находя почти ни для кого из них иной краски, кроме чёрной. Однако образ «вольного ротмистра» оказался для этой схемы слишком неоднозначным: «Мужественная фигура лихого наездника бросалась в глаза своей молодцеватостью и стройностью, несмотря на его сорок лет. Лицо его, загорелое, румяное, с чёрным, как вспыхивающие уголья, глазами, из под чёрных, дугой, бровей, с чёрными завивающимися усами и бритым подбородком, подстать низко остриженной, щетинившейся черноволосой голо-

[22] *Загоскин М. Н.* Юрий Милославский или Русские в 1612 году. М., 1989. С. 44.

[23] *Бестужев-Марлинский* А. А. Ревельский турнир. Исторические повести. М., 1984. С. 109

ве, сейчас же выдавало в нём литвина. Как многие из тогдашних польских военноначальников, посвятивших свою жизнь бранному ремеслу и прославившихся отчаянною храбростью, пан Лисовский любил щеголять своим костюмом». Помимо щегольства, Лисовский у Маркова любит «похвастать перед грубыми сотоварищами своим остроумием и ученьем у отцов иезуитов... смешивает свои разбойничьи похождения с воспоминаниями о классической древности, изучавшейся им в иезуитском коллегиуме, а свою попойку украшает обрывками Цицероновых речей». Он возглавляет настоящую шайку разбойников и считает себя подлинно свободным человеком, бросающим вызов обществу. «Ты раб предрассудков, называемых религиею, раб всяческих законов, изобретённых человечеством для поддержки силы против слабости, богатства против бедности, – заявляет Лисовский молодому идеалисту пану Дворжецкому, – ...вам не понять такого откровенного человека, как я! Для меня у вас одно название – разбойник! Право, лучше совсем порвать все гнилые связи с отжившим старым порядком и объявить ему войну, как я это сделал, чем пресмыкаться, подобно вам, в нечестии и мраке и хвалиться своей религией, своим совершенством. Вы фарисеи священного писания и не вам упрекать меня, мытаря! ...так как мне не предоставлено никаких прав, кроме тех, какие я возьму саблей, то король ваш мне ни на чорта не нужен! Я сам себе король!»[24]

Неизвестно, стоял ли образ Лисовского перед внутренним взором Генрика Сенкевича, но родившийся под его пером Анджей Кмициц имеет со знаменитым полковником черты поразительного сходства. Буйный шляхтич, ставящий ни во что постановления сеймиков и трибуналов, во главе преданных ему бойцов совершающий лихие набеги на неприятеля, неизменно выходящий сухим из воды, жестоко расправляющийся со своими врагами, кем бы они ни являлись, отличающийся своеобразным солдатским чувством юмора, всегда готовый на отчаянные и непредсказуемые поступки – таков главный герой «Потопа». Но всё это один в один применимо и к герою Смуты. Любопытно, что и литературный Кмициц, и реальный Лисовский имеют тесные связи со знатным литовским родом Кишков.

Описания подвигов пана Анджея мало чем разнятся от действий пана Александра: «в ту же ночь небо заполыхало заревом пожаров, воздух огласился воплями и стонами людей, попираемых тяжкой пятою войны... посёлки, колонии, деревни и города превращались в море огня, а поражённые ужасом жители гибли под ножом... Не щадили даже посевы в полях, даже деревья в садах... Кмициц дал волю своему дикому нраву, и хоть сам не марал рук в крови безоружных, од-

[24] *Марков В. Л.* Лихолетье (Смутное время) // Исторический вестник. 1882. Т. VIII. С. 300–301, 302–303.

нако с удовлетворением смотрел, как она струится. В душе его царило спокойствие и совесть не возмущалась, ибо то была не польская кровь, да вдобавок ещё еретическая, а потому, полагал он, деяния его угодны богу и всем святым… Молнией налетал Кмициц на прусские отряды, громил, разбивал, вешал, увёртывался, прятался и вновь всплывал на гребне огненной волны… Местный житель поднимался всем миром, как на волка, – а он и впрямь уподобился волку, что разит насмерть единым ударом клыков»[25].

Единственное, но важное различие здесь состоит в том, что пан Анджей свирепствовал, защищая от вражеского нашествия собственную страну, нанося удары её врагам, а пан Александр творил всё то же самое, но в чужой для него земле, в ходе чуждой ему гражданской смуты.

Поляк, прославившийся под знаменем российского самозванца; шляхтич, лишённый чести приговором сейма; солдат, бунтующий против командования; наёмник, предавший своего нанимателя; патриот, стремящийся искупить прегрешения на службе своему королю; полководец, неизменно проигрывающий крупные битвы и столь же неизменно возрождающий после самых тяжелейших поражений свои разбитые войска; неуловимый наездник, жестокий каратель, отважный боец, «батька-атаман» для казаков и «государев воевода» для русских служилых людей – всё это Александр Юзеф Лисовский, биография которого неразрывно слилась с бурными событиями эпохи, сделавшей его своим героем. Героем Смутного времени.

[25] *Сенкевич Г.* Потоп. М., 1970. Т. II. С. 552–554.

ГЛАВА 1

БУНТОВЩИК

Происхождение Лисовского, его деятельность до появления в России

Род Лисовских герба Ёж происходит из Королевской Пруссии. Здесь, в Хелминском воеводстве, располагалось их родовое гнездо Лисево (Лисово). Видных постов они не занимали и титулов не имели. Наиболее значительной персоной из Лисовских был некий Войцех из Лисова, заниваший в 1504 г. должность земского лавника в Гданьске. В 1580 г. упоминается Михал Лисовский – лавник пуцкий. В 1611 и 1614 гг. подобную должность занимал Соломон Лисовский.

В середине XVI в., при короле Сигизмунде Августе, братья Ян, Ежи, Кшиштоф и Щенсны Лисовские выехали в Литву. Кшиштоф и Ежи поступили на военную службу. Первый из них владел имением на Озёрах, а второй занимал должность старосты Сокольского и отличился в армии Стефана Батория. Щенсны известен, как маршалок двора князя Ежи Радзивилла, наместника Инфлянтского, епископа Виленского, затем Краковского, а затем и кардинала. Ян связал свою судьбу с могущественным родом Кишков. Сопровождая старосту жмудского Яна Кишку, он путешествовал по Европе, побывал во Франции, Испании, Италии. Вместе с ещё семью шляхтичами он поступил в Базельскую академию, записавшись как nobilis Lituvanus. Тогда же, видимо, проникнувшись доктриной кальвинизма, он перешёл в протестантизм. Вернушись из Швейцарии он вступил в брак с панной Анной Шумкувной из воеводства Новогрудского и обосновался в Виленском воеводстве. Здесь ему принадлежало две деревни Кракошин и Вольки. В их семье родилось три дочери и девять сыновей. Помимо Александра Юзефа известны имена ещё пятерых – Ян, Станислав, Стефан, Миколай и Юстиниан. Одна из дочерей вышла замуж за Кшиштофа Пакоша[1].

[1] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 28–29; *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw

Михай Храбрый. *Худ. Э. Саделер, 1601 г.*

Точная дата рождения Александра неизвестна. Согласно одним предположениям он появился на свет около 1575 г., однако более правдоподобным считается дата 1580 г. В детстве он получил некоторое образование, однако где и какое – неизвестно. Об этом свидетельствует знание им латинского языка, которое он мог приобрести и в Виленской академии, и при дворе Кишков. Впрочем, возможно, что автором подписанных его именем латинских писем являлся не сам Лисовский, а его оставшийся безвестным учёный секретарь. В любом случае, встречающиеся утверждения относительно обучения протестанта Лисовского в иезуитской коллегии не могут иметь под собой никаких оснований.

Первые достоверные сведения об Александре Юзефе Лисовском относятся к 1600 г., когда он обнаруживается в рядах наёмных польских войск валашского воеводы Михая I, прозванного «Витеазул» – Храбрый. Служба под началом такого полководца могла многое дать молодому солдату, тем более, что война в этих краях в то время не утихала ни на час.

Став в 1593 г. при поддержке турецкого султана правителем Валахии, Михай вскоре снискал славу защитника христианства и борца против османов. Захватив ряд крепостей на Дунае, он предпринял ряд походов вглубь турецкой территории, достигнув даже стен Адрианополя. Своими успехами он вынудил турок признать в 1597 г. независимость Валахии, однако Михай при поддержке императора Рудольфа II ещё два года продолжал войну против них. Одновременно он вёл упорную борьбу за объединение под своей властью не только валашских земель, но также Трансильвании и Молдавии. Трансильванией в то время правил принц-кардинал Андраш Батори, а Молдавией – господарь Иеремия Могила. Оба они пользовались покровительством польского короля. Вторгнувшись в пределы Трансильвании, Михай Храбрый разгромил войска Батори в битве 18 октября 1598 г. Сам принц-кардинал пал в бою. После этого, в апреле 1600 г., Михай выступил против Молдавии и 7 мая захватил Сучаву, столицу княжества. Иеремия Могила едва спасся, бежав в Хотин. Но и здесь ему не удалось удержаться. Покинутый своими сторонниками, 11 июня он тайно переправился через Днестр и укрылся в лагере гетмана Станислава Жолкевского, обратившись за помощью к польскому королю. Чрезмерное усиление Михая заставило его врагов действовать активнее. Восстало венгерское дворянство Трансильвании, а в сентябре 1600 г. против Валахии выступила Речь Посполитая. Армия под командованием Яна Замойского переправилась через Днестр. Валашские войска были разбиты в трёх битвах и вытеснены из Молдавии.

Lisowczycow. Lwów, 1843. T. I. S. 14–16; *Niesiecki K.* Herbarz Polski. Lipsk, 1841. T. VI. S. 133–134.

После вторжения Замойского среди польских наёмников Михая произошёл раскол. Несколько тысяч из них хранили верность господарю до самой его смерти в августе 1601 г., а затем перешли на турецкую службу. Но другая немалая часть сразу перешла на сторону польских войск. Среди них был и Лисовский, поступивший в хоругвь старосты каменецкого Яна Потоцкого. Свою измену он наверняка считал патриотичным поступком – ведь вместо того, чтобы сражаться в войсках иноземного государя против своих соотечественников, он перешёл на их сторону[2].

После завершения валашской войны Лисовский объявляется в Инфлянтах, где шла очередная польско-шведская война. Здесь он служит в рядах казацкой хоругви Щенсного (Феликса) Невяровского, правда, неизвестно, в которой из двух, находившихся под его началом. Первая из них в составе 50 коней участвовала в военных действиях уже в августе 1600 г., когда Лисовский ещё находился в Молдавии. Более вероятно, что он находился в составе второй хоругви, имевшей втрое большую численность и прибывшую в район боевых действий в июне 1601 г. В это время великий литовский гетман Кшиштоф Радзивилл «Перун» осаждал Кокенхаузен. На помощь осаждённому гарнизону прибыли шведские войска под командованием Карла Карлссона Гилленхъельма. В сражении, произошедшем 23 июня, шведы были разбиты[3]. В этой битве, где кавалерия сыграла решающую роль, принимала участие и вторая казацкая хоругвь Невяровского. Боевые достоинства этой хоругви, вероятно, были велики, поскольку по ходатайству полковника Яна Кароля Ходкевича в марте 1604 г. она была приравнена к гусарским. Гусары получали жалованье на пять злотых больше, нежели казаки, однако и стоимость гусарского снаряжения была неизмеримо выше. Лисовский исполнял здесь обязанности поручика.

---

[2] Сведения о ранней службе Лисовского основываются на единственной фразе латинского сочинения Шимона Старовольского «Сарматские воители» (1631 г.), где на основе устной традиции сообщается, что Александр Юзеф обучался военному ремеслу в ходе молдавских войн: «Qui bellis Moldaucis sub Michaele illo clarissimo, subque Ioanne deinde Potocio exercitus» (*Starovolsci S.* Sarmatiæ Bellatores. Coloniæ Agrippinæ, 1631. S. 222. Польский перевод: *Starowolski S.* Wojownicy sarmaccy. Warszawa, 1978. S. 270). Первоначально это истолковывалось, как свидетельство службы Лисовского в польских войсках под командованием Михала и Яна Потоцких. Однако ещё М. Дзедушицкий указал на то, что никакого Михала Потоцкого в то время не существовало и речь должна идти о валашском господаре Михае (*Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 20; *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. S. 2).

[3] *Herbst S.* Kampanja letnia 1601 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1931. T. IV. S. 219–224.

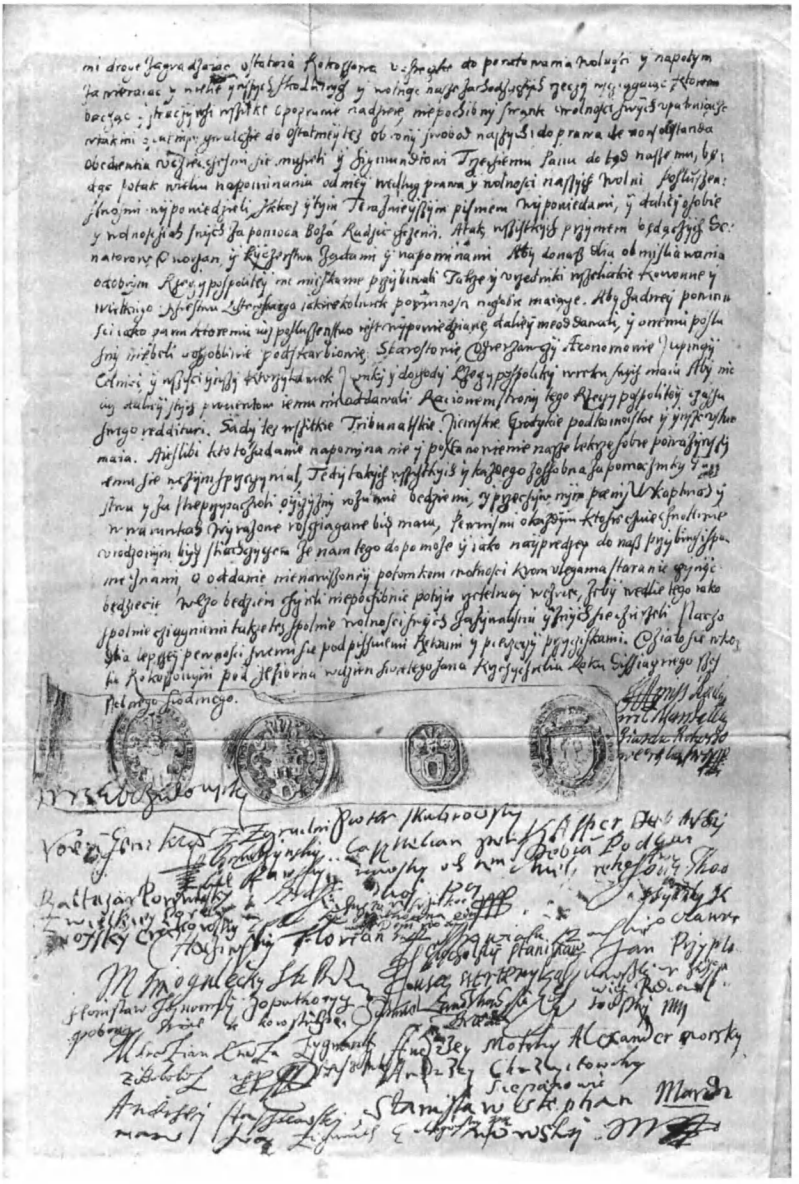
25 сентября 1604 г. хоругвь Невяровского принимала участие в битве под Дерптом, в которой Ян Кароль Ходкевич одержал одну из своих наиболее блестящих побед. Однако в декабре эта воинская часть «прославилась» совсем иными действиями: вместе с гусарской и казацкой хоругвями Яна Петра Сапеги и казацкой хоругвью Францишка Коссаковского она вышла из повиновения командованию. Бунтовщики объединились в конфедерацию ради защиты своих прав и потребовали выплаты жалованья, которого давно же не видели. «Главарём у них Лисовский, человек безбожный и бунтовщик. Он той конфедерации подстрекатель», – писал Ходкевич. Следует отметить, что тут впервые Лисовский проявил недюжинные задатки прирождённого лидера. Он был довольно молодым человеком, не более 25 лет от роду, но сумел подчинить своему влиянию бывалых солдат, сплотить недовольных и выступить от их имени против командования.

Не имея возможности ни подавить мятеж, ни удовлетворить требования восставших, командование предпочло выпроводить взбунтовавшиеся войска в Литву и мятежники ознаменовали своё продвижение грабежами и убийствами. Ходкевич требовал покарать мятежников «смертью и инфамией»[4]. Александр Юзеф Лисовский оказался среди тех, кто подвергся инфамии, то есть был объявлен вне закона. Издавая этот акт 3 мая 1605 г., сеймовый суд педантично перечислил все прегрешения «безбожного бунтовщика»: он расстрелял из лука слуг витебского воеводича Януша Кишки, взбунтовал солдат, а затем «хуже поганого» разграбил Упитскую экономию и различные местности в Инфлянтах и Курляндии. Отныне любой мог безнаказанно убить его, завладеть его имуществом. Решение было вынесено заочно: сам обвиняемый на суд предусмотрительно не явился. Неудивительно, что объявленный вне закона мятежник вскоре оказался вовлечён в новый мятеж. Им стал знаменитый в истории Речи Посполитой «рокош Зебржидовского».

Известно, что летом 1607 г. он командовал казацкой хоругвью одного из предводителей нового мятежа – подчашего литовского Януша Радзивилла. Неслучайно Лисовский обратился к нему за покровительством именно к нему: Радзивилл, как и он сам, также был протестантом и к тому же находился во враждебных отношениях с Ходкевичем.

Однако, не вполне ясно, где провёл новоявленный «инфамис» предшествующее время с момента своего осуждения. Правда, сохранился документ, позволяющий предположить, где находился и чем занимался Лисовский, по крайней мере, до конца июля 1606 г. Это жалоба, поданная от имени князя Адама Вишневецкого, на его собственных слуг: «на Езофа Лисовского, на Адама Брозку, яко принцыпалы и по-

[4] *Infamia (лат.)* – позор, бесчестье.



Последняя страница акта рокоша Зебржидовского
с печатями и подписями участников, 1607 г.

мочники ихъ: Павла Плядовского, Яна Кгаворецкого, Кожуховского, Варможовского, Миколая Шумского, Себастияна Савицкого, Матюша Брозкий, Янковского, Кордышевского и иншихъ». Возглавляемые Лисовским, который «будучи у Княжати его Милости слугою старшимъ, праве всю маетность его Милости», эти преступники, «неогледаючися на учтивость и повинность свою шляхетскую», разграбили княжескую казну. В ночь на 27 июля 1606 г. они, «одностайне скупишися, съ полгаками, зъ шаблями», вломились в замок Брагин под Гомелем. Не сумев добраться до княжеских покоев, они взломали скарбницу, «где вся маетность рухомая его милости въ схованю была», похитив оттуда шкатулку, где находилось полторы тысячи золотых. Добычей грабителей также стали шесть сороков соболей, отделанная золотом сабля, золотая цепь, пара дорогих перстней с каменьями, а также богатое платье, стоившее более двух тысяч золотых: «кгермакъ аксамитный соболями подшитый… жупанъ аксамитный злотоглавомъ подшитый… шлыкъ мармурковый… рядъ злотистый». После этого, захватив княжеских коней, грабители «зъ места Брагиня повтекали, яко злодее и зрайцы, пана своего не ушановавши»[5].

Не вполне ясно, является ли главарь этих разбойников, Езоф [Юзеф] Лисовский, шляхтич и старший слуга князя, одним лицом с Александром Юзефом Лисовским. Объявленный вне закона беглец вполне мог найти себе убежище в свите могущественного магната на беспокойной восточной окраине государства. У него вполне могли выйти некие разногласия со своим новым хозяином, что могло повлечь за собой описанный в жалобе разбой. Некоторые формулировки документа позволяют предположить, что упоминаемый в нём Лисовский состоял на княжеской службе, по крайней мере, уже в сентябре 1605 г., когда Адам Вишневецкий появился в Москве при дворе недавно взошедшего на престол Лжедмитрия I (также начинавшего свою карьеру в качестве княжеского слуги в замке Брагин). В документе прямо сообщается, что «тотъ то пречоный Лисовский, будучи у Княжати его Милости слугою старшимъ, праве всю маетность его милости, такъ шафунокъ пенязей есче на Москве, яко коне, рынъштунокъ маючи на рукахъ своихъ, а того не здавши, ани личбы учинивши, и овшемъ есче челядъ другую не мало ихъ, которые такъ же зашкодивши Княжати его Милости не мало, побунтовавши, и оныхъ ку собе розмовивши, такъ зъехалъ»[6]. Таким образом, тут утверждается, что Лисовский взбунтовал недовольную челядь, чтобы не давать в них отчёта за присвоенные хозяйские деньги, после чего разграбил замок и бежал.

[5] Архив Юго-Западной России. Киев, 1863. Ч. 3. Акты о козаках (1500–1648). Т. I. С. 148–151.

[6] Там же. С. 151.

Сигизмунд III. *Литография Бенуа Фаржа, 1702 г.*

Впрочем, можно усомниться в том, что князь Адам Александрович Вишневецкий, женатый на Александре Ходкевич, взял бы к себе на службу человека, которого преследовал его могущественный родственник, да ещё сделал бы этого объявленного вне закона беглеца старшим над своими слугами. Кроме того, неподалёку от Брагина, в современном Наровлянском районе, имеется село Лисово, которое и может быть связано с именем «Езофа Лисовского». Следует также отметить, что позднее Адам Вишневецкий и Александр Лисовский встретятся на службе Лжедмитрия II, но нет никаких сведений о том, чтобы князь обвинял Лисовского в грабеже или требовал возвращения похищенного.

В отличие от брагинского эпизода, пребывание Александра Юзефа на службе у Радзивилла сомнений не вызывает. 5 августа 1606 г. политические противники короля Сигизмунда III, объединившись под руководством воеводы краковского Миколая Зебржидовского подняли мятеж (рокош). Зебржидовский вместе с Янушем Радзивиллом, Яном Гербуртом и Станиславом Стадницким воспользовался «общим нерасположением народа к королю», стал во главе шляхты и созвал съезд сначала в Стенжице, потом в Люблине и, наконец, в Сандомире. Здесь были составлены жалобы, пересланные королю. Шляхта требовала чтобы король удалил от двора чужеземцев и иезуитов и на место их учредил постоянный совет из трёх сенаторов, избранных сеймом. Сигизмунд сначала согласился на все требования шляхты, созвал её на съезд в Вислицу, подтвердил все шляхетские льготы и привилегии и обещал в будущем согласовать свои решения с мнением сенаторов. После этого соглашения часть шляхты перешла на сторону короля. Оставшиеся мятежники отказались примириться с королем и провозгласили бескоролевье.

В рокоше Лисовский не играл никакой важной или хотя бы заметной роли, поскольку, по выражению Г. Виснера, «в масштабе Речи Посполитой он был никем»[7]. Однако Януш Радзивилл, которому он теперь служил, являлся одним из предводителей мятежников. Долгая «чернильная война» между королём и рокошанами, породившая множество обличительных листовок, в конце концов, довела противников до вооружённого столкновения.

Армия мятежников, численностью более 10 000 человек при 28 орудиях, двинулась через Радом на Краков. Под Гузовом путь ей преградили войска короля – 3200 конницы и 9100 пехоты при 24 орудиях. Командовали королевскими силами лучшие полководцы Речи Посполитой – гетман польный коронный Станислав Жолкевский и великий литовский гетман Ян Кароль Ходкевич.

[7] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 34.

Станислав Жолкевский. *Гравюра XIX в. по рисунку XVII в.*

Сражение произошло 5 июля 1607 г. Королевские войска заняли выгодные позиции на возвышенности, однако из-за разногласий между командующими она оказалась разделена на три части. Ходкевич со своими литвинами встал на правом фланге. Центр заняли личные отряды сторонников короля во главе с Яном Потоцким. Левый фланг составили коронные войска Жолкевского. Рокошане изготовились к бою посреди сырой подтопленной низины. Центром командовал сам Зебржидовский, правый фланг взял на себя Гербурт, а на левом фланге развернул свои силы Радзивилл. Ему предстояло сразиться с Ходкевичем и в рядах его конницы находилась хоругвь под командованием Лисовского.

Конная атака Радзивилла поначалу казалось удачной. Всадники прорвали строй войск Ходкевича и почти достигли ставки самого короля. Однако плотный огонь пехоты остановил их натиск. Бой в центре не принёс победы ни одной из сторон, а на левом фланге королевских войск венгерская пехота Гербурта удачно отразила атаку сил Жолкевского. Однако затем гетман направил в бой пехоту иноземного строя и мятежники были опрокинуты. Когда в центре в решительное наступление перешли отряды Потоцкого, рокошане обратились в бегство.

Мятежники, спасясь бегством, бежали «на Русь» – на восточные окраины Речи Посполитой. Бежал и Александр Лисовский со своими казаками. Средства для жизни они, как и другие рокошане, добывали грабежом. Спустя год виленский епископ Бенедикт Война жаловался в письме канцлеру Льву Сапеге, что его имение Гуменное сначала разграбили солдаты Павла Руцкого, потом Александра Лисовского, а затем ещё и Андрея Млоцкого. Епископ лишился 3000 коров, лошадей, свиней и вообще всё его имущество «как метлой смели»[8].

Солдатня Лисовского, судя по всему, особенно отличилась в ходе грабежей, сопровождавших рокош. Автор Баркулабовской летописи сообщает: «Нижли того року 607 великая была незгода и замешане кролю с панами, паном с кролем, з рокошанами, великий бунт, забите, кровопролите; от господаря кроля на домы насылане; шляхте шкоду великую починене. Велми страшно было слышати, албо тым, где се то деяло, видети… В том же року 607 было великое на християне и немилостивое жолнерство, лупежство; по местах, по селах жолнери берестейские, жолнере кгроденские тые по волости кролевской капщизну брали, а на панских и княжеских приставство на подданых вытегали. К тому зас особливе жолнеры Лисовского, жолнеры Кгроденского, тые по подданых кролевских и князских, панских, шляхецких великое и

[8] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 182.

немилостивое приставство, албо стацию по волостях брали яко збожем, также и пенезьми»[9].

На восточных рубежах Речи Посполитой мятежники не только могли укрыться от закона. Там же для них в то время открывалось новое, сулящее блестящие возможности, поприще. Александр Юзеф Лисовский был не из тех, кто отказался бы от подобных перспектив. Объявленный вне закона участник мятежа против своего короля, он обнаружил, что может получить богатство и славу на службе иного монарха. Им был царь московский Димитрий Иванович, чудесным образом спасшийся от своих мятежных подданных и ныне собиравший войска для возобновления борьбы за «отеческий трон».

Отправляясь на восток, Александр Юзеф в то же время шёл по стопам своего брата Миколая, который принимал участие ещё в авантюре первого самозванца. В рядах сторонников Лжедмитрия он вошёл в Москву, а в мае 1606 г., после убийства «царя Дмитрия Ивановича», оказался в плену, избежав при этом куда более худшей участи. Миколай Янович Лисовский томился в неволе долгих семь лет, вплоть до самого 1613 г.[10] В день, когда Александр Юзеф повёл к русским пределам две сотни казаков, чтобы присоединиться к армии чудесно воскресшего «царя Дмитрия Ивановича», он вполне мог подумывать и о возможном освобождении из плена своего брата.

[9] ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 191.

[10] *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 16; *Niesiecki K.* Herbarz Polski. S. 136.

ГЛАВА 2

АВАНТЮРИСТ

Появление Лисовского в России в составе войск Лжедмитрия II, участие в осаде Брянска

Неизвестно, кем был новый претендент на московский трон. Одни рассказывали, что это был еврей-выкрест из Шклова, школьный учитель, оставшийся без места из-за чересчур вольных ухаживаний за супругой своего нанимателя-попа. Согласно другой версии то был «сын боярина из Стародуба». Пойманный в Пропойске и обвинённый в шпионаже, он назвался свояком погибшего «царя Дмитрия» – Андреем Андреевичем Нагим, скрывающимся от мщения Василия Шуйского. Он попросил доставить его в Стародуб, что и было сделано. «Немного погодя этот человек послал некоего москвитянина Александра (который был с ним заодно), чтобы тот разгласил по северским крепостям, что Дмитрий жив и находится в Стародубе, – вспоминал участник Московского похода польский шляхтич Н. Мархоцкий. – Расчет оправдался: люди готовы были поверить, ибо Северская земля и Рязанское княжество не признали Шуйского государем, и все северские крепости Шуйский брал силой. Побывав в разных крепостях, Александр пришел с этой новостью в Путивль. Жители Путивля схватили его и с несколькими десятками бояр отправили в Стародуб, чтобы он им показал Дмитрия, которого выкликает, пригрозив пытками, если все рассказанное ими окажется неправдой. Испугавшись [Александр] указал на того человека, который его послал. Тот стал отказываться, что ничего не знае Они и ему пригрозили пытками, если не признается (у них пытки те же муки, что и у нас), и, после препирательств, приготовились это исполнить. Тогда, рассердившись, он схватил палку со словами: «Ах вы, блядины дети, вы еще не узнаете меня? Я – Государь!» Этой смелой выходкой он добился того, что его признали царём и сразу пали в ноги»[1].

[1] *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 25–28.

В любом случае, независимо от того, какая версия более достоверна, несомненно, что именно жители Путивля и всей Северской земли играли в этих событиях решающую роль. Не признав власти Василия Шуйского, убийцы «истинного царя», они готовы были принять сторону всякого, кто выступит против него. Тем более, что, как утверждает голландец Исаак Масса, положение на южной окраине выгодно отличалось от того разорения, которому подверглись окрестности Москвы: «Земли Северская и Комарицкая, что на польской стороне, жили в мире и спокойствии; и там пахали и засевали поля, ни о чем не печалясь, предоставив Московию самой себе, также хлеб был дешев во всей земле, исключая осаждённые города, где он был весьма дорог»[2]. Богатая продовольствием и обильная воинскими силами земля была надёжной опорой для продолжающегося мятежа.

В Стародубе «воскресший» Самозванец собрал под своим началом около 3000 человек. Первоначальное ядро мятежного воинства составили служилые люди Стародуба под началом Гаврилы Верёвкина, казаки под командованием И. М. Заруцкого, а также польско-литовские наёмники Меховецкого, Будилы и Харлинского[3]. Во главе этих скромных сил Лжедмитрий II двинулся на Почеп, затем занял Брянск и Карачев. Серьёзного сопротивления ему пока никто не оказывал. Целью его похода была Тула, где царские войска осаждали упорно оборонявшегося Болотникова. В Карачеве к самозванцу присоединился крупный отряд запорожцев. Воодушевлённый этим, Лжедмитрий послал своего гетмана Мацея Меховецкого против отряда царских войск, осаждавшего Козельск. Воевода В. Ф. Литвинов-Масальский был застигнут врасплох на рассвете 8 (18) октября 1607 г.[4] и разгромлен наголову. Жители Козельска радостно приняли «царевича-избавителя», а захваченный обоз весьма пригодился воинству самозванца. Лжедмитрий двинулся дальше. Захватил Епифань, Крапивну и Дедилов, но 10 (20) октября Тула пала. Основные силы Шуйского освободились для удара по северским мятежникам. Армия Лжедмитрия стремительно покатилась обратно и 19 (29) октября вновь оказалась в Карачеве. Наёмники требовали денег, русские ратники волновались, подумывая выдать самозванца царю и тем заслужить помилование. Брянск впустил в свои стены правительственные войска. Чуя неладное, Лжедмитрий тайком покидает свой лагерь и с кучкой ближайших сторонников бежит в Орёл.

---

[2] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1936. С. 177.

[3] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 102.

[4] Сочетание дат юлианского (ю. к.) и григорианского (г. к) календаря даётся в дальнейшем следующим образом: ю. к. (г. к.). Датировки иностранных источников, приводимые только в григорианском календаре: г. к.

Лжедмитрий II. *Неизв. художник, XVII в.*

В Орле он задержался ненадолго. Отсюда его путь лежал в прежнюю столицу первого самозванца – в Путивль. Уже выехав в сторону Путивля, Лжедмитрий повстречался с отрядом наёмников в 500 всадников и 400 пехотинцев. Они шли к нему на помощь «с Киевской Украйны», а командовал ими польский шляхтич Валентин Валявский. Самозванец опасался называть им своё имя, но вскоре выяснилось, что это лишь авангард более крупных сил князя Романа Ружинского, который спешит на службу чудесно спасшемуся «царю Дмитрию». В Речи Поспо-

литой именно в этот момент оказался избыток невостребованной военной силы – правительственные войска только что подавили «рокош Зебржидовского» и теперь выгодной воинской службы, желательно за пределами государства, искали как бывшие мятежники, так и оставшиеся не у дел солдаты королевской армии. Получив такое подкрепление, Лжедмитрий оставил мысли о бегстве в Путивль и повернул обратно. Тем временем, отряды добровольцев из пределов Речи Посполитой продолжали прибывать. Среди новых сподвижников самозванца оказались князь Адам Вишневецкий и Александр Лисовский.

Конрад Буссов пишет, что в январе 1608 г. Лжедмитрий II «послал... в Польшу, чтобы также вызвать к себе побольше польских конников, и оттуда к нему пришли господин Самуил Тышкевич с 700 конных копейщиков и господин Александр-Иосиф Лисовский с 700 конных копейщиков. После прибытия этих поляков Димитрий пошел со всем своим войском под Брянск и осадил его»[5].

Однако утверждение это явно ошибочно. По сообщению русских и польских источников, Лжедимитрий II осадил Брянск ещё осенью 1607 г. Он подступил е городу из Комарицкой волости через Трубчевск и Стародуб. Таким образом, Лисовский прибыл в ставку самозванца не позднее октября 1607 г., а скорее всего даже раньше. Ведь по сведениям «Нового летописца», это именно Лисовский убедил Лжедмитрия выступить на Брянск. Для приобретения подобного влияния в лагере самозванца беглому рокошанину необходимо было две вещи: собственная внушительная военная сила и время. По сведениям польских историков, Лисовский двинулся на помощь Лжедмитрию во главе отряда из 200 всадников. Согласно сведениям Н. Мархоцкого, Лжедмитрий передал под командование Лисовского «пару сотен донских казаков». Постепенно численность отряда действительно могла возрасти до 700 «конных копейщиков», о которых упоминает Буссов. Во главе этих наездников, как пишет Мархоцкий, «Лисовский много раз тайно нападал на московитян, а со временем сподобился и до кое-чего худшего». К сожалению, мемуарист не объясняет ни того, отчего именует вылазки Лисовского «тайными нападениями», ни того, что имеет в виду под ещё более «худшими» деяниями Александра Юзефа. В целом же следует отметить, что общая численность наёмных войск самозванца в тот момент составляла около 2500 человек. Таким образом, силы Лисовского были довольно значительны, что и позволяло ему претендовать на видное место среди командования «царской» армии[6].

---

[5] *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 150.

[6] *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 35; *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 111 *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 34.

Выступив в поход 3 (13) ноября 1607 г., войска Лжедмитрия достигли Брянска 9 (19) ноября. Находившиеся в Брянске воеводы князь М. Ф. Кашин и А. Н. Ржевский имели в своём распоряжении около 3 тыс. человек. Поэтому они решительно выступили навстречу противнику. Юзеф Будило пишет: «Брянский воевода, узнав о прибытии царя, вышел против него с войском за милю от крепости. Наше войско сейчас задержало его и гнало до самой крепости, ворвалось в город и зажгло его, а русские с воеводой заперлись в крепости, где их наши сейчас же осадили, и устроили укрепленный лагерь на городском пожарище»[7].

Мятежники приступили к осаде крепости, постоянно пополняя свои ряды. Помимо наёмников (Велегловского, Рудницкого, Хруслинского, Казимерского), сюда явился известный сподвижник И. И. Болотникова путивлянин Юрий Беззубцев, под началом которого находилось до 4 тыс. человек. Прибыл сюда и неизвестный доселе «родственник» Лжедмитрия – «царевич Фёдор Фёдорович» во главе 3 тыс. казаков.

Положение осаждённых день ото дня становилось всё хуже: «яко за всё бьющееся: за воду и за дрова; и глад бысть великой, яко начаша и лошади поедати». Однако брянчане не сдавались, упорно сопротивляясь неприятелю. Помимо ратников в ходе осады отличился и протопоп Покровской соборной церкви Алексей. В разгар голода, он выкопал из тайника и раздал «безденежно» 175 четвертей ржи (а четверть в осаждённом городе стоила немыслимо дорого – более 60 рублей). Помимо этого, он «у крестного целованья всяких людей наказывал и крепил, и по сторожем по городу по ночам сторож дозирал, и про изменников и про лазутчиков боярину и воеводам сказывал, и гонцов к Москве промеж воровских полков из города за Десну реку проваживал»[8].

Видя, что силы мятежников прибывают, Василий Шуйский направил на Северщину войска под командованием боярина князя Ивана Семёновича Куракина и стольника князя Василия Фёдоровича Литвинова-Масальского, жаждавшего отомстить за своё поражение под Козельском. Авангард царской армии появился под Брянском «за десять дней до Рождества Христова». Их появление застало мятежников врасплох и князь Масальский не дал им опомниться. Он сам и его люди с ходу бросились форсировать ещё не замёрзшую Десну «аки дивие звери лёд розгребаху и плывущее за реку». Брянчане, видя это, организовали вылазку и кольцо осады было прорвано. Ночью ударили морозы, Десна стала и теперь князь Куракин смог беспрепятственно войти в город, введя туда обоз с продовольствием. Продолжать оса-

[7] *Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия (Historya Dmitra falszywego) // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1. С. 129–130.

[8] *Козляков В. Н.* Василий Шуйский. М., 2007. С. 153–154.

ду далее было бессмысленно и мятежная армия отступила от Брянска, уйдя на зимние квартиры в Орёл. Именно этот город стал для второго Лжедмитрия тем, чем был для первого Путивль.

В марте 1608 г. к лагерю Лжедмитрия II приблизился со своими силами князь Роман Ружинский. Опираясь на прибывшее с ним «рыцарство», он низложил «гетмана» Меховецкого, а когда самозванец пытался этому воспротивиться, то его самого попросту взяли под стражу. Тогда «от отчаяния он решил себя уморить и выпил немыслимо сколько водки, хотя всегда был трезвым»[9]. Пока Лжедмитрий пил горькую, Ружинский провёл переговоры с казачьими атаманами, предводителем которых был Иван Заруцкий. В итоге им удалось договориться и поделить между собой власть в лагере мятежников, окончательно превратив «царика» в свою марионетку.

По мнению И.О. Тюменцева, успеху переворота немало способствовало отсутствие в Орле Лисовского и его войск. Ружинский и Заруцкий предусмотрительно отправили чересчур влиятельного «полковника» в Рязанские земли на помощь тамошним мятежникам. При этом «в состав этого отряда, по всей видимости, удалось включить радикально настроенных болотниковцев и таким образом удалить их из Орла»[10]. Следует отметить, что и в дальнейшем под началом Лисовского будут находиться не столько поляки или даже казаки, а преимущественно именно «русские воры». В его полк они попадали самыми различными путями, вплоть до протекции самого Лжедмитрия. Например, в начале апреля 1609 г. самозванец направил к нему некоего Федосея Плешкова. В рекомендательном письме говорилось: «По нашему указу посланъ къ тебѣ въ полки съ нашими грамотами арзамасецъ, сынъ боярской Ѳедосей Плешковъ; а велѣно ему тѣ наши грамоты отдать тебѣ воеводѣ нашему пану Олександру Есипу Ивановичю Лисовскому, а отдавъ тѣ грамоты велѣно ему, Ѳедосею, быти на нашей службѣ у тебя в полку»[11]. Появление подобной грамоты связано, вероятно, с тем, что к тому времени боевая репутация Лисовского упрочилась и уже было немало желающих попасть в ряды его «лисовчиков», что удавалось, похоже, далеко не каждому. Однако годом ранее положение Лисовского было далеко не столь блестяще и сам он выступал не как предводитель отборного воинского формирования, а, скорее, в качестве вожака многочисленных, но слабо организованных толп мятежников, что наглядно проявилось в ходе похода его на Рязанские земли.

---

[9] *Мархоцкий Н.* История Московской войны. С. 34.

[10] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 142.

[11] Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 90.

ГЛАВА 3

РЯЗАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И ЛЕТНИЙ РЕЙД

Рязанский поход, битвы под Зарайском и на Медвежьем Броду, первый рейд лисовчиков (1608)

На Рязанщине, как и в Северской земле, в это время шла ожесточённая борьба между правительственными войсками царя Василия Шуйского и мятежниками, сторонниками «истинного царя Димитрия Ивановича». Всего в 20 верстах от Переяславля-Рязанского действовали отряды пронских и михайловских повстанцев. Царские воеводы предпринимали против мятежников один поход за другим. Осенью 1607 г. Захарий Ляпунов «промышлял над ворами» у Ряжска, а весной 1608 г. Прокопий Ляпунов и князь И.А. Хованский выступили против Пронска, где «едва верхнего города не взяли». В бою Прокопий Ляпунов был ранен в ногу выстрелом из пищали и воеводам пришлось отступить.

Едва они вернулись из похода, как пришла весть о том, что невесть откуда явившийся никому неведомый пан Лисовский обосновался в мятежном Михайлове. Гонец доставил из Москвы царскую грамоту, от 9 (19) мая 1608 г., в которой воеводам приказывалось беречь от возможного нападения сам Переяславль-Рязанский: «сказывали намъ в роспросѣ выходцы и полоняники, которые выходили съ Михайлова, а взяты въ полонъ въ Ряскомъ, какъ приходили воры въ Рязской и въ Остроуховѣ, что воры на Михайловѣ, панъ Лисовской, збиратца съ тутошними воры, а хочетъ идти къ Переславлю на осаду. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ жили в Переславлѣ съ великимъ береженьемъ»[1].

Вскоре стало известно о взятии Лисовским Зарайска.

Зарайск был сильнейшей пограничной крепостью. Его цитаделью являлся каменный кремль, выстроенный ещё по приказу Василия III. Зарайский кремль в плане представляет собой прямоугольник с разме-

[1] Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ. М., 1898. Ч. I. 1257–1613 гг. С. 293.

рами 185 на 125 метров, в стенах которого имелось семь боевых башен – Никольская, Егорьевская, Казённая, Наугольная, Караульная, Спасская, Троицкая, – высотой до 14 м, при диаметре каждой башни до 10 м. Вряд ли Лисовский взял столь мощную крепость приступом. Скорее всего, её ворота открыли ему местные сторонники Лжедмитрия.

Вместо раненого Прокопия Ляпунова, признанного главы рязанских служилых людей, вторым воеводой в поход с князем Хованским отправился его брат Захарий. Уверенные в успехе, он не соблюдал никаких мер предосторожности и «пріидоша подъ Зарайской городъ не промысломъ со пьяна». В итоге 30 марта рязанская рать была наголову разгромлена внезапным ударом Лисовского. В битве пали практически все 250–300 арзамасцев, являвшихся лучшими воинами в царской рати, многие были захвачены в плен[2]. «Трупъ же ихъ Лисовской повелѣ похранити въ одномъ сто въ яму и здѣла ту надъ ними для своей славы курганъ велій; и той курганъ стоитъ и до нынѣ»[3]. Немало, наверняка, было и раненых. Рязанский сын боярский Дружина Нечаев позднее вспоминал, как он «был с воеводою со князем Иваном Ондреевичем Хованским, и как был бой с Лисовским, и ево ранили из лука, пробили правую ногу»[4]. Среди погибших, по наблюдению А. Н. Фролова, был

[2] «Они же под Заразской пиянымъ обычаемъ приидоша и отъ Лисовскаго пана вси побиени быша, 300 человѣкъ единыхъ арзамасцевъ убито, а иныхъ живых взяша» (Латухинская Степенная книга. М., 2012. С. 641).

[3] ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 80; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901. С. 276–277. Позднее, в 1614 г., рядом с захоронением по челобитью чернослободского тяглого человека Сеньки Казанца со товарищи была воздвигнута деревянная церковь Благовещения, а подле неё «колокольница на столбе, покрыта шатром». В 1777 г. на этом месте появилась каменная Благовещенская церковь. В марте 1880 г. на кургане по инициативе полковника А. А. Марина был установлен памятный крест. В те же годы тут были произведены раскопки. Автор исследований сообщает: «Курган близ церкви Благовещения представляет насыпь 5 аршин в вышину и около 20 сажень в окружности. На глубине 7 аршин от поверхности кургана найдены лежащие в беспорядке человеческие скелеты, при полном отсутствии каких-либо металлических вещей; ни при одном убитом нет не только никакого оружия, но даже ни одной пуговицы от сорочки, кроме одной большой, правильно обточенной из голыша, пули, вероятно из стенобитного орудия… курган сооружен не жителями, а по приказанию полковника Лисовского, «для славы своей», воины его в беспорядке, кое-как, бросали тела убитых, предварительно обобравши с них все до последней пуговицы. Насыпь кургана приведена мной в прежний вид» (Бочарников С.И. О памятниках древности в городе Зарайске и окрестностях // Древности. Том X. М., 1885. С. 98). В 1962 г. на кургане установили гранитный обелиск, а ныне у у его подножия находятся памятные знаки павшим арзамасцам и рязанцам, установленные 23 мая 1998 г. (за указание дополнительных сведений о Зарайской битве автор приносит благодарность А. Н. Фролову).

[4] Новые документы о восстании Болотникова // ВИ. № 7. 1981. С. 82

племянник Прокопия и Захара Ляпуновых – Яков Григорьевич Ляпунов[5]. Вместе с ним погиб и рязанец Иван Сутормин сын Любавский[6]. Из числа арзамасских дворян, убитых под Зарайском, известны имена четырех – Андрея Ульянина, Асана Микульского, Никифора Москотиньева и Селиверста Лопатина[7].

Успешное сражение сразу переменило положение в Рязанских землях. Хованский сел в осаду в Переяславле-Рязанском, а Лисовский, пользуясь полным контролем над всеми дорогами, начал активно наращивать силы, собирая под свои знамёна запорожцев, донцов, а также служилых людей рязанских и украинных городов. Разрядные книги сообщают, что из Рязанских мест к Москве Лисовский выступил «с Черкасы и собрався с Литовскими людми и с воры Украинных городов со многими людми»[8]. Данная запись указывает на то, что ядро его силсоставляли казаки, изначально нахрдившиеся под его командованием; затем к ним, вероятно в Орле, примкнули «литовские люди» из армии самозванца, а уже на Рязанщине силы полковника многократно возросли за счёт здешних «воров». В итоге к лету 1608 г. под началом Александра Лисовского скопилось до 30 тыс. человек. «Так блестяще исполнил он свою задачу, как бы возродив к новой деятельности только что уничтоженное Шуйским войско Болотникова и царевича Петра», – пишет С. Ф. Платонов, считавший приводимую численность воинства Лисовского вполне достоверной[9]. По мнению же И. О. Тюменцева, цифра эта явялется сильно преувеличенной и причиной тому он считает огромный обоз Лисовского, в котором он вёз «денежную казну и запас вин фрянчюжских»[10]. Однако, несомненно, что во время рязанского похода под началом Лисовского служило больше людей, чем когда-либо в будущем.

Пока Лисовский хозяйничал на Рязанщине, основные силы Лжедмитрия II выступили в поход на Москву и 1 (11) мая 1608 г. разгромили правительственные войска князя Д. И. Шуйского в битве под Болховым. 25 июня (5 июля) произошло ожесточённое сражение на Ходынском поле под самой столицей. Исход битвы остался неясным,

---

[5] *Новиков Н. И.* Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Часть II. М., 1787. С. 233.

[6] Акты служилых землевладельцев. М., 1998. Т. II. С. 127.

[7] Арзамасские поместные акты 1578–1618 гг. / Сост. С. Б. Веселовский // Смутное время Московского государства, 1604–1613. М., 1915. Вып. 4. С. 337, 374, 396, 555.

[8] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 15.

[9] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 277.

[10] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 179.

но угроза для Москвы сохранялась. Для участия в осаде из Рязанских земель был призван и Лисовский.

Усилив войск и накопив огромное количество различных припасов и снаряжения, Лисовский двинулся на Коломну. Город был хорошо укреплён, имел сильный гарнизон. Но слабым местом этой крепости было её командованием. Между воеводами, которыми были князь А. Г. Долгорукий-Чёрт и каширский дворянин И. А. Момонт-Колтовский, шли бесконечные местнические споры. В итоге, видя приближение неприятеля, попросту сбежал: «и князь Олексей и Иван испужалися, и Коломну покинули, а сами побежали к Москве». После короткого боя «Лисовской пан с рускими казаки» овладел Коломной и разграбил её дочиста. В руки к нему попали важные пленники – епископ Коломенский Иосиф, которого Лисовский приковал к пушке, и боярин князь Владимир Тимофеевич Долгорукий. Боярина пленили, скорее всего, в собственном поместье в с. Воскресенское Усмерского стана, а епископ, вероятно, также был захвачен в своей загородной резиденции в с. Городище, после чего его, приковав к пушке, «под грады водяще и сим страшаще многих»[11]. Помимо того, Лисовский обзавёлся артиллерией и вообще основательно пополнил свои арсеналы за счёт коломенских запасов вооружения. «Захват Коломны отрезал столицу от подвоза столь необходимого ей рязанского хлеба, а прорыв А. Лисовского в Тушино грозил значительно усилить войска самозванца под Москвой»[12]. Против Лисовского была направлена сильная рать. Большим полком командовали боярин князь И. С. Куракин и Г. Г. Сулемша-Пушкин, передовым – боярин князь Б. М. Лыков и князь Г. К. Волконский, сторожевым – В. И. Бутурлин и князь Ф. И. Мерин-Волконский. Большинство воевод, включая И. С. Куракина, были участниками Болховской битвы и теперь горели желанием расквитаться с мятежниками за своё поражение.

Местом сбора армии было назначено с. Дорогомилово на Калужской дороге. После обычных местнических споров[13], 27 июня (7 июля)

[11] *Фролов А. Н.* Сражение на Медвежьем броду 1608 года – проблемы локализации и реконструкции. С. 14.

[12] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 179.

[13] «И Василей Бутурлин бил челом государю в отечестве о местех на князя Бориса Лыкова; и государь ему велел в Гравороны послать грамоту невместную на князя Бориса Лыкова. А Волхонские князи били челом государю, что им нелзе быть: князю Григорью в передовом полку, а князь Федору в сторожевом, для того что в болшом полку другой Григорей Пушкин; и государь их пожаловал, велел им дати грамоту невместную на Григорья на Пушкина. И князь Алексею Долгорукому Чертенку был в товарыщех Иван Александров сын Колтовской; и Иван Колтовской бил челом государю, что ему князь Олексея менши быть нелзе. И государь Ивана пожаловал, велел ему дать грамоту невместную» (*Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 162).

войска выступили в поход по Коломенской дороге. Столкновение с неприятелем произошло уже на следующий день. Отягощённое обозами воинство Лисовского переправлялось через Москву-реку на Медвежьем броду, когда оказалось внезапно атаковано царскими ратниками.

Как удалось установить А. Н. Фролову, урочище Медвежий брод находилось на пересечении Москвы-реки с большой Коломенской дорогой, на расстоянии 30 верст от столицы близ южной околицы деревни Заозёрье. Брод «представлял собой узкий песчаный гребень, причудливыми изломами протянувшийся от одного берега реки к другому. Совсем рядом с гребнем имелись глубокие места (омута) с быстрым течением, что при повышении уровня воды делало брод опасным для несведущего и неопытного возницы»[14]. Южнее располагался Боровский перевоз, где река была гораздо глубже и не мелела даже во время летней жары. Переправить там крупный обоз было невозможно. Это помогает лучше понять, отчего именно это место было избрано московскими воеводами для встречи войск Лисовского.

За овладение переправой завязалось упорное сражение. «Бой бысть с ними через весь день», сообщает автор «Нового летописца». В конечном итоге, Лисовский был разгромлен наголову, потерпев, наверное, самое тяжёлое поражение за всю свою жизнь, и бежал с поля боя «с невеликими людьми». Весь его обоз, вся артиллерия были захвачены победителями, а пленники освобождены. Однако победа не была столь полной, как хотелось бы московским воеводам: «А болшой полк князь Иван Куракин да сторожевой полк Василей Бутурлин стояли у крепости, блюдяся чаели тово, что Лисовской побежал для аманки, а ведет Лыкова на люди» (то есть заманивает в засаду). Это дало беглецам возможность скрыться[15].

По косвенным данным, Лисовский только убитыми потерял до 1 тыс. человек убитыми[16]. Точное число потерь победителей неизвестно. О них можно судить лишь по сохранившимся упоминаниям отдельных имён. Известно, что при Медвежьем броде погиб мещовский сын боярский Петр Григорьевич Еропкин, а галичанин Третьяк Иванович Свиньин «за

---

[14] *Фролов А. Н.* Сражение на Медвежьем броду 1608 года – проблемы локализации и реконструкции. С. 9–10.

[15] ПСРЛ. Т. 14. С. 81; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 96, 162, 177, 254.

[16] *Фролов А. Н.* Сражение на Медвежьем броду 1608 года – проблемы локализации и реконструкции. С. 18. Именно с битвой на Медвежьем броду он связывает одну из записей в дневнике Марины Мнишек: «15-го [июля 1608 г.] пришли вести, что … москвичи, застигнув врасплох где-то у переправы казаков, перебили их до 1000 человек, за что здешнему архиепископу со всем миром велели служить благодарственное молебствие. Воры разбиты» (Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 118).

Лисовского бой и за рану, как Лисовского на Медвежьем броду побили» получил позднее прибавку в 2 рубля к денежному окладу. Участвовал в сражении и будущий воевода Мирон Анд-реевич Вельяминов[17].

Итоги рязанской экспедиции и битвы на Медвежьем броду 28 июня (8 июля) 1608 г. были противоречивы. С одной стороны поддержанный Лисовским мятеж охватил всю Рязанщину, но с другой сам он не смог доставить в Тушинский лагерь столь необходимые для активной осады Москвы припасы, да к тому же лишился практически всей своей армии. Похоже, что именно с этого времени Лисовский начал делать ставку не столько на численность своих войск, сколько на их качество, предпочитая партизанские методы ведения войны и опираясь на сравнительно небольшие, но мобильные и боеспособные силы.

Сумев вырваться из ловушки на Медвежьем Броду, Лисовский впервые продемонстрировал свои блестящие способности неуловимого наездника. Повернув с остатками разбитого воинства обратно на Рязанщину, он двинулся вдоль степного пограничья, «плѣнующу тогда землю Рязанскую, и Володимерскую, и Нижегородскую, и иныя мѣста, по Росии живущая». Точный маршрут движения Лисовского и детали его действий неизвестны. Согласно предположению И. О. Тюменцева, этот манёвр, возможно, «был вызван стремлением соединиться с отрядом «лжецаревичей» Ивана-Августа и Лавра, пробивавшихся из Нижнего Поволжья в центральные уезды России». В конечном итоге, усилившись за счёт местных мятежников, «всегоркий Александръ Лисовский с воры рускими» вышел к Переяславлю-Залесскому и оттуда направился к Троице-Сергиеву монастырю: «кровь пиай человѣческую и грядый со огнемъ по пути от Владимира и от Переславля ударяется стѣнамъ дому чюдотворца». Его воинство насчитывало в своих рядах до 6 тыс. человек, в основном бывших болотниковцев и мятежников из порубежных городов. Встревоженный известием о появлении мятежников в Замосковье, Василий Шуйский успел усилить гарнизон обители и 18 (28) августа 1608 г. «послал за паном Лисовским к Сергееву монастырю князей и бояр… в болшом полку боярин и воевода князь Андрей Васильевич Голицын да воевода князь Яков Петрович Борятинской; в передовом полку: боярин и воевода Крук Федорович Колычев да воевода князь Михайло Петрович Борятинской». Однако Лисовский не стал рисковать и постарался избежать прямого столкновения с царской ратью. Простояв под монастырём всего один день, он «началный посад Клемянтѣево и во округъ ту жилища человѣческа в воздух дымом разлия» и ушёл к Тушино. Царские воеводы вынуждены были вернуться в Москву уже на другой день после выступления в по-

[17] *Фролов А. Н.* Сражение на Медвежьем броду 1608 года – проблемы локализации и реконструкции. С. 18.

ход – сражаться им было не с кем. Нежданное прибытие войск Лисовского в Тушинский стан усилило армию Лжедмитрия II и значительно упрочило позиции русских повстанцев[18].

Русские источники говорят о первом рейде Лисовского довольно скупо. Это не позволяет ни восстановить ход событий, ни уточнить маршрут его движения. В польских источниках рязанская экспедиция и последовавший за нею летний рейд Лисовского обросли туманными легендами, придававшими им поистине эпический характер. Утверждалось, что в своих набегах он «как громом поразил провинции Рязанские, Тамбовские, Воронежские над Доном и Волгой и сама Астрахань узрела его в степях своих, дивясь звуку польской речи»[19]. Это, однако, маловероятно, хотя, несомненно, что в состав его нового войска входили казаки, бывавшие в низовьях Волги и видевшие Каспийское море. Авраамий Палицын, описывая состав отрядов Лисовского под стенами Троице-Сергиева монастыря, говорит, что там находились «дворяне и дѣти боярские многих розных городов, тотарове многие, и черкасы запорозские, казаки донские, волоские [волжские], сѣверъские, астороханские»[20]. Столь пёстрым составом своих войск Лисовский, несомненно, был обязан пополнениям, полученным в ходе летнего рейда. Подобная пестрота была обычной для воинства Самозванца – в рядах сторонников Лжедимитрия можно было встретить не только русских и поляков, но даже шведов, испанцев и турок!

Рязанский поход сделал имя Лисовского известным в Московском государстве. То, как быстро воспрял он после поражения, его стремительные и опустошительные передвижения по непредсказуемым направлениям – всё это говорило о нём, как об умелом военачальние и опасном враге. Неудивительно, что в Москве желали поскорее избавиться от него. В июне–июле 1608 г., во время переговоров с польскими послами, царь Василий Шуйский и его бояре требовали, помимо прочего, чтобы король вывел Лисовского из пределов России. На встрече с послами 5 июля «бояре послом говорили: хотите писати в своей перемирной грамоте против того списка, каковъ мы вам дали, и вам бы против того списка приписати и Лисовского имянно с Ружинским и с Вишневетцким, потому что он много зла в государя нашего землѣ починил; а вывести б государю вашему тѣх всѣх людей Ружин-

[18] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 190–191; Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 168, 170; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 253–254.

[19] *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 41; *Wisner H.* Lisowczycy. S. 50.

[20] Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. С. 192.

ского и Вишневетцкого и Алисовского с товарыщи из в.г. нашего земли. А без того нам никак перемирной грамоты вашей не имывать». Польские послы отвечали, что не могут внести имени Лисовского в грамоту, потому что он «из земли государя нашего выволанецъ, и чести он своей отсуженъ, и в которомъ городе в нашем его поймаютъ, и его тамъ казнят; и имянно нам его писати непригоже». Кроме того, по мнению послов, имя Лисовского вполне укладывается в общий термин «и иные польские и литовские люди», который уже вписан в текст грамоты. Такой подход вызвал резкие возражения русской стороны. Бояре явно не считали Лисовского просто одним из обыкновенных польско-литовских авантюристов. Они отвечали: «Говорите вы, панове, что Алисовской вор и выволанецъ из земли, и писать его имянно не хотите. И росе только много таких ваших выволанцов и учнут воровати, и вы также молыте, что воры, выволанцы, и то добро ль будет? И вы б и Алисовского имянно написали. Да и то, что государю вашему тѣх всѣх Польских и Литовских людей – Ружинского, и Вишневетцкого и Алисовского с товарыщи, которые ныне с вором, из в.г. нашего земли вывести вон; а без того никакъ намъ с вами не дѣлывать». Но польские послы упрямо не желали ставить в одной строке имя князя Вишневецкого и объявленного вне закона мелкого шляхтича. Напутствуя уходящих поляков, бояре всё же настоятельно советовали им подумать об этом деле: «Вы, панове, о том себѣ помыслите, а надобно и Алисовского тутъ написати имянно»[21].

Повысился и престиж Лисовского при дворе Лжедмитрия. Это проявилось уже вскоре после его прибытия в Тушино. Осада Москвы привлекала в Тушинский лагерь всё новые и новые толпы авантюристов. В середине июля 1608 г. в Россию вторгся отряд в 1700 человек под командованием былого сослуживца Лисовского – старосты усвятского Яна Петра Сапеги. Под его началом находились наёмники из польской Инфлянтской армии, которые взбунтовались во время рокоша Зебржидовского из-за неуплаты жалованья. Требуя денег, они объединились в Брестскую конфедерацию и нашли оригинальный способ добиться удовлетворения своих требований – захватили королевские поместья. После подавления рокоша инфлянтцы были серьёзно обеспокоены своей дальнейшей участью и, подобно рокошанам, нашли выход из затруднительного положения, выступив на поддержку «царя Димитрия». Появление отряда Сапеги резко поколебало сложившийся при дворе самозванца баланс сил, тем более, что Сапега сумел заполучить в свои руки «царицу московскую» Марину Мнишек и её отца, только что

[21] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. IV. 1598–1608 гг. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Сборник Русского императорского Исторического общества. М., 1912. Т. 137. С. 682–683; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. М., 1989. Кн. IV. С. 476.

освобождённых по условиям мирного соглашения между Речью Посполитой и правительством Василия Шуйского. Появление новой силы внесло разлад в Тушинский лагерь, чем попытался воспользоваться царь Василий, решивший вступить в переговоры с «рыцарством».

Утром 7 (17) сентября 1608 г. был произведён предварительный размен заложниками. Из Москвы в Тушино явились боярин князь Андрей Васильевич Голицын, окольничий Иван Фёдорович Колычев, думный дворянин Василий Сукин и думный дьяк Василий Григорьевич Телепнев. В свою очередь в столицу отправилось четверо видных тушинцев, «между которыми знатнейшие двое» – Иван Мартынович Заруцкий и Александр Юзеф Лисовский. Затем начались переговоры, которые, впрочем, ни к чему не привели[22].

Безотносительно исхода переговоров, сам факт появления Лисовского среди заложников на подобной встрече свидетельствует о выдвижении его в первые ряды военного командования Тушинского лагеря.

[22] *Немоевский С.* Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рязань, 2007. С. 320; *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 19–194.

ГЛАВА 4

РАХМАНЦЕВСКАЯ БИТВА И ОСАДА ТРОИЦЫ

Рахманцевская битва, начало осады Лавры и подчинение тушинцами Замосковного края

После долгих и трудных споров «рыцарство» смогло, наконец, договориться между собой, поделив власть и сферы влияния. Продолжать осаду столицы остался Роман Ружинский, а Сапега и Лисовский были направлены на завоевание северо-восточных уездов страны. Первым шагом на этом пути являлось овладение Троице-Сергиевым монастырём, который тушинцы намеревались превратить в свой главный опорный пункт в землях Замосковья. Кроме того, всем были известны легенды о баснословных ценностях, хранившихся в казне обители. Таким образом, при помощи приманки в виде монастырских сокровищ, инфлянтские солдаты Сапеги и «русские воры» Лисовского были устранены от непосредственного влияния на самозванца.

Сознавая стратегическую и политическую важность монастыря, Василий Шуйский принял меры по укреплению Троицы. Сюда были направлены воеводы – окольничий князь Григорий Борисович Роща-Долгорукий и дворянин московский Алексей Голохвастов, – а также служилые люди, казаки и стрельцы. Архимандрит Иоасаф призвал к оружию монахов, монастырских слуг, окрестных крестьян, ремесленников и богомольцев. В итоге численность защитников обители достигла примерно 2,5 тыс. человек. Помимо них за стенами укрывалось не менее тысячи стариков, женщин и детей[1].

Численность тушинских войск была неизмеримо большей. Впереди армии в походном порядке двигался полк Александра Лисовского – «москва с пушками, орудий 6 добрых, полкартаунов». Численность полка достигала 6 тыс. человек. Затем двигались полки Яроша

[1] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 16–17.

Ян Петр Сапега. *Гравюра В. Гондиуса, 1610-х гг.*

Стравинского (500 чел.), Марка Вилямовского (900 чел., в том числе 200 казаков), полк самого Сапеги (1720 чел. с артиллерией), а замыкал движение полк Яна Микулинского (900 чел., в том числе 300 казаков). Таким образом, Лисовский имел под своим началом большие силы, нежели все остальные тушинские полковники вместе взятые. Уже одно это придавало ему особенное значение. Большая часть мятежного воинства представляло собой конницу (ок. 6770 чел.), из артиллерии

имелось всего 14–17 полевых пушек, непригодных для пробивания брешей в мощных каменных стенах обители[2].

Вдогонку за тушинцами Василий Шуйский выслал 15-тысячную армию под командованием своего брата И. И. Шуйского-Пуговки. Сражение произошло 22 сентября (2 октября) 1608 г. у д. Рахманцево. Как и Д. И. Шуйский, второй брат царя также оказался бездарным военачальником, хотя находившиеся под его началом войска сражались превосходно.

Правительственные войска изначально не выпускали противника из поля зрения. Уже в первый же день похода, 19 (29) сентября, всего в полутора милях от Тушина шедший в арьергарде полк Яна Микулинского был атакован татарской конницей. При этом едва не угодил в плен пан Руцкий, выехавший проводить сотоварищей. Одного татарина удалось пленить и Сапега, допросив пленника, приказал его казнить.

Вечером армия Сапеги остановилась в с. Тайнинском. Следующие три дня она двигалась по Ярославской дороге через сёла Братошино и Воздвиженское. В Воздвиженском 21 сентября (1 октября) конная разведка сообщила Сапеге, что войска Шуйского заняли Братошино. До Троице-Сергиева монастыря оставалось ещё две мили. Решившись продолжить движение, гетман подвергал свою армию немалому риску – противник мог внезапно атаковать её на походе, а вылазка монастырского гарнизона довершила бы разгром. Поэтому Сапега попытался сам устроить преследователям ловушку и 22 сентября (2 октября) развернул войска в боевой порядок, чтобы встретить Шуйского на марше. Но московские воеводы вовремя заметили неприятеля и успели занять выгодные позиции у деревни Рахманцево.

«Сторожевой отряд войска г. Сапеги, как только заметил русских, сейчас дал ему знать, – вспоминает Юзеф Будило, – Г. Сапега вывел своё войско в поле; русские тоже приготовились к битве и, видя, что у поляков мало войска, смело вступили в бой с великим криком». Первыми в бой была послана многочисленная русская конница Лисовского, однако она повернула вспять, так и не столкнувшись с неприятелем. Видя бегство врага, царские ратники бросились в преследование и нанесли серьёзный урон полку Лисовского. На помощь *лисовчикам* был брошен полк Микулинского. Совместными усилиями им удалось отразить натиск московских ратников, однако, повторная контратака вновь вынудила их податься назад. Для поддержки Лисовского и Микулинского в бой ввели пятигорцев, и они не смогли сдержать

[2] *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611) // Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901. S. 188–189; *Тюменцев И. О.* Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М., 2007. С. 18.

Вид центральной части Троицкого монастыря в конце XVI в.
Реконструкция В. Балдина.

очередной, третий по счёту, натиск царской армии. Удача, казалось, полностью покинула сторонников самозванца. «Они встретились, – пишет Конрад Буссов, – ...и задали друг другу жару, причем Сапега дважды был отбит, и от этого у поляков затряслись длинные шпоры и душа ушла в пятки». Царские воеводы не только опрокинули полки Микулинского и Лисовского, но также потеснили полк Вилямовского на правом фланге и полк Стравинского на левом, овладели всей артиллерией тушинцев. Над войском Сапеги нависла реальная угроза окружения и разгрома.

Едва не попав в руки неприятеля, Ян Пётр Сапега с трудом пробился к обозу и призвал на помощь последние свои резервы – две гусарские и две пятигорские роты. По словам Буссова, он воодушевил их пылкой речью: «Милостивые государи, если мы обратимся в бегство, всё будет потеряно и ни один из нас не спасётся. Отечество наше очень далеко отсюда. Почётнее умереть, как рыцарь, чем дать убить себя, как трусливую девку. Пусть каждый сделает во имя божие всё, что в его силах, я пойду первым, кому честь дорога, тот пойдёт за мной. При третьем натиске бог даст нам счастье и удачу, и враг будет в наших руках».

Неудержимая атака панцирной кавалерии решила исход битвы. «Этот отряд мужественно сразился, придал бодрости нашим, смутил русских, – вспоминает Будило, – русские подались, обратились в бег-

ство и наши гнали их четыре мили – до Братовши». Отчаянный натиск со стороны уже, как казалось, побеждённого врага, застал воевод врасплох. Сам И. И. Шуйский и Ф. В. Головин в панике бежали с поля боя. Вместе с ними обратились в бегство сторожевой и часть большого полка. Лишь воевода передового полка, князь Григорий Петрович Ромодановский, устоял под ударом неприятеля и попытался отразить его натиск. Это ему, однако, не удалось. В жестоком бою погиб его сын Алексей, а сам храбрый воевода был тяжело ранен. Согласно преувеличенным польским сведениям на поле боя осталось 14 тыс. убитых «московитов», в то время, как тушинские войска потеряли убитыми всего 300 человек. Надо полагать, что потери правительственных войск действительно были тяжелы, причём большая часть их, несомненно, приходится на долю убитых во время преследования. Кроме того, было захвачено немало пленников, среди которых Сапега особо отмечает иностранных наёмников: «венгров, немцев и поляков, кои имели хоругвь свою и ротмистра от Шуйского»[3].

Вновь, как и на Медвежьем Броду, полковник потерпел поражение от правильно устроенного войска. Описание Рахманцевской битвы в «Дневнике Сапеги» отмечает нестойкость людей Лисовского, показавших тыл, так и не столкнувшись с противником. Однако, вполне возможно, что здесь нашли отражение как общая тенденциозность польских источников, так и обычное непонимание чуждой для Речи Посполитой тактики русской конницы, которая не практиковала обычного для поляков натиска с последующим сабельным боем (szarza). Согласно Ст. Немоевскому, современнику и участнику событий Смуты, «приём на войне у этого народа… один – все на конях, по обычаю татар … Сражение у них идёт также татарским приёмом: или гонятся, если кто перед ними уходит, или уходят, стреляя из луков… себя же хвалят, что бьются и нападая, и убегая»[4]. Поэтому и результат пред-

[3] *Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.). С. 142–143; *Буссов К.* Московская хроника. С. 155; *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 189–190; *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 225–226.

[4] *Немоевский С.* Записки Станислава Немоевского (1606–1608). С. 184. В качестве иллюстрации Немоевский рассказывает о судьбе отряда польских наёмников, посланных сражаться с татарами: «Когда дошло до дела, то… наши, по своему обычаю, давши волю коням, ударили на татар (не «танцем», приёмом московитян и татар)… и скрылись между них; москвитяне, которые имели их поддержать, видя это и предполагая, что Литва изменила, начали отступать назад… Из тех наших… погибло 700 человек, но 1000 всё же с оружием в руках ушли назад к москвитянам. Когда же они стали укорять тех в выдаче головой и неподдержке, те ещё выговарили им, указывая на глупость-де наших: «А кто же это видел такую бессмыслицу бежать к неприятелю, как будто кто у вас глаза повынимал, как вы это сделали? Бросаться на него, а он на тебя палит из пищали?»

принятой полчанами Лисовского первой атаки «татарским приёмом» мог показаться польским кавалеристам просто бегством без соприкосновения с противником.

Впрочем, согласно Латухинской Степенной книге, действия Лисовского в этой битве были гораздо более успешны. По её сведениям, в начале боя «Московская же рать литву побили, а инѣхъ въ полонъ взяли и снарядъ отняли весь», но затем Сапега атаковал двумя своими последними ротами. При этом воевода сторожевого полка Фёдор Головин «обробел», а большой полк «помялся». В результате «Лисовской же много московския силы побилъ и живыхъ взялъ»[5]. Возможно, подавшиеся назад *лисовчики* затем обернулись и, в соответствии со своей тактикой, обрушились на дрогнувшегося под ударом панцирной кавалерии неприятеля. Именно в ходе преследования они могли захватить множество пленников и перебить бегущих царских ратников.

Впрочем, несомненным представляется и то, что полк Лисовского, сформировавшийся в ходе грабительского рейда из случайных и чуждых друг другу элементов, не успел ещё спаяться в единый боевой организм, а потому был не в состоянии противостоять правильно устроенному войску. Для сплочения и превращения в боеспособное воинское подразделение полку ещё только предстояло закалить себя во время осады, длительность и тяжесть которой никто пока не мог себе и представить.

23 сентября (3 октября) 1608 г. тушинская армия подошла к Троице-Сергиеву монастырю. Ворота его были заперты. Объехав обитель, Сапега и Лисовский выбрали места для осадных лагерей. Воинство Лисовского расположилось к юго-востоку от монастыря на другом берегу речки Кончуры в Терентьевской роще. На прибрежных кручах было установлено четыре укреплённые батареи – не столько для обстрела обители, как для отражения возможных вылазок.

Троице-Сергиев монастырь, помимо своего духовного значения, представлял собой ещё и первоклассную крепость. Удачно расположенный в местности, изрезанной оврагами и защищённой крутыми склонами, монастырь был в середине XVI в. обнесён мощной каменной стеной, образовывавшей неправильный четырёхугольник общей протяжённостью 1284 м. Высота её колебалась от 8 до 14 м, а толщина – от 6 до 10 м. Стену, имевшую амбразуры для «среднего» и «подошвенного» боя, увенчивали зубцы, под которыми располагались косые навесные бойницы. Над стенами высилось 12 боевых башен. Они служили как для ведения фланкирующего огня, так и площадками для

(Там же. С. 192). Именно так вполне могли рассуждать «московитские» всадники из полка Лисовского.

[5] ЛСК. С. 642.

размещения орудий. В башнях и на стенах было установлено более ста пушек. Передовой линией укреплений служили деревянные надолбы. В ожидании осады за стенами обители укрылось не менее тысячи стариков, женщин и детей, а гарнизон монастыря насчитывал в своих рядах около 2,5 тыс. стрельцов, пушкарей, детей боярских, казаков, боевых холопов, затинщиков, монастырских слуг, вооружённых монахов, паломников и крестьян[6].

Сдаваться монастырь отказался и Сапега стал готовиться к штурму. Он начал вести подкоп под Пятницкую башню и послал в Тушино за осадной артиллерией. В итоге 6 (16) октября в лагерь осаждающих прибыли князь Данила Долгоруков, 300 казаков и осадная пушка «Тещера». Орудие установили подле лагеря Лисовского у Терентьевской рощи на горе Волокуше. Вскоре начались и открытые вооружённые столкновения с защитниками. Первый бой произошёл 8 (18) октября у водяной мельницы на Кончуре. Накануне Лисовскому стало известно, что из монастыря к мельнице идёт подземный ход. Он устроил там засаду, но в лунном свете она была замечена монастырскими дозорными. Осаждённые вышли через потайные ворота и в пять часов ночи сами внезапно напали на людей Лисовского. Вылазка увенчалась успехом и засада была полностью разгромлена. Самому Лисовскому в схватке прострелили «руку правую сквозь ладонь»[7].

Спустя два дня, 10 (20) октября, осаждённые предприняли крупную вылазку против лагеря Сапеги на Красной горе. Извещённый о том через перебежчика, Сапега успешно отразил нападение и нанес защитникам монастыря большие потери.

Тем временем тушинские отряды под командованием дона Хуана Крузатти, Петра Головича, Тимофея Бьюгова и Яна Кернозицкого успешно действовали в северо-восточных уездах царства, нанося поражение правительственным войскам. Многие города стали переходить на сторону самозванца. 24 октября (3 ноября) по переяславской и угличской дорогам к монастырю приблизились многолюдные посольства ярославцев, костромичей, вологжан, устюжан и представителей других уездов, которые направлялись в Тушино ко двору Лжедмитрия II. Воеводы направили большой отряд к Ярославской дороге на разведку, но *лисовчики,* которые вели подкоп, перехватили его. Они атаковали из своих рвов и ям «яко демоны», перебили многих защитников, в том числе их командира Бориса Рогачёва.

---

[6] *Коробков Н. М.* Крепостная стена Троице-Сергиевской лавры // Историко-археологический сборник. М., 1948. С. 46–51; *Тюменцев И. О.* Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. С. 16–17.

[7] *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 193.

26 октября (5 ноября) осаждённые предприняли новую, более удачную вылазку, опрокинув заставы ротмистров Сумы и Брушевского, отогнав их к самой Красной горе. Ян Брушевский был захвачен в плен и на допросе дал ценные показания о готовящемся подкопе.

В ночь на 1 (11) ноября тушинцы внезапно пошли на приступ. Штурм был неожиданен не только для осаждённых, но и для командования осаждающих. Воинство решило атаковать стены обители, будучи разгорячено обильными возлияниями на шумном пиру. В приступе участвовали солдаты Сапеги из лагеря на Красной горе. Лисовский не повёл своих людей на неподготовленный приступ и ограничился артиллерийской поддержкой, открыв огонь со своих батарей и с вершины Волокуши. Как и следовало ожидать, штурм окончился полным провалом. Единственным успехом штурмующих было сожжение деревянного острожка у Пивного двора.

Через три дня защитники монастыря организовали новую вылазку. Её целью было точно установить направление вражеского подкопа. Голова Борис Зубов и слуга монастырский Ананий Селевин атаковали противника у Подольного монастыря и погнали в сторону лагеря Лисовского. Был захвачен пленник, от которого, наконец, удалось получить необходимые сведения. Защитники стали рыть вдоль стен защитный ров. 6 (16) ноября на землекопов напали сапежинцы, но были отражены с большими потерями огнём со стен монастыря. В течение 9 (19) – 11 (21) ноября схватки около устья подкопа не прекращались. Осаждающим стало ясно, что их замысел раскры Они открыли огонь по монастырю из «Тещеры», однако монастырские пушки 8 (18) ноября удачно накрыли огнём осадную батарею и «Тещера» была разбита. 9 (19) ноября вылазка Ивана Ходырева против шанцев на Красной горе вылилась в кровопролитное сражение у монастырских стен. Осаждающие едва не ворвались в монастырь, но зато осаждённые сумели захватить 8–11 пушек и полностью разгромили часть укреплений Сапеги. «Гетман же Сапѣга, видѣвъ заимающася огнём твѣрдейшая станища своя, побѣже в табары своя, такоже и злый еретикъ лютор Лисовской»[8]. Вслед за этим 10 (20) ноября в бою около подкопа погибло 190 защитников обители, но вечером в ходе успешной вылазки осаждённые захватили у сапежинцев обоз с сеном.

Утром 11 (21) ноября из монастыря была организована крупная вылазка, чтобы окончательно уничтожить вражеский подкоп. Удар был нацелен и на позиции Лисовского. Отряд Ивана Есипова, Силы Марина и Юрия Редрикова должен был атаковать третий и четвёртый шанцы *лисовчиков*; отряд Ивана Ходырева, князя Ивана Болховского и Бориса Зубова имел целью первую и вторую батареи Лисовского. Эти атаки

[8] Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. С. 210.

должны были сковать *лисовчиков* и не дать им возможности помешать группе Ивана Внукова уничтожить подкоп. После взрыва подкопа атакующим следовало поспешно отступать к монастырю, чтобы войска Сапеги с Красной горы не успели отрезать им пути отхода.

«И егда начаша из града выходити за три часа до свѣта, и абие наидоша облацы тёмныя, и омрачися небо нелѣпо, и бысть тма, что ни человѣка видѣти… Людие же вышедшее из града и ополчишася. И абие буря велика воста и прогна мрак и тёмныя облаки и очисти воздух, и бысть свѣтло. И егда удариша в осадные колокола потрижды, так обо повелѣно имъ вѣсть подати, Иван же Ходырев с товарыщи… вкупѣ нападоша на литовских людей нагло и мужественно… В то же время от Святых ворот голова Иван Внуков с товарыщи и со всѣми людми прииде противъ подкоповъ на литовских людей… збивше литву и казаковъ под гору на Нижней монастырь и за мелницу. А Иван Есипов с товарыщи своимъ полком бьющееся с литвою по Московской дорогѣ по плотинѣ Краснаго пруда до Волокуши горы»[9].

Атака развивалась успешно, но *лисовчики* быстро пришли в себя. Бывший болотниковец, казачий атаман Иван Чика отразил натиск на Волокушу и стал теснить нападавших обратно к Подольному монастырю. Появилась угроза того, что ему вновь удастся овладеть подкопом. Но в тот миг, когда враги уже ворвались в него, два клементьевских крестьянина, Никона Шилов и Солота, пожертвовали собой и взорвали заряд. Понеся потери, отряд Чики был оттеснён обратно к Терентьевской роще, хотя в ходе схватки атаман успел застрелить из самопала голову Ивана Внукова.

Следующее крупное сражение с участием Лисовского произошло 28 ноября (8 декабря). Осаждённые решили отбить у тушинцев захваченный ими скот. Для этого была устроена вылазка, которая разогнала заставы осаждающих в Мишустином и Большом Глиняном оврагах и у Благовещенской рощи. Однако, увлекшись преследованием неприятеля, ратники слишком отдалились от монастыря. На поддержку им был выслан дополнительный вылазной отряд. Между тем Лисовский повёл своих людей, стремясь отрезать защитникам обители путь к отступлению.

«Александръ же Лисовской, яко змий возсвиставъ со своими аспиды, хотя поглотити православных воиньство; и вскорѣ прииде с конными и пѣшими людми и с рускими измѣнники с Терентѣевской рощи противъ Красных ворот на вылазных троецких людей… и, яко левъ ревый, хотя всѣх поглотити»[10].

---

[9] Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. С. 204, 205.

[10] Там же. С. 214.

Лисовчики стали теснить защитников в крепостные рвы. Тогда в ход был пущен последний резерв осаждённых. Старцы Ферапонт Стогов и Малафий Ржевитин во главе 20 монахов выехали верхом из Святых ворот монастыря, внезапно обрушившись на врага. «И видѣся Лисовскому, яко из монастыря тмочислено многое воиньство изошедших; и абие устрашися злый враг кровопийца и побѣже, гоним силой божиею, со всѣм своим воиньством под гору за мелницу на лугъ и на Тѣрентеевскую рощу»[11].

На выручку Лисовскому, однако, успели подойти конные роты Сапеги. Совместными ударами с тыла и флангов осаждающие сбили вылазных людей в низину у Пивного двора и попытались их там окружить и уничтожить. Сдержать натиск противника помог подвиг крестьянина Суеты. Он был «велик возрастом и силенъ велми, подсмѣваем же всегда неумѣниа ради в боех». В этот момент, вскричав «Се умру днесь или славу получю от всѣх!», он ринулся на врагов с бердышом в руках. «И сѣчаше бердышем своимъ на обѣ страны врагов и удержавая полкъ Лисовъского Александра и никто же против его стати не возможе». Тогда Лисовский повёл своих людей вдоль Красной горы к Косому Глиняному оврагу на появившийся там отряд троицких людей.

«Видѣвъ же мало троецкаго воиньства, злонравный лютороъ Лисовской устремися жестоко на них, и смѣсившеся вси людие вмѣсто, литовские и троецкие, и бысть бой великъ близ оврага Глинянова… Александръ же Лисовской хотя в отводѣ жива взятии слугу Пимина Тененева, Пимин же обратився на Александра и устрѣли его из лука в лице по лѣвой скрании. Свирѣпый же Александръ свалися с коня своего. Полчане же его ухватившее и отвезоша в Сопѣгин полкъ».

Ранением Лисовского битва не завершилась, ибо у многих его людей «сердца же кровию… закипѣша по Лисовскому и на месть паки мнози воздвигнушася зань, яко лютыя волцы». Однако перелом в сражении уже произошёл. Тушинцы были отражены и защитники монастыря благополучно сумели укрыться за его стенами[12].

Надо отметить, что жизнь Лисовского не раз повергалась опасности в схватках под Троицей. Он всегда был в гуще боя и на него всегда были направлены удары храбрейших из осаждённых. Одним из наиболее прославленных воинов среди защитников обители был монастырский слуга Анания Селевин. Он собственноручно захватил 16 пленников и «никто же от силных поляков и руских измѣников смѣюще наступати нань но издалече ловяще из оружиа убити… И по конѣ его мнози знающе, толик бо скоръ конь той». Ближайшим товарищем Селевина во

[11] Там же.

[12] Там же. С. 214, 216, 218; *Тюменцев И. О.* Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. С. 35–36.

всех вылазках был глухонемой перебежчик из тушинского стана пан Мартьяш. По уверению Авраамия Палицына, «роту копейных поляковъ они же два с луки вспять возвращаху». И вот, во время одной из вылазок, Лисовский заметил Селевина и ринулся на него. Однако русский поединщик оказался более ловок: «Ананиа же борзо ударив конь свой и пострели Лисовского из лука в високъ лѣвой, с ухом прострелив, и опроверже его долу, сам же утече из среды полков казачихъ»[13].

Столь же неудачна для Лисовского оказалась схватка с московским стрельцом Нехорошко и клементьевским крестьянином Никифором Шиловым (братом погибшего при взрыве подкопа Никона). Когда во время вылазки Лисовский во главе своего полка атаковал защитников монастыря и «пожирал их устами меча, яко волк агнцев», эти двое «видѣвше Лисовского вооружена зѣло броньми, копие же в руку своея имѣя». Верхом на меринах, они ринулись на внушающего страх наездника, «призывающее на помощь великаго Сергиа чюдотворца». В схватке Никифор Шилов убил под Лисовским бахмата, а Нехорошко поразил его копьём в бедро. При этом им обоим удалось вырваться из толпы *лисовчиков* и невредимыми вернуться в монастырь[14].

Удачные для Лисовского схватки и поединки, разумеется, не нашли отражения в повествовании Авраамия Палицына.

Одновременно с осадой Троицы, Сапега и Лисовский приводили в подданство Лжедмитрию окрестные уезды Замосковного края. Вначале присягу самозванцу принесли жители восточных волостей Московского уезда и окрестностей Александровой слободы. Чтобы привлечь их на свою сторону, Ян Пётр Сапега публично карал виновных в грабежах и насилиях. Между тем загоны тушинских фуражиров в поисках продовольствия опустошали территорию, формально находившуюся ещё под контролем правительства Шуйского. Не имея сил противодействовать этим набегам, местные жители стали высылать посольства в стан под Троицей и просить Сапегу принять их присягу и прислать к ним воинские силы для обуздания грабителей. Первыми 7 (17) октября 1608 г. прибыли посланцы Переяславля-Залесского. Они сообщили также, что против тушинцев готовится выступить владимирский воевода князь Третьяк Сеитов. После Болховской битвы он на время примкнул к Лжедмитрию, но затем снова переметнулся в стан Шуйского. Теперь же, сославшись с суздальцами, муромцами, ярославцами, ростовцами и переяславцами, он собирал войска для похода против Тушинского Вора.

Сапега немедленно удовлетворил прошение переяславцев и направил к ним отряд под командованием Петра Головича и Тимофея Бью-

[13] Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. С. 244.
[14] Там же С. 246.

Князь Д. М. Пожарский. *Гравюра начала XIX в.*

гова – обрусевшего шведского торговца Лауренса Буйка из Ярославля. Под их началом находилось 300 запорожцев, три гусарские роты и отряд татар, а в Переяславле к ним присоединилось 200 местных дворян.

Между тем 8 (18) октября воевода Т. Ф. Сеитов выступил в поход и сделал своей базой Ростов. Здесь к нему присоединились ярославцы. Тем временем к Сапеге продолжали являться посольства замосковных уездов – Юрьевского и Суздальского.

Согласно сведениям «Нового летописца», первоначально суздальцы собрали ополчение и намеревались «стояти противъ Литовскихъ людей». Это их намерение поддерживал и благословлял архиепископ

Галактион. Однако планы повстанцев были сорваны сторонниками Лжедмитрия во главе с неким Меншиком Шиловым, который, «наученъ діяволомъ», убедил горожан целовать крест Тушинскому Вору и направить посольство к Сапеге под Троицу. Очень скоро суздальцы горько разочаровались в своём решении, ибо к ним явился Лисовский, который «въ Суздалѣ и инымъ городомъ многую пакость дѣяше». Вместе с ним Сапега прислал в Суздаль на воеводство Фёдора Кирилловича Плещеева-Смердова[15]. Однако, согласно И. О. Тюменцеву, опирающемуся на данные разрядов, инициатором присяги Лжедмитрию был в Суздале не Меншик Шилов, а сам Ф. К. Плещеев, которого полностью поддерживал архиепископ Галактион. Что же касается Лисовского, то он появился в Суздале только в марте следующего года[16].

Тем временем, усилившись переяславскими дворянами, отряд Бьюгова и Головича выступил на Ростов, жители которого отказались приносить присягу Лжедмитрию. Ополчение князя Сеитова двинулось навстречу неприятелю. Князь имел численное превосходство над противником – под его началом находилось около 2 тыс. человек против 800 тушинцев. Однако, опытные наёмники Бьюгова и Головича быстро разгромили ополченцев. Преследуя бегущих, они ворвались в Ростов, зажгли город и устроили там кровавую резню. Запорожцы, а вслед за ними и переяславцы, «выбиша двери церковныя и начаша людей същи и побиша множество народа». Город подвергся грабежу, в церквях и монастырях была захвачена огромная добыча, среди которой выделялась драгоценная рака Св. Леонтия. Митрополит Филарет и Третьяк Сеитов были схвачены. Их препроводили в лагерь Сапеги под Троицей, а оттуда выслали в Тушино[17].

Разгром Ростова произвёл решающее впечатление на замосковные уезды. Присягу Лжедмитрию принесли жители Романова, Ярославля, Углича, Галича, Вологды, Владимира, Мурома, Арзамаса, Гороховца и Балахны. Оказавшиеся под контролем тушинцев территории были разделены на приставства, которые должны были обеспечивать продовольствием и фуражом войска Сапеги. Жители уездов – и дворяне, и крестьяне, и посадские люди, – быстро поняли, что ошибались, ожидая, что войска Лжедмитрия станут их защитниками от бесконечных поборов и разбоев. Тушинские отряды сами оказались хуже всяких разбойников.

Отряды Лисовского также кормились за счёт замосковных приставств. Он разместил девять рот «оберегать города Ярославля посаду

[15] ПСРЛ. Т. 14. С. 82.

[16] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 237–238.

[17] Там же. С. 239–240; ПСРЛ. Т. 14. С. 83; *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 194–195.

и уѣзду», а также высылал своих людей в окрестности Переяславля-Залесского. Уже 29 ноября (8 декабря) 1608 г. монахи здешних монастырей – «Горицского монастыря архимонритъ Алимпей съ братьею, да Донилова монастыря архимонрит Іона съ братьею, да Никитцкого монастыря игуменъ Леонтей съ братьею, да Ѳедоровского монастыря игуменъ Тихонъ съ братьею, да Борисаглѣбского монастыря игуменъ Давыдъ съ братьею» – били челом Лжедмитрию II. Они жаловались на то, что «пан Олександр» и его «загонные люди» фактически завладели монастырскими вотчинами, взыскали монахов 360 рублей, а также взяли с них в пользу ротмистров Синского и Юшинского «всякие столовые и конскіе кормы и въ тѣхъ де кормѣх стало имъ убытка девяносто четыре рубли». Получив жалобу, Лжедмитрий сделал выговор Сапеге, приказав ему отозвать из Переяславля Синского и Юшинского. Насчёт же Лисовского было указано: «буде тотъ панъ Олександръ тѣ денги имали безъ твоего велѣния, и ты бъ тѣ денги сыскавъ, потомужъ себѣ зачелъ въ заслуженоя»[18]. Суздальский воевода Ф. К. Плещеев жаловался Яну Сапеге на разорение собственной вотчины во Владимирском уезде: «Литва и казаки твоихъ табаровъ и Лисовского загонные люди разорили людишокъ нашихъ и крестьянъ, и жонокъ и дѣвокъ и робятъ емлютъ и отвозятъ въ табары, и досталной хлѣбъ сами молотятъ, и сѣно отвозятъ в табары жъ». Подобные действия были обычной практикой для всех тушинских отрядов[19].

Крайне сомнительной выглядит попытка С. Э. Динера связать имя Лисовского с боем у с.Высоцкое (Высокое), где князем Д. М. Пожарским был разгромлен тушинский отряд, наступавший на Коломну[20]. На самом деле «Новый летописец», сообщающий о «побое литовских людей и руских воров в селе Высотцком», не называет имени предводителя тушинцев. Автор уверяет, будто факт командования Лисовским этим отрядом является «общепризнанным», ссылаясь при этом на И. Е. Забелина. Однако в указанном им издании подобного утверждения не содержится[21]. Мнение о присутствии на поле боя Лисовского автор обосновывает, опираясь исключительно на собственные предположения. Ссылаясь на текст Н. М. Карамзина, он говорит, что осенью 1608 г. «Лисовский легко занимает Суздаль и Владимир». Ну а поскольку «Никоновская летопись сообщает, что неприятель, остановившийся у с. Высокого, шёл к Коломне «от Володимера», то «сопостав-

[18] Сборник князя Хилкова. С. 28–29.

[19] РИБ. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 697.

[20] *Динер С. Э.* Разгром отряда Лисовского на р. Гуслице в 1608 г.: первая победа Дмитрия Пожарского // Гуслицы. Историко-краеведческий альманах. 2009. Вып. 7.

[21] *Забелин И. Е.* Прямые и кривые в смутное время. Минин и Пожарский. М., 1896. С. 49.

ление источников и даёт основание для вывода о том, что неприятеля возглавлял Лисовский». После этого, априорно исходя из полученного таким способом вывода, автор начинает борьбу с фактами, которые не укладываются в его схему, в частности, критикует выкладки И. О. Тюменцева, согласно которым бои под Коломной датируются концом декабря 1608 г. Исходя из ранения, полученного Лисовским в бою под Троицей от рук Пимена Тененева, С.Э. Динер переносит бой у Высоцкого на вторую половину октября – начало ноября. При этом, кстати, он совершенно не учитывает того факта, что как раз в этот период Лисовский безотлучно находится под Троицей, активно участвуя в осаде монастыря. Владимир, откуда тушинский отряд двигался на Коломну, признал власть Лжедмитрия II в конце октября. Этот поход стал второй попыткой взятия Коломны – первую предпринял ротмистр Хмелевской, вышедший из Каширы. Таким образом, дата боя у Высоцкой смещается ещё глубже в позднюю осень. Дневник А. Рожнятовского, на который опирается И. О. Тюменцев, сообщает о боях под Коломной 26 декабря 1608 г. (5 января 1609 г.). В это время Лисовский уже подавлял восстание под Ярославлем. Таким образом, он в любом случае не мог сражаться с Д. М. Пожарским и романтическая история о первом противостоянии «героя» и «антигероя» Смуты повисает в воздухе. Наступление на Коломну, скорее всего, осуществляли тушинцы, контролировавшие Владимир, – воеводы И. И. Годунов, М. И. Вельяминов и ротмистр Я. Соболевский. Стоит отметить, что гораздо осторожнее подходит к данному эпизоду Ю. М. Эскин, который пишет, что в Высоцкую волость двинулись от Владимира «новые тушинские отряды, возможно, «лисовчиков». Сам бой он также датирует концом декабря 1608 – январём 1609 гг.[22]

К осени 1608 г. относятся и события, зафиксированные в легендарной форме в «Сказании о житии Благоверныя Великия княгинии Соломонии, во иноческом чину преподобная Софии Суздальския». Согласно преданию, в 7117 г. по пути в Суздаль Лисовский, подступил к Покровскому монастырю. Он намеревался разорить обитель, однако тому помешало чудо: «явися святая преподобная и благоверная княгиня София тому пану во образе своем со свящею страшна и учала его в то время палити. И в том же часу впаде окаянный в недуг великий, и рука правая у него отяся в то время и ужасеся злонравный и от того страшнаго видения отиде от Покровского девичя монастыря. И учал товарыщам своим про такие явные чюдеса сказывати». Поскольку и прочие «поганые паны болни быша недугом», Лисовскому ничего более не оставалось, как отступить от стен монастыря[23]. Согласно

[22] *Эскин Ю. М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. С. 36.

[23] *Кузнецов Б. В.* Видения Смутного времени // http://portal-slovo. ru/

Б. В. Кузнецову, история со спасением Покровской обители является «калькой популярнейшего чуда, вошедшего в Сказание о явлении иконы Владимирской Богоматери Темир-Аксаку. Локализованные местные представления уподобили Софию Богородице, а Лисовского – «безбожному» Тимуру, что должно было непременно обеспечить успех заступничества, уподоблением усилив его достоверность, и что возводило события под небольшим монастырем до глобального размаха, как это и представлялось местным жителям»[24]. Тот же факт, что в роль злодея в легенде занимает именно Лисовский, а не кто-либо из других тушинских воевод, свидетельствует о значимости, которую приобрело имя полковника в глазах русских людей того времени.

Тем временем, события в Замосковных уездах приобрели новый оборот. Очень скоро топтание тушинцев под стенами Троице-Сергиева монастыря и слухи о приближении русско-шведского войска князя М. В. Скопина-Шуйского воодушевили жителей северо-восточных уездов, успевших настрадаться под властью грабительских шаек самозванца. Повсюду в городах и уездах начали вспыхивать восстания. На их подавление стали высылаться карательные отряды. Одним из них, несмотря на своё ранение, командовал и Александр Лисовский.

history/44045. php (доступно на 24. 02. 2013).

[24] *Кузнецов Б. В.* Видения Смутного времени.

ГЛАВА 5

КАРАТЕЛЬ

Походы против восставших русских городов (1608–1609), битвы за Ярославль, Кострому и Кинешму

«Во всех углах толпами собирались тысячи крестьян. С теми немцами и поляками, которых они заставали в загоне (auf der Sagon), т.е. в поисках провианта или в разведке, они поступали во много раз грубее и беспощаднее, чем поступали с ними прежде поляки. Если крестьяне приходят в ярость, они обычно ведут себя, как обезумевшие, помешанные, и, как дикие свиньи, не щадят ничего, разрывают и раздирают, что только могут, и, ударив раз, продолжают бить по тому же месту. Сохрани бог попасть в их руки какому-нибудь честному воину», – в таких выражениях сетовал Конрад Буссов, говоря о восстании против тушинцев в Замосковных городах и селениях. Однако, как человек наблюдательных и проницательный, он не мог не указать причин жестокости «обезумевших» русских крестьян:

«Единственной причиной их отпадения от Димитрия были несправедливости и большие бесчинства поляков, которые не могли отказаться от грабежей и насилия, пока их не стали спускать под лед, перерезать им горло или даже вздергивать на виселицу. Они отнимали силою у бедняков, невзирая на то, что те присягнули Димитрию, все, что у них было, как если бы это были злейшие враги, а ведь эти бедные люди много отдавали в лагерь на содержание войска. Из-за этого им приходилось все прятать и закапывать в землю от грабителей поляков, что слишком тяжко было постоянно терпеть этим людям и дало им повод… взбунтоваться против грабителей-солдат Димитрия и отпасть от него. Некоторых поляков они убили, некоторых спустили живыми под лед, приговаривая: «Вы, глаголи, вконец разорили нашу местность и сожрали почти всех коров и телят, отправляйтесь теперь к рыбам в Волгу и нажирайтесь там до смерти». Для того чтобы обуздать отпав-

ших крестьян, из лагеря были посланы в Романов Самуил Тышкевич, а в Суздаль и потом в Ярославль – пан Лисовский»[1].

Восстания вспыхивали повсеместно: «Богъ же вложи мысль добрую во всѣхъ черныхъ людей и начаша збиратися по городомъ и по волостемъ». В Юрьевце-Повольском восставших возглавил костромитин Фёдор Красный Боборыкин, на Решме – крестьянин Гришка Лапша, в Балахне – Иван Кувшинников, в Городце – Федор (Беляй) Ноговицын. Они изгоняли тушинских начальных людей, уничтожали отдельные мелкие подразделения противника[2]. Однако плохо вооружённые, наспех сколоченные отряды земского ополчения не могли противостоять опытным профессиональным военным.

Для похода на Ярославль у Лисовского были и личные причины – здесь повстанцы перебили его собственных людей. Призывая к общему восстанию, нижегородские земцы сообщали об этом в своём послании: «декабря въ 21 день (31 декабря 1608 г.) писали къ намъ изъ Шуи чарочникъ Ѳедоръ Красной и выходцы въ роспросѣ сказывали: пришелъ деи въ Ярославль изъ воровскихъ полковъ панъ Лисовской, а съ нимъ Литвы девять ротъ, оберегать города Ярославля посаду и уѣзду, и Ярославцы деи посадскіе люди тоѣ Литву поставили в Ярославлѣ на посадѣ въ розныхъ дворѣх и дали имъ кормъ ѣсти и пити много, да подали вѣсть Государѣвымъ людемъ Костромичомъ и Галиченамъ и иныхъ городовъ, и Государѣвы деи ратные люди пришедъ в Ярославль съ Ярославцы посадскими людми Литву всѣхъ на голову врознь по дворомъ пьяныхъ спячихъ побили»[3]. С точки зрения Лисовского и его товарищей, это было, несомненно, предательское нападение за которое следовало покарать жесточайшим образом.

Одним из предводителей ярославского восстания был перешедший в православие голландец-солевар Даниэль Эйлов. Он собрал на своей солеварне 200 человек, вооружённых луками, стрелами, топорами и пиками, но 11 (21) декабря сюда прибыли каратели – «Александр-Иосиф Лисовский с 5000 казаков и Иван Шуйский с 900 конных копейщиков; они проехали ко двору и к солеварне перекрещенца, все дотла сожгли и поубивали всех, кого там застали»[4]. Сам Эйлов вместе с тремя дочерьми спрятался в погребе и *лисовчики*, захватив их в плен, потребовали выкуп в 600 талеров. Он заплатил эти деньги при помощи Иоахима Шмидта, немца, поставленного от Лжедмитрия вторым воеводой в Ярославле. Вслед за этим, 13 (23) декабря, были выжжены деревни в окрестностях солеварни и перебито при этом около 1000 человек.

---

[1] *Буссов К.* Московская хроника. С. 158–159.

[2] ПСРЛ. Т. 14. С. 86.

[3] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. II. С. 205–206.

[4] *Буссов К.* Московская хроника. С. 156.

Но везде карателям удавалось одерживать столь же лёгкие победы. По свидетельству Буссова, «крестьяне в своих лагерях так окопались и укрепились частоколами или тынами, что поляки ничего не смогли с ними поделать и должны были оставить их в покое». Чтобы «разгромить и разогнать тех изменников», Ян Пётр Сапега выслал 5 (15) декабря в карательный поход полк Эразма Стравинского, а 10 (20) декабря отправил вслед ему и Александра Лисовского «с парой тысяч донцов»[5].

Против карателей выступило ополчение Галицкого и Костромского уездов. «Соли Галицкіе посадцкіе людишка, и Усолскіе осады крестьяне съ Галича и съ Галицкихъ пригородовъ, по сту человѣкъ съ сохи» собрались 23 ноября (3 декабря) 1608 г. и выступили походом на Кострому и Ярославль. Однако, не дойдя двух вёрст до Ярославля, их войско развалилось и большинство служилых людей перешло на сторону тушинцев: «дѣти боярскіе, Галичане и Костромичи, измѣнили, почали межъ собя ясакомъ кликати, и нарядъ Галицкой вогняной у... ратныхъ людей почали отъимати»[6]. Посошные люди галицкие и солигалицкие, не желая сдавать оружие, бежали к Костроме. Лисовский и Эразм Стравинский преследовали их и 23 декабря (2 января) у с. Данилово произошёл бой. Костромские служилые люди, влившиеся к этому времени в ополчение, перешли к Лисовскому и крестьянское ополчение было разгромлено. Весть об этом гонец доставил в ставку Сапеги 23 декабря (2 января). Из донесения следовало, что в битве было разгромлено 25 тыс. «изменников» и выжжен Даниловский посад. Согласно русским источникам, повстанцы, преимущественно «чёрные люди», укрепились в с.Даниловском, поставив там острог, который и стал целью войск Лисовского: «приидоша же литва и воры руские, и острогъ тотъ взяша, и много черни тоя побиша, и сами въ Ростовъ отъидоша – тамо бо у нихъ станъ бысть». Вслед за разгромом оплота земской рати в Даниловском, 28 декабря (7 января), Лисовский вошёл в Кострому, а 3 (13) января 1609 г. был взят Галич, при взятии которого лисовцы выжгли посад: «литовскіе люди и казаки и дѣти боярскіе пришли в Галичъ, панъ Лисовской съ ротами и съ казаки, и съ дѣтми боярскими, со многими людми, и Галичанъ, посадцкихъ людей многихъ воры побили, и городъ сожьгли, и посадъ и ряды пожгли, и нарядъ... и зелье и свинецъ... взяли»[7]. Разгромленные и разорённые галичане, животишка свои пометали» и бежали в леса, укрывшись в Тотемском уезде.

---

[5] *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611) // Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901. S. 197, 198.

[6] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 204–205.

[7] Там же. С. 205; ЛСК. С. 646; *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 199.

С жителями восставших уездов чинилась жестокая расправа. Повествуя о жестокой расправе над жителями восставших уездов, Н. И. Костомаров особо подчёркивает: «Свирепствовали зверски воины Лисовского: непокорным всякого возраста, всякого звания привязывали на шею камни и бросали в воду, расстреливали их из самопалов, иным перебивали ноги; совершали самые невообразимые неистовства и над старыми, и над малыми»[8]. Однако, вряд ли стоит делать вывод о некоей патологической жестокости Лисовского и его людей – их деяния мало чем выделялись на общем фоне ужасов Смутного времени. Достаточно вспомнить, как правительственные войска воеводы князя Ф. И. Мстиславского в январе 1605 г., расправляясь с мятежниками, «так разорили Комарицкую волость, что в ней не осталось ни кола, ни двора; и они вешали мужчин за ноги на деревья, а потом жгли, женщин, обесчестив, сажали на раскаленные сковороды, также насаживали их на раскалённые гвозди и деревянные колья, детей бросали в огонь и воду, а молодых девушек продавали за 12 стейверов»[9]. А мятежные казаки «царевича Петра» в Путивле в начале ноября 1606 г. «многих воевод и дворян различными муками мучили: иныхъ зъ башни кидаху, иныхъ съ мосту въ ровъ, иныхъ вверхъ ногами вешаху, иныхъ по стенамъ распинаху, руки и ноги гвоздми прибивше исъ пищалей растреляху»[10]. В обоих случаях шла расправа с «изменниками», взбунтовавшимися против «истинного государя» и потому заслуживающими самой жестокой кары. Той же логики придерживались и полчане Лисовского, огнём и мечом выжигавшие измену «царю Дмитрию Ивановичу» и мстившие за своих погибших сотоварищей.

Защитники Троицы, собрав сведения о передвижениях Лисовского, писали в январе 1609 г. царю Василию Шуйскому: «А пошел де Лисовской и Травицкой [Стравинский] подъ Кострому и подъ Костромою де у нихъ было дѣло; и какъ Кострому оступили и Кострому выжгли, а люди изъ Костромы ночью ушли в Галичъ, и Лисовской пошелъ к Галичю… А Сопѣга де къ Лисовскому писалъ, чтобъ шелъ из подъ Галича назадъ»[11].

Прежде, чем получить письмо Сапеги, Лисовский выслал из Галича в Соль Галицкую отряд под началом Миколая Пудковского и Фёдора Фёдоровича Мичурина. Ему следовало привести жителей к присяге Лжедмитрию. Город не был готов к сопротивлению. «У насъ, в Соли, около посаду острогу нѣтъ, и городъ сгнилъ и розвалялся, и… зелья нѣтъ, крѣпитися не чѣмъ» – жаловались горожане в грамоте на имя

[8] *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства. М., 1994. С. 454.
[9] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 82.
[10] ПСРЛ. Т. 14. С. 74.
[11] Сборник князя Хилкова. С. 87–88.

Василия Шуйского. Посланцы Лисовского «привели заневолю» посадских людей к присяге Лжедмитрию и вернулись в Галич. Однако вскоре они вновь вернулись в сопровождении Фёдора Фёдорова и Василия Френёва: «а велѣно было им, пану Микулаю съ товарыщи, судити и управу чинити», а также взять с солигаличан – 2030 рублей, по 20 рублей от сохи. «Чтобы изъ Галича воры къ намъ войною не приходили и домовъ нашихъ не разоряли и не пожгли, и жон и дѣтей не поругали», посадские и уездные люди поднатужились и всё же собрали требуемый выкуп[12].

Лазутчики рассылались Лисовским и дальше – к Вологде и Тотьме. Один из них, Тимоха Ленков, был пойман тотемцами и на допросе рассказал, что исполнял поручение командира одного из отрядов Лисовского, Фёдора Ванина, под началом которого «всякихъ людѣй дѣтей боярскихъ человѣкъ со сто». В целом же силы Лисовского насчитывают «четыре роты болшихъ пановъ, а в ротѣ по сту по двадцать человѣк, да двѣ тысячи Запоросскихъ казаковъ, да съ нимъ же Ярославскихъ да Галецькихъ дѣтей боярскихъ тысяча семь сотъ»[13]. Таким образом, в северной экспедиции Лисовского участвовало не менее 4280 человек из которых поляков («болших панов») было не более 480.

Ленков сообщил также, что 22 января «воровские люди» намерены выступить на Вологду, что туда был послан лазутчик Треня Крылов и что их сторонники обещали сдать город: «съ Вологды Микита Пушкинъ пишетъ въ полки въ вору, а я де вамъ Вологду сдамъ … как придете и мы де Вологду сдадимъ»[14].

Droga równa i wszędy gosciniec mu prosty,
Przez jeziora, przez rzeki i wszystkie zatopy,
Aż gdzie dotąd nie bylo polskiej stopy[15], –

восторженно описывает эту карательную экспедицию Самуэль Твардовский в своей стихотворной биографии короля Владислава IV. Впадая в ещё более эпические преувеличения, поэт далее уверяет, что Лисовский в своих набегах достиг берегов Ледовитого океана и Оби, где захватил легендарную «золотую бабу» – идола местных языческих племён[16]. Однако, как и в случае со столь же мифическим рейдом к

[12] АИ. Т. II. С. 205.

[13] ААЭ. Т. II, С. 203.

[14] Там же.

[15] «Дорога ему ровная и всюду прямая/ Чрез озёра, чрез реки и всякие топи/ До тех мест, где не бывало и ноги поляка» (*Wisner H.* Lisowczycy. S. 52). Из текста поэмы не вполне ясно, относится ли данное описание к событиям 1609 г. или же к рейду 1615 г. Скорее всего, Твардовский выражает своё обобщённое впечатление от подвигов Лисовского.

[16] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 52, 79–80; *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw

Астрахани, у Лисовского просто не было времени, чтобы совершить подобный дальний поход – уже в середине февраля 1609 г. он вновь участвует в боях под осаждённой Троицей. Согласно показаниям Ленкова, это произошло по прямому приказу из Тушина: «пришла де грамота къ пану Лисовскому отъ вора изъ Тушина, была де Государева рука высока, а другая грамота о денгахъ; а что де у тобя денегъ въ сборѣ и возмешъ Вологду, а не возмешъ и ты бъ спѣшилъ съ тѣми денгами въ полки»[17]. Тушинскому правительству отчаянно требовались деньги и ради скорейшего их получения Лжедмитрий готов был даже отложить взятие Вологды.

Вернувшись с добычей в лагерь под Троицей, Лисовский вновь деятельно включился в продолжение осады. Отсутствие значительной части вражеского войска дало защитникам монастыря-крепости передышку. Они смогли пополнить свои запасы дров и фуража, стали совершать многочисленные успешные вылазки. Иногда к осаждённым удавалось пробиться свежим подкреплениям. Одна из серьёзных вылазок, предпринятая 26 декабря (5 января), была направлена именно на лагерь полка Лисовского. Монастырские ратники подобрались к самому обозу под прикрытием зарослей Терентьевской рощи и яростно атаковали врага. Хотя самого полковника в лагере не было, удар, тем не менее, был успешно отражён. Согласно «Дневнику Сапеги», около 70 «сынов боярских и слуг монастырских» было убито, а 8 человек взято в плен. У самих лисовчиков «несколько было подстрелено, двух пахолков живыми взяли и донцов трёх». Повторная вылазка против стана Лисовского была предпринята 10 (20) января. Она также была успешно отражена[18].

Вскоре после этого, 16 (26) января, защитники монастыря устроили ещё одну, «весьма сильную», вылазку. Однако осаждающие сумели хорошо подготовиться. В таборе Лисовского несколько хоругвей засело в засаде, а другим Сапега приказал «выступить из лагеря с другой стороны против них». Монастырские воины попали в засаду и тушинцы, врубившись в их ряды и обратив в бегство, преследовали бегущих до самых ворот. Тут, однако, уже их самих «брошенными со стен камнями, брёвнами били и смяли». Одного из преследователей горячий конь занёс прямо в монастырь, где он был захвачен в плен[19].

В ночь на 16 (26) февраля 1609 г. в монастырь попытались прорваться 70 казаков атамана Сухого Останкова и 20 монастырских слуг Никифора Есипова. Они должны были доставить в монастырь крупный запас пороха, который везли на 60 лошадях – каждая из них несла мешок

Lisowczycow. S. 120–123.

[17] ААЭ. Т. II, С. 203.

[18] *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 199, 200.

[19] Ibid. S. 201–202.

весом в полпуда. Однако осаждающим стало известно об этом замысле от трёх стрельцов, пытавшихся пробраться с этой вестью в монастырь. Сапега выслал наперехват Останкову и Есипову «несколько хоругвий казацких» и усилил стражу на подступах к стенам обители на случай возможной вылазки. В итоге обоз был перехвачен и 20 человек попало в плен. Осаждённые предприняли отчаянную вылазку, пытаясь отбить порох и пленных, однако попытка эта закончилась неудачей[20].

Ожесточённый потерями Лисовский, не ставя о том в известность Сапегу, приказал немедленно казнить пленников на виду монастыря – «выведя их за обоз, так что это хорошо было видно со стен»[21]. Осаждённые немедленно ответили тем же в ещё большем масштабе: «воеводы же... повелѣвше вывести литовъских полоняников и казнити на горѣ старой токарни надо (о)врагом 42 человѣка, а казаков противъ Лисовского табаръ у Верхнево пруда на взгорке 19 человѣкъ». Ночью осаждающие выслали несколько саней и подобрали изрубленные тела казнённых поляков и донцов. Разъярённые товарищи погибших пленников бросились в стан Лисовского и едва не растерзали полковника. Жизнь ему спасло только заступничество Сапеги[22].

Генрик Виснер ошибочно относит данные события к 24 февраля, говоря, что полковник совершил поступок «столь же жестокий, как и немудрый», казнив пленников без ведома Сапеги. Историк предполагает, что причиной тому могла послужить гибель одного из братьев Лисовского под стенами монастыря[23]. Под началом Александра Юзефа действительно находился один из его братьев, Станислав. Это был опытный военный, служивший прежде ротмистром пехотным в Инфлянтах, участвовавший в боях против венгров и турок. Дата и обстоятельства гибели его неизвестны, упоминается лишь, что он был застрелен во время одной из вылазок осаждённых[24]. Однако, из письма троицких воевод на имя царя Василия следует, что Лисовский-младший погиб не ранее июня 1609 г.[25] Таким образом, казнив пленников, полковник просто дал выход своему гневу и накопившемуся за время боёв и набегов ожесточению.

---

[20] *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 206.

[21] Б. Дэвис ошибочно утверждает, будто Лисовский перебил вообще 202 пленника, мстя за смерть своего брата (*Davies B. L.* The Lisovchiki in Muscovy, 1607–1616. C. 75).

[22] Сказание Авраамия Палицына. С. 236; *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 207; *Тюменцев И. О.* Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. С. 39.

[23] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 52.

[24] *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 54.

[25] Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 116.

В конце февраля полк Лисовского активно готовился к новому приступу. Для этого были подготовлены оригинальные осадные приспособления: «въ Лисовского полку подѣланы щиты на четверых санехъ рублены, бревна вдвое, и окошка подѣланы, по окнам стрѣляти… а везти щиты къ городу на лошадехъ»[26]. Неизвестно, насколько эффективно проявили себя эти подвижные острожки во время приступов к монастырским стенам, но сама по себе идея их сооружения показывает полковника с новой стороны. Судя по всему, в данном случае он творчески использовал российский опыт сооружения передвижных полевых укреплений – «гуляй-городов». Подобное укрепление, как известно, было похоже «на деревянный город, сделанный из тончайших досок и для защиты… имел устроенное подобно городским стенам ограждение, наподобие щитов. Каждая часть этих ограждений имела в длину меру в три локтя или несколько более (около 1,5 м), а в высоту – протяжение в одну сажень (более 2 м); эти части были сомкнуты друг с другом… а между собою связаны были скреплением железных цепей… А двигался он на колёсах; внутри по всей его окружности впрягались ослы и силою их, везущих обоз двигался… а все животные в нём были совсем невидимы для глаз вне находящихся»[27]. Используя «гуляй-город» для осады, Лисовский заменил «тончайшие доски» на мощные плахи, а, учитывая зимнее время, установил щиты на сани, запряжённые лошадьми.

К этому же времени относятся и любопытные сведения, проливающие свет на подробности личной жизни Лисовского. Сведения эти содержатся в грамоте, посланной 1 (11) марта 1609 г. Лжедмитрием II на имя Яна Сапеги. В ней самозванец призывал своего воеводу повлиять на его подчинённого:

«От царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии в полки воеводе нашему пану Яну Петру Павловичю Сопеге костеляновичю Киевскому и Святцкому и Килипецкому. Ведомо нам учинилось, что пан Олександр Лисовской держит у себя окольничего нашего Микитину дочь Васильевича Годунова и ее позорит не по ее отечеству. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б пану Олександру Лисовскому окольничего нашего Микитину дочь Васильевича Годунова велел отдать тому человеку, хто к тебе с сею нашею грамотою приедет. А как ему окольничего нашего Микитину дочь Васильевича Годунова велишь отдать, и ты б о том отписал к на[м] на наш царской стан, чтоб нам про то было ведомо, да дал бы еси ей провожатых, человек трех и больши. А отписку велел отдать в Ро[з]ряде слуге и боярину нашему князю Григорью Петровичю Шеховскому да печатнику и думным на-

[26] АИ. Т. II. С. 211.

[27] *Разин Е. А.* История военного искусства. М., 1994. Т. III. С. 54–55.

шим диаком. Писан нашего царского величества у Москвы лета 7117-го марта в 1 день. Dmitr Car»[28].

Содержание грамоты даёт простор, как для романтических, так и политических предположений относительно планов и замыслов Лисовского. Связь влиятельного и удачливого военачальника с представительницей свергнутого царского рода (пусть даже царь Борис и считался узурпатором), не могла не встревожить претендента на московский престол. Однако, любые гипотезы, строящиеся на основании этого документа, будут покоиться на довольно зыбком фундаменте. Дело в том, что послание Сапеге сохранилось в виде копии, сделанной на листе обычной тонкой бумаги XIX в., причём не исключено, что оригинала никогда не существовало. Как полагают комментаторы документа, он представляет собой подделку, которая была выполнена «лицом, знакомым с документами архива Я.-П. Сапеги, вывезенного из Швеции в составе коллекции актов, приобретенных корреспондентом Археографической комиссии С. В. Соловьевым. Формуляр документа сходен с формуляром грамот Лжедмитрия II Сапеге, находящимся в составе этого архива и опубликованным во втором томе «Актов исторических» (СПб., 1841). Возможно также, что грамота является копией подлинной грамоты, исполненой путем сведения текста»[29].

В принципе, в пленении Лисовским дочери окольничего Н. В. Годунова нет ничего необыкновенного. Она могла оказаться в руках полковника в ходе одного из его многочисленных набегов. Однако лишь подтверждение достоверности грамоты Лжедмитрия может ввести этот эпизод в реальную биографию Лисовского.

Под Троицей располагался не весь полк Лисовского – часть его несла гарнизонную службу в Суздале, часть была размещена для кормления на территории отведённого ему приставства. Именно с помощью *лисовчиков* суздальский воевода Фёдор Плещеев отразил очередной натиск земского ополчения. Правда, первое столкновение оказалось для них неудачным. Попавший в начале марта в плен под Троицей Иван Маковский сообщил, что «за Суздалем, за тритцать верстъ, появились тысячь шесть съ болшими луками, на лыжахъ, и противъ тѣхъ людей изъ Суздаля ходили охочіе люди, которые оставались у Лисовского, и лыжники ихъ побили человѣк съ пятдесятъ, а иныхъ живыхъ поимали»[30]. Однако 17 (27) февраля 1609 г. наступление повстанцев на город было успешно отражено: «приходили воры, понизовныхъ городовъ мужики, подъ городъ подъ Суздаль подъ посадъ, и… воровъ побили; и

[28] РГАДА. Ф. 124. Оп. 6. № 2. Л. 1 (http://rusarchives. ru/smuta/03–10-gramota-lzhedmitrija-ii-voevode-sapege-o-vozvratshenii-lisovskim-docheri-okolnichego-godunova. shtml).

[29] Там же.

[30] АИ. Т. II. С. 211.

на третей день послалъ язъ отъ собя за воры пана Мартына Собелскаго съ казаки да съ нимъ же съ Мартыном пошелъ Лисовского полку панъ Чижевски съ казаки». Развивая успех, тушинцы сами перешли в наступление, захватили приволжский город Плёс и с добычей вернулись обратно «въ Суздальской уеѣздъ в старые таборы, въ село Иваново в Кохму». Однако отдыхать им пришлось недолго – пришли вести о сборе повстанцев в Холуе. Уже 6 (16) марта, отряд под командованием Мартина Шабельского (Мартына Собельского), пана Жичевского и Петра Апухтина «въ Холую на посадѣ и на городкѣ на Кляземскомъ воровъ побили, а иныхъ въ осадѣ пожгли». Об этих и других подобных подвигах в стане Сапеги стало известно 29 мая (8 июня), когда «приехали гонцы к его милости из Суздаля и дали знать, что пан Шабельский, коего его милость посылал с несколькими сотнями донцов, имел в двух местах стычки с изменниками, в коих по милости божьей изменники успеха не имели и он сколько-то сот изменников убил, а несколько десятков живьём поймал»[31]. Пройдёт год, и пан Шабельский сыграет важную, хотя и неожиданную роль в жизни Лисовского.

Но присутствие лисовчиков, как и других тушинских войск, не вызывало восторга у жителей городов и сёл, обязанных обеспечивать им кров и продовольствие. От незваных гостей всячески пытались избавиться. Когда в Юрьеве-Польском стало известно, что по приказу Сапеги через город в сторону Суздаля велено идти «пану Олександру Лисовскому со всѣмъ своимъ полкомъ», горожане дружно просили избавить их от подобного бремени. «У нас, господине, в Юрьевѣ, отнюдь никакихъ коромовъ нетъ, – писали они Яну Петру Сапеге 17 (27) февраля 1609 г. – мѣсто разореное, и ты бъ велелъ имъ итти на государевы на дворцовые сёла, на Никамарну да на Симу, а то мѣсто цѣло и жило, и кормовъ у нихъ много»[32].

Между тем двигаться в Суздаль Лисовскому было необходимо. Тот же юрьевский воевода Фёдор Минич Болотников, вместе с горожанами бивший челом об избавлении их города от *лисовчиков*, одновременно писал Сапеге: «А пану бы еси Олександру пожаловал поговорил, чтоб он шёл в Суздаль, пожаловал, не мешкая; а к Суздалю пришли воры мужики изменники»[33]

В феврале-марте 1609 г. земское ополчение северо-восточных уездов, не сломленное зимними расправами, перешло в решительное наступление. На сторону Василия Шуйского открыто перешли жители

---

[31] Сборник князя Хилкова. С. 49; АИ. Т. II. С. 198; *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 223.

[32] Сборник князя Хилкова. С. 48.

[33] *Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е., Тупикова Н. А.* Отписки и челобитные русского архива Яна Сапеги о ситуации в Юрьевском уезде в конце 1608 первой половине 1609 года // Вестник ВолГу. 2006. Серия 4. № 11. С. 141.

Мурома, Владимира, Юрьева-Польского, Романова, Углича, то же самое готовились сделать и суздальцы. Кровавое восстание против тушинцев произошло в Костроме. Жертвой его в первую очередь стали местные служилые люди, изменившие земскому делу во время экспедиции Лисовского. Восставшие костромичи жестоко расправились со своими дворянами, не пощадив членов их семей: «обрезывали у младенцев руки и ноги и вкладывали матерям в рот, разрезали беременных жён изменников, сдирали с живых кожу». Так было замучено около 200 человек[34].

Суздальцы, некогда добровольно признавшие власть Лжедмитрия, находились теперь на грани восстания. Сам тушинский воевода Ф. К. Плещеев не скрывал своего недовольства поведением «царских людей» вообще и *лисовчиков* в частности. На исходе 1608 г. он жаловался Яну Петру Сапеге: «вотчинишка, господине, наше в Володимерском уезде, и литва и казаки твоих табаров и Лисовского загонные люди разорили людишок наших и крестьян и жонок и девок и робят емлют и отвозят в табары ж»[35]. Несмотря на жалобы, ситуация не изменилась и в следующем году и 12 (22) апреля 1609 г. воевода снова пишет Сапеге: «А пахолики, господине, литовские и казаки, стоячи в Суздале, воруют, дворяном и детем боярским, и монастырем, и посацким людем из Суздалского уезда разоренье и насилство великое, жонок и девок емлют, и сёла государевы, и дворянские и детей боярских, и монастырские вотчины выграбили и пожгли и нам, господине, от пахолков литовских и от казаков позор великой: что станем о правде говорить, о государевом деле, чтоб они государевы земли не пустошили и сёл не жгли, и насилства ни смуты в земле не чинили, и оне нас, холопей государевых, позорят, лают и бити хотят»[36].

В отличие от воеводы, жители суздальского уезда не ограничивались жалобами в письменном виде. В начале февраля 1609 г. многочисленные повстанцы собрались к северу от Шуи у с. Дунилово и выстроили тут острог. Воевода Ф.К. Плещеев сообщал, что против него «воры многихъ городовъ Понизовныхъ, собрався, многими людми пришли… со всѣхъ сторонъ, лыжники и конные». Во главе ополчения находился костромитин Фёдор Боборыкин. Чтобы ликвидировать опасную базу земского восстания туда выступил сам Ф. К. Плещеев. Бой в Дунилове продолжался 11 (21) февраля «съ перваго часу до обѣда и… на бою…

---

[34] *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства. С. 442.

[35] *Тюменцев И. О., Тупикова Н. А., Рыбалко Н. В.* Письма наёмников, отписки и сыскные дела воевод, челобитные жителей Суздаля из русского архива Яна Сапеги // Вестник ВолГу. 2009. Серия 4. № 2 (16). С. 108.

[36] *Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е., Тупикова Н. А.* Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства // Вестник ВолГу. 2008. Серия 4. № 1 (13). С. 131.

казаки дрогнули и дворянъ, суздалцовъ и лушанъ и иныхъ побили, а иныхъ ранили». Суздальский воевода потерпел сокрушительное поражение и едва «утече въ Суздаль съ невеликими людьми»[37].

Повстанцы находились всего в 20 верстах от Суздаля и готовы были двинуться на город, воевода которого спешно слал гонцов за подкреплениями. Тушинцы стали срочно стягивать сюда свежие силы – роты Яна Соболевского, Василия Жичевского, Леонтия Мирского, Дзевалтовского, суздальские и лушские дворяне. 17 (27) февраля «Литовскіе же люди и Рускіе воры, собрався многіе люди, и пріидоша къ Даниловскому, и бои быша многіе. Грехъ же ради нашихъ тотъ острогъ взяша и многихъ черныхъ людей побиша», – сообщает «Новый летописец»[38]. Однако уничтожить отряд не удалось – конница карателей не могла преследовать по глубоким снегам уходящих от них на лыжах ополченцев.

Среди тех, кто был брошен против ополченцев Боборыкина, был и Александр Лисовский. Особой грамотой от 14 (24) февраля 1609 г. Лжедмитрий извещал Яна Петра Сапегу о создавшейся угрозе и приказывал: «какъ къ тебѣ наша грамота придетъ, и ты бъ тотчасъ послалъ пана Олександра Лисовского въ Суздаль, съ Полскими и Литовскими людми и съ Донскими казаки, и велѣлъ имъ итти наспѣхъ и промышлять нашимъ дѣломъ, смотря по тамошному дѣлу»[39].

Исполняя приказ самозванца, Ян Пётр Сапега бросил против повстанцев полки Александра Лисовского, Марка Вилямовского и Яроша Стравинского. Лисовский во главе 3000 своих донских казаков при трёх пушках выступил в поход 29 марта (8 апреля) 1609 г., а на следующий день вдогонку ему Сапега направил несколько хоругвей пятигорцев. Объединившись в Юрьеве-Польском, каратели выступили на Суздаль, где к ним присоединились отряды Ф. К. Плещеева и А. З. Просовецкого[40].

Ярославский воевода князь Фёдор Петрович Барятинский также взывал о помощи. «Живу, государь, въ великихъ бедахъ, – писал он Лжедмитрию 15 (25) февраля, – ...и поляки, и литва, и казаки въ Ярославлѣ и въ Ярославском уѣзде насилство чинятъ великое, людей грабятъ и побиваютъ, а меня ни въ чемъ не слушаютъ... мужики опять заворовали многіе». В ответной грамоте Лжедмитрий извещал своего ставленника, что выслал ему на помощь «Лисовского съ людми». Однако 3 (13) марта Ф. П. Барятинский повторно жаловался на угрозу со стороны повстанцев и сообщал, что «Лисовской до насъ съ людми не бывалъ». Лжедмитрий вновь обратился к Сапеге и потребовал: «какъ

[37] АИ. Т. II. С. 178.
[38] ПСРЛ. Т. 14. С. 86–87.
[39] АИ. Т. II. С. 178.
[40] *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 214.

къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ, поговоря съ воеводою нашимъ, съ паномъ Олександромъ Есипомъ Ивановичемъ Лисовскимъ, отпустилъ его на нашю службу тотчасъ, а съ нимъ послалъ роты Полскихъ и Литовскихъ людей, и на воровъ велѣлъ имъ ходить, и поискъ надъ ними и тѣсноту чинили... а велѣлъ бы еси ему итти наспѣхъ, днемъ и ночью, чтобъ измѣнники наши къ Ярославлю не подошли и дурна бъ никоторого не учинили и Ярославского уѣзду не извоевали». А 4 (14) марта Лжедмитрий шлёт Сапеге новую грамоту, где в тех же выражениях требует срочной посылки Лисовского под Кострому. Там же он извещает о посылке выборного дворянина костромитина Ивана Фёдоровича Зубатого и казачьего головы Ненаша Мокринского с грузом боеприпасов для этого похода[41]. Создаётся впечатление, что в Лисовском видели некое незаменимое орудие для подавления любого выступления, где бы оно не происходило.

Опасения тушинских воевод были не напрасны. Восстание ширилось. Усилия по его подавлению приводили лишь к частным успехам. Так, 3 (13) марта 1609 г. ротмистр Сума и ростовский воевода И. Ф. Наумов отбили повстанцев от Костромы. Когда каратели явились в Кострому, то увидели, что там, около посада были порублены «тарасы», а улицам перегорожены частоколами. Однако костромской острог был взят приступом, костромичей побили, а тех, которые заперлись, пожгли. Бежавших преследовали и побивали по дорогам. Однако, стоило войскам Наумова уйти, как земское ополчение вернулось и 12 (22) марта 1609 г. костромской воевода Н. Д. Вельяминов известил Яна Петра Сапегу, что к городу приближается отряд «вологодских и поморских мужиков» численностью в 4 тыс. человек и просил срочной помощи против них. Сапега спешно выслал в Кострому отряд Самуила Тышкевича и 20 (30) марта 1609 г. получил донесение об очередной победе над костромскими повстанцами.

Тем временем Лисовский, прежде, чем отправиться в Ярославль или под Кострому, выступил в Суздаль. Здесь, вместе со Стравинским, Просовецким и Плещеевым, пополнив свои силы местными служилыми людьми, он выступил против Владимира, где концентрировались отряды владимирского, казанского и нижегородского ополчений. Нижегородский воевода Андрей Семёнович Алябьев, захватив Муром, выслал к Владимиру около 700 дворян, московских и астраханских стрельцов и казаков во главе с А. А. Микулиным, Б. А. Износковым и Я. С. Прокудиным, Ф. В. Левашёвым и князем И. Д. Волховским. Они подошли к Владимиру 27 марта (5 апреля). В городе вспыхнуло восстание, тушинский воевода М. И. Вельяминов был убит, и владимирцы присягнули Василию Шуйскому. Из Владимира стали рассылаться

[41] АИ. Т. II. С. 179, 193–194.

грамоты в Мещеру, Арзамас и Шацк с призывом свергнуть власть самозванца. Отряд Семёна Голенкина, высланные на подавление восстания из Суздаля, был разгромлен, а сам Голенкин с немалым числом своих полчан попал в плен.

«Панъ Александръ Лисовски съ полкомъ, а съ ним многіе роты» прибыл в Суздаль 31 марта (10 апреля) 1609 г. Почти тотчас после этого, 2 (12) апреля, к Владимиру выступили объединённые силы карателей – отряды Ф. К. Плещеева. А. З. Просовецкого, Яроша Стравинского и самого Александра Лисовского «с ротмистры и с поляки, и с дворяны с детми боярскими, и с черкасы, и с казаки». Приблизившись к городу на другой день, тушинцы столкнулись с земскими войсками, которые начали собственное наступление на Суздаль. Появление тушинцев стало для повстанцев полной неожиданностью. Каратели с ходу атаковали противника и одним решительным ударом рассеяли его. Многие были перебиты, иные разбежались, а наиболее удачливые укрылись за стенами Владимира. Захватить город Лисовскому не удалось. Сдаваться горожане отказывались. Им было прекрасно известно, что за этим последует. Сведения, полученные от пленников, захваченных 10 (20) апреля во время рейда к стенам города, оказались неутешительны. В письме на имя Сапеги воевода Плещеев писал: «А в Володимере, господине, сидят государевы изменники, многие люди; и с теми людми нам Володимеря осадить не с кем, а изменники сели насмерть и наряду у них много, а сидят казаки и стрелцы, в Володимере, астороханские и московские, которые были под Астороханью, на Балчике, с Фёдором Шереметевым, сидят их семьсот человек вогневого бою; а головы, господине, у них в Володимере, Ондрюшка Микулин да Якушка Прокудин, да у астороханских казаков голова Богдашко Износков, да с Кинешмы пришёл Беляк Конаговицын [Ноговицын], да Шуйского холоп Семейка Свистов, а с ними Поволжских городов многие мужики… А город Володимерь крепкой и осыпь высока, пушек надобе много, а без верховного наряду города никоими мерами взятии не мочно»[42].

Оценив силы противника и свои возможности, тушинцы предпочли отступить и 6 (16) апреля вернулись в Суздаль. Здесь их ждали тревожные вести. Стало известно о заговоре среди горожан и подозрение в «измене» пало на одного из предводителей тушинской партии, дворянина Григория Аргамакова. Атаман А.З. Просовецкий настоя-

[42] Сборник князя Хилкова. С. 63–64; *Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е., Тупикова Н. А.* Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства. С. 131; АИ. Т. II. С. 225–226; *Тюменцев И. О., Тупикова Н. А., Рыбалко Н. В.* Письма наёмников, отписки и сыскные дела воевод, челобитные жителей Суздаля из русского архива Яна Сапеги // Вестник ВолГу. 2009. Серия 4. № 2 (16). С. 113.

тельно советовал схватить Аргамакова и расправиться с ним, чтобы тем самым обезглавить заговорщиков. Прислушавшись к этому совету, Лисовский, вернувшись из владимирского похода, призвал к себе Ф. К. Плещеева и Григория Аргамакова. Дворянин был обвинён в убийстве пахолка поручика Мирского – «будто он, Григорей, у Мирского порутчика пахолка неведамо где учинил». Аргамаков оправдывался, уверяя, что этого пахолка он отпустил от себя в табор «литовских людей» живого-здорового. Однако никакие оправдания не помогли: подозрительного дворянина взяли под стражу и передали в руки ротмистра Александра Колецкого. Имущество Аргамакова, а заодно и его братьев опечатали. Воевода Плещеев организовал сыск среди суздальцев, но не нашёл никаких подтверждений вины арестованного. Сам пан Колецкий признавал, что «на него мы ничего верного не имеем, только послушавши пана Просовецкого, который сказал, что ему нельзя верить». Впрочем, тот же ротмистр признавал и другое: «в этих краях никому верить нельзя». Что же касается обвиняемого, то он направил челобитную на имя Сапеги, где утверждал, что «пришедчи из Володимеря, пан Александро Лисовский, и меня, холопа государева, отдал за пристава без вины и без сыску для своей корысти»[43].

Не исключено, конечно, что Аргамаков был прав и его арест объясняется исключительно корыстолюбием Лисовского и наговорами Просовецкого. В пользу этого говорит и то, что «он же, Александр Лисовский, взятии велел у Григорья Аргамакова с двора аргамак сер Фёдора Савиновича Плещеева, да мерин соловой, его, Григорьев»[44]. Однако, Аргамаков был не единственным пострадавшим – в те же дни был взят под стражу и отослан в Тушино архиепископ Суздальский Галактион, умерший в пути неподалёку от Троицы. Если заговор действительно существовал, то жёсткие меры Лисовского позволили его обезглавить и возможное восстание было предотвращено. Суздаль надолго остался надёжной опорной базой тушинцев.

Между тем 9 (19) апреля пришла весть о восстании в Ярославле. Ярославцы целовали крест царю Василию Шуйскому и перебили весь тушинский гарнизон. Спастись удалось лишь полковнику С.Тышкевичу, князю Ф. П. Барятинскому, ротмистру Стреле с десятком человек и боярину И. И. Волынскому. Прибывший из Тушина в город с запасом пороха и свинца отряд из 220 донских казаков и стрельцов был захвачен врасплох и 70 казаков попали в руки повстанцев. Прочие вместе с Тышкевичем бежали в Ростов. Для расправы с восставшими был сроч-

[43] *Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е., Тупикова Н. А.* Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства. С. 131, 139, 140; АИ. Т. II. С. 226–227.

[44] Там же. С. 131.

но направлен полк Яна Микулинского, а из-под Владимира переброшены Лисовский и Стравинский с 3 тыс. донцов. Отрядам Плещеева и Просовецкого было приказано оборонять Суздаль[45]. Под 23 апреля в дневнике Я. Сапеги отмечено: «Отправил Его Милость пана Яна Микулинского с полком, придав им пана Лисовского с тремя тысячами донцов для изгнания изменников из Ярославля, с которым Его Милось послал Ивана Волынского, тот обещал Его Милости, что снова сможет привести Ярославль к присяге Его Милости Царю без кровопролития». Надежды эти, однако, не оправдались. [46]

Лисовский покинул Суздаль 12 (22) апреля, оставив в городе лишь одну из своих пушек. Это не слишком усилило гарнизон. Ротмистр Колецкий писал: «ещё известие о пушке пана Лисовского, которую он здесь оставил. Нам от неё нет пользы. Не очень мы в атаке этой пушке доверяем»[47].

Судя по всему, однако, Лисовский не смог прибыть под Ярославль вместе с Микулинским. Известный ярославский купец Иоахим Шмидт писал Сапеге из Переяславля-Залесского: «А пан Лисовской вчера пришол в Ростов, а сказывают, добре болен. А пан Микулинской зафтра поедет из Переславля»[48]. Публикаторы датируют это послание 12 (22) апреля 1609 г., основываясь, вероятно, на упоминании автором этого числа, как даты своего приезда в Переяславль. Однако, скорее всего, письмо написано несколько позже: вряд ли Лисовский мог прибыть в Ростов на день раньше своего выступления в поход. Тем более что болезнь его оказалась настолько серьёзной, что задержала полковника в Ростове до самого начала мая. Чем он был болен, к сожалению, неизвестно. Не исключено, что тут мы видим первые симптомы болезни, которая, в конечном счёте, сведёт его в могилу семь лет спустя.

Под Ярославлем между тем развернулись упорные и ожесточённые бои. Об этой борьбе оставили довольно подробные сообщения как один из предводителей осаждающий, хорунжий мозырский полковник Юзеф Будила, так и руководители защитников города – Сила Гагарин, Никита Вышеславцов, Овсей Резанов и Иван Озерецкой.

---

[45] *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 416; АИ. Т. II. С. 281–282; *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 217/

[46] *Тупикова, Н. А., Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е.* Жители Ярославля и тушинцы в 1608–1609 годах: по материалам русского архива тушинского гетмана Яна Сапеги // Ярославская старина. 2006. Вып. 6. С. 14.

[47] *Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е., Тупикова Н. А.* Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства. С. 140.

[48] *Тупикова Н. А., Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е.* Жители Ярославля и тушинцы в 1608–1609 годах. С. 14.

Согласно рассказу ярославцев, «апреля в 1-й день пришли под Ярославль воры Литовские люди и казаки и Черкасы и Татаровя и государевы изменники русских городов многие люди и государевых людей голов с сотнями с заставы столкнули, и мы с дворяны и с детьми боярскими и со всякими ратными людьми вышли за острог и с воры бились во весь день до самыя ночи, и приступы у воров к большему острогу были многие и крепкие и того дни острог большой от воров Бог помиловал»[49].

Будила о боях 1 (10) апреля не упоминает. Судя по всему, первая попытка подавления ярославского восстания была предпринята ещё до его прибытия и полностью провалилась. Полки же самого Будилы и Микулинского, выступив из Курбы, подступили к городу 26 апреля (6 мая). Им пришлось переправляться через реку Пахну, «на расстоянии мили от Ярославля у имения монастыря Спасского, где весной был большой разлив реки». Земское ополчение три дня сдерживало карателей на переправе и тогда 29 апреля (9 мая) тушинцы, «оставив там Азана турка с ярославскими и романовскими татарами и с донскими казаками, которым поручили развлекать русских на этом месте... сделали на этой реке мост повыше». На следующий день, 30 апреля (10 мая) Будило и Микулинский зашли в тыл ярославской заставе и обратили повстанцев в бегство: «охотники из поляков и казаки гнали их на расстоянии мили к Ярославлю». На ближних подступах к городу ополченцы дали преследователям открытый бой:

«Надеясь на свою силу, они дали битву целым своим отрядом; поляки, ободренные первою своею победой, тоже мужественно сразились, прежде всего с астраханскими стрельцами, которых было 600 и с сибирскими стрельцами числом 1 200, которые стояли на челе и на которых русские полагали всю надежду, наголову их разбили, потому что, как пешим, трудно было им уходить. Русская конница, видя их поражение, принуждена была уходить в слободу Спасского монастыря, лежавшую тут же ниже моста; за ней наши сейчас же въехали тоже в слободу. Азан с отрядом, оставленным у реки, не замедлил прибыть и прибыл в то самое время, когда наши ворвались в слободу; его отряд, спешившись, тоже побил немало русских и сжёг слободу; затем русские, не удержавшись на открытом месте, затворились в городе, а наши расположились под городом лагерем»[50].

В ночь на 1 (11) мая, каратели, «не давая русским спорить с ними о победе... кинулись на штурм города. Закричав позади, как будто намеревались идти на штурм из своего лагеря, потихоньку с другой сто-

[49] Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) // Смутное время Московского государства. 1604–1613. М., 1914. Вып. 2. С. 40.

[50] *Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени. С. 152–155.

роны города разобрали тын и вошли в город. Русские в городе долго бились, стараясь выбить нас из города, но наконец, были пересилены и побиты; иные, захватив с собою, что было можно, бежали к судам, но, не поспев попасть на них, тонули, а остальные, заперлись в крепости, на которых наши ходили несколько раз штурмом, но не могли взять, потому что место было сильно укреплено и удобно для защиты; с двух сторон его были две большие реки – Волга и Которость, большой ров, мост на быках от одной реки к другой»[51]. Русские источники относят успех противника за счёт измены: «въ пятомъ часу ночи воры пришли к большему острогу всеми людьми приступомъ по великимъ по многимъ мѣстамъ, въ последнемъ часу ночи промѣжъ Власьевскихъ воротъ воры острогъ зажгли и государевыхъ людей съ острогу збили, а въ те поры своровалъ, измѣнилъ Спасского монастыря служка Гришка Каловской: Семеновскія ворота отворилъ и воровъ въ острогъ пустилъ; и воры вшедчи въ острогъ, посадъ зажгли, и посадъ... въ большемъ остроге выгорелъ и государевыхъ людей и многихъ побили, а иные съ розгрому розбрелися розно, а мы... с достальными людьми сели въ меньшемъ остроге въ рубленомъ городе и въ Спасскомъ монастыре и изъ острогу съ воры билися весь день»[52].

Следующий приступ к малому острогу осаждающие предприняли 3 (13) мая. Сражение длилось «во весь день и до вечера», но захватить крепость тушинцам так и не удалось. В ночь на 4 (14) мая Будило и Микулинский повторили попытку: «въ шестомъ часу ночи воры пришли къ острогу со всѣми людьми великими приступы съ щиты и съ огнем, смоленымы бочками, съ примѣтом и съ вогненными стрелами, и мы съ воры у приступовъ бились до полудни и на вылазку выходили и... воровъ съ острогу и на вылазкахъ многихъ побили и живых поимали и щиты и примѣты всѣ и знамена и прапоры многіе у нихъ взяли и отъ острогу всѣхъ отбили»[53].

Признав своё поражение, осаждающие 5 (15) мая «отъ Ярославля пошли прочь по Углецкой дороге». Однако радость осаждённых была преждевременна: уже 8 (18) мая «воры Литовские люди казаки и черкасы и русские измѣнники воротились подъ Ярославль». Оказалось, что отступающих карателей на пути повстречал «панъ Лисовской съ прибылыми людьми». Он убедил Будилу и Микулинского вернуться и продолжить осаду. Как писали защитники города, «воромъ всѣмъ Ярославль сталъ боленъ добре»[54].

Лисовский был полон решимости захватить город и осаждающие ходили на приступ по два-три раза в день. Осаждённые упорно сопро-

[51] Там же. С. 155.
[52] АВП. С. 40.
[53] Там же.
[54] Там же.

тивлялись и наносили врагу тяжёлые потери. Помимо этого *лисовчики* совершали опустошительные рейды по округе восставшего города. По словам Петра Петрея, Лисовский «сжёг городские предместья, также другие местечки и деревни, изрубил всех мужчин и женщин, старых и молодых», захватив при этом большую добычу[55]. Однако ярославцы держались упорно, не переставая призывать помощь из северных городов.

Пытаясь взять Ярославль, каратели прибегли к помощи бывшего воеводы Иоахима Шмидта. Его послали к горожанам «чтобы убедить жителей одуматься и не давать больше повода к кровопролитию, а всяким притеснениям будет положен конец, и царь Димитрий посадит в город воеводой знатного вельможу, которого польские солдаты будут бояться». Но ярославцы были сыты по горло тушинским правлением. Они заманили Шмидта «хитрыми речами» поближе к городским воротам и схватили. Пленник был подвергнут страшной казни: «вскипятив большой котел меду, они сняли со Шмидта одежды, бросили его в мед и варили до тех пор, пока не осталось совсем мяса на костях ... Когда Шмидт достаточно долго поварился, они вынули скелет из котла и выбросили его на городской вал – так, чтобы свиньи и собаки порастаскали его, и даже не разрешили его вдове и друзьям собрать и похоронить кости». Инициатором расправы со Шмидтом выступил некогда спасённый им Даниэль Эйлов – он «не только насмеялся над своим верным другом в его несчастье, но даже стал побуждать русских поживее прикончить его»[56].

Земские восстания тем временем вспыхивали повсеместно. Тушинцам отчаянно не хватало войск. С севера на помощь земцам Замосковья двигались сибирские и поморские ратники воеводы Давыда Жеребцова, которые 1 (10) мая 1609 г. вновь осадили Ипатьевский монастырь в Костроме, где тушинский воевода Н.Д. Вельяминов отбивался от повстанцев. Вслед за этим повторно восстали Галич и Соль Галицкая, отправив призыв о помощи в северные города. Крупное ополчение начало собираться в Вологде. В начале июня осаду Ярославля пришлось снять.

Избавившись от непосредственной угрозы, ярославцы писали в середине июня пермичам, чердынцам и кайгородцам, что тушинцы «от Ярославля отошли и пошли к Ростову. А Лисовской со многими воровскими людми пошёлъ подъ Кострому и мы къ Давыду Жеребцову на помочь послали изъ Ярославля головъ со многими ратными людми съ вогненнымъ боемъ... А на Костромѣ... в Ипатскомъ монастырѣ,

[55] *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 347; АИ. Т. II. С. 282.

[56] *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. С. 159.

государевы изменники сѣдятъ въ осадѣ а воевода у нихъ Микита Вельяминовъ»[57].

О событиях в Костроме тушинцы узнали от пленников и ярославского перебежчика сына боярского Василия Бутримова. После этого, оставив осаду Ярославля, Лисовский двинулся на помощь Н. Д. Вельяминову. В послании Яну Петру Сапеге И. Ф. Наумов писал: «мы, господине, надъ государевыми измѣнники промышляемъ и тѣсноты имъ всякіе чинимъ: и под Ярославлемъ стояли маія съ перваго числа маія жъ по 22 день и приступали къ городу и къ монастырю многажды, и на вылазкахъ многихъ измѣнников побивали… по тѣмъ, господине, вѣстямъ панъ Олександръ Лисовскій со всѣмъ своимъ полкомъ и съ Донскими казаки, кои были со мною, пошолъ на Кострому въ Ипатцкой монастырь на государевых измѣнников мая въ 23 день». Сам Наумов отступил к Великому селу в пяти милях от Ярославля, а затем в Ростов. Оставшиеся с ним силы не позволяли вести активных боевых действий. После ухода донцов в распоряжении тушинского воеводы оставалось всего 47 человек (23 пошехонских, романских и вологодских детей боярских, 20 ростовцев, 4 дмитровцев и ярославцев) [58].

Для снятия осады с Ипатьевского монастыря выступили отряды под общим командованием Александра Лисовского и И. Ф. Зубатого. В ставке Сапеги об этом стало известно 27 мая (6 июня) из послания Будилы. Вести обнадёживали. Гонец сообщил, что «пан Лисовский с донцами вышел, чтобы Кострому выручить от изменников, которая уж была вынуждена… вступить в переговоры с изменниками и, не ведая, что пан Лисовский ей на выручку идёт, готова была изменникам сдаться»[59]. В черновом варианте текста дневника запись об этом ещё выразительнее: «6 Июня приехали гонцы к Е. М. от пана Будилы, сообщили Е. М., что пан Микулинский с войском отступил от Ярославля и расположился в селе Большом (w Wielkim Siele), а пан Лисовский с донцами пошел выручать от изменников Кострому, которая, по сведениям от языков, уже начала переговоры с изменниками и если бы не узнала о пане Лисовском, что он им на помощь идет, то сдалась бы изменникам, от чего бы нам был большой урон, так как изменники собрались бы силами в том месте и трудно бы было тому помешать. А если, даст Господь Бог, пан Лисовский очистит Кострому, их сердце в пятки уйдет»[60]

---

[57] ААЭ. Т. II, С. 203.

[58] Там же. С. 268–269. Эти сведения говорят о необоснованности мнения угличских краеведов, считавших, будто Лисовский участвовал в осаде и штурме Углича 22 мая 1609 г. (*Кулагин А. В.* Осада Углича. Углич, 2008. С. 28–29).

[59] *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 222–223.

[60] *Тупикова, Н. А., Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е.* Жители Ярославля и тушинцы в 1608–1609 годах. С. 14

Численность сил Лисовского и Зубатого точно не известна. Исходя из того, что после тяжёлых боёв под Кострому прибыло около полутора тысяч тушинцев, можно предположить, что в поход выступило не менее 2 тыс. человек. Маршрут движения Лисовского также не вполне ясен. По неудачному выражению Н. И. Костомарова, «не доходя до Костромы, Лисовский повернул к Кинешме»[61]. Осуществить подобный манёвр довольно затруднительно, учитывая, что Кинешма лежит ниже по течению Волги, нежели Кострома, а Кострома находится между Ярославлем и Кинешмой, причём ближе к Ярославлю. Говоря об этом, Н. И. Костомаров опирался на челобитную донцов Наумова, просивших у Лжедмитрия жалованья за участие в поволжских карательных экспедициях[62]. Описывая свои действия, казаки сообщали, что от Ярославля «государевъ воевода Олександро Ивановичь пошелъ подъ Кинешму», не называя при этом никаких промежуточных пунктов. Между тем, «Новый летописец» совершенно определённо сообщает, что «полковникъ же Лисовской съ Литовскими людьми и воеводы Московскіе поидоша изъ Суждаля ко граду Шуѣ и градъ Шую взяша взятьемъ и многихъ людей побиша. И отъ Шуи приде подъ Кинешму и градъ Кинешму взяша взятьемъ же и воеводу Фёдора Бабарыкина и ратных людей множество народа побиша и повоеваху многіе грады и уѣзды и приде опять въ Суздаль»[63]. Исходя из этого можно предположить, что по каким-то причинам Лисовский оказался вынужден вначале вернуться в Суздаль и уже после этого вновь двинулся к берегам Волги. Возможно, он поступил так из-за необходимости получить свежие подкрепления и обновить походные припасы и снаряжение. Однако, челобитная донцов не упоминает захват Шуи, хотя в интересах челобитчиков было как можно полнее представить свои заслуги. Вероятно, летописное известие даёт обобщённое изложение походов Лисовского, перечисляя все города, захваченные полковником, вне зависимости от точной хронологии его действий. В таком случае остаются неясными обстоятельства и дата взятия Лисовским Шуи, если таковое вообще имело место.

Как бы то ни было, но, судя по известным датам боёв, двигался полковник необыкновенно быстро. В конце мая *лисовчики* подступили к Кинешме, где намеревались захватить речные суда и переправиться через Волгу. Однако кинешемцы оказали упорное сопротивление. В своей челобитной донцы сообщают, что они «подъ Кинишьмою съ… измѣнники дрались явственно и бились насмерть». В конце концов, сопротивление ополченцев было подавлено, а город взят и выж-

[61] *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства. С. 451.
[62] АИ. Т. II. С. 281–282.
[63] ПСРЛ. Т. 14. С. 84.

жен. Лисовский расположился лагерем на разорённом Кинешемском городище. Здесь он простоял десять дней[64].

Согласно местному преданию, ополчение Кинешмы сразилось с Лисовским на другой день после праздника Вознесения Господня – 26 мая (5 июня) 1609 г. «За две версты от Кинешмы по Луховскому тракту ополчение встретило врага и решительно заградило ему дальнейшее движение к посаду и городу, – сообщает кинешемский краевед о.Иоанн Альтовский. – Стороны вступили в жестокий бой. Несколько раз они схватывались в рукопашную. Нападение было жестоко, сопротивление упорно и отчаянно… Ополчение… не могло противостоять многочисленному и уже закаленному в боях неприятелю. Оно расстроилось и вразброд спустилось к речке Кинешемке. Неприятель преследовал его. И здесь ополчение, несколько собравшееся и оправившееся, снова вступило в бой с неприятелем и снова потерпело поражение. (В настоящее время на этом месте одиноко в стороне стоит деревянный памятник-крест. Из-под него чуть заметно бьет чистый источник. Под крестом-памятником виднеется ямка, из которой народ достает себе песочек, очевидно веря в его целительную силу. В народе и до сего времени сохраняется живое предание, что этот памятник-крест поставлен на братской могиле избиенных защитников города).

Оставшиеся силы ополченцев левым берегом реки Кинешемки пробрались на посад и здесь, на посадской площади, снова собрались для последней защиты главной части своего поселения – города с его собором, святынями и достоянием общественным и частным… Главным сообщением города с окружающим посадом было через ворота восточной стены. Эти ворота были главными, выходящими из города на торговую посадскую площадь. С остальных сторон город был мало приступен. Здесь-то, на торговой посадской площади, произошла последняя ожесточенная битва последних сил собравшегося ополчения с неприятелем.

Несмотря на всю отчаянную храбрость ополчения, бой был неравен; неприятель был сильнее, и ополчение здесь было истреблено окончательно. Неприятель ворвался в город. Здесь, в соборном храме, как месте последней защиты и убежища, заперлись многие из граждан, решившись скорее принять венец мученический, чем сдаться рассвирепевшему и беспощадному врагу. Не имея, очевидно, возможности проникнуть внутрь храма, «поганые» сожгли его со всем, что находилось в нем»[65].

---

[64] АИ. Т. II. С. 281.

[65] *Альтовский И. П.* Кинешма в смутное время и геройский подвиг её 26 мая 1609 г. Кинешма, 1909 (2-е изд.: «Приволжская правда». 2009. 7 июня. Электронный вариант доступен по адресу: http://www. privpravda. info/?p=1621#more-1621). По мнению этого автора, именно в этом сражении погиб воевода Ф. Боборыкин.

Вслед за Кинешмой, Лисовский разорил расположенную поблизости богатую слободу Солдогу. Предводители местного ополчения Куломзин и Шушерин пали в бою.

Падение Кинешмы заставило окрестных земских ополченцев перейти к более активным действиям. Из Юрьевца-Повольского против Лисовского двинулся отряд повстанцев во главе с Фёдором Боборыкиным – «измѣнники, многіе люди… конные и пѣшіе, восмъ тысячъ». Земцы осадили *лисовчиков* на городище и попытались отбить Кинешму, однако Лисовский стремительно контратаковал и наголову разгромил повстанцев. Сам Фёдор Боборыкин был взят в плен и казнён, что нанесло земскому делу тяжёлый удар. Но переправиться и помочь осаждённой Костроме тушинцы так и не смогли. В ставке гетмана Сапеги о действиях Лисовского стало известно 11 (21) июня: «приехали гонцы к его милости из Суздаля и дали знать, что пан Лисовский под Кинешмой погромил изменников тысячи, Кинешму высек и Бабарыкина, который там был воеводой, живьём взял»[66].

В Кинешме было захвачено несколько речных судов, однако отряд Лисовского понёс слишком тяжёлые потери в боях и полковник не решился переносить военные действия на левый берег Волги. Вместо этого он повернул обратно, двигаясь «въ верхъ по Волгѣ, берегомъ и судами». Местные повстанцы преследовали отступающих. Донцы вспоминали, как «пришли… измѣнники, многіе люди, стругами и мы… дрались на судахъ три дни». Кроме речных боёв, *лисовчики* несли потери от огня земских пушкарей: «а какъ… шли воровскіе полки къ Костромѣ и государѣвы деи люди из-за Волги, из болшего наряду побили много… А людѣй деи съ собою раненыхъ изъ подъ Кинешмы подъ Кострому привезли добрѣ много, а у многихъ деи литовскихъ людѣй и сабель нетъ, а у казаковъ многихъ пищалей нетъ»[67].

---

[66] *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 227. В монографии Ю. А. Мизиса было высказано мнение, согласно которому Боборыкин вовсе не погиб в Кинешме. Автор отождествил его с Фёдором Васильевичем Боборыкиным, отцом воеводы Р. Ф. Боборыкина, сведения о котором содержатся в документах вплоть до 1620-х гг. В частности, Ф. В. Боборыкин в 1610 г. был пожалован землями в Новогородском уезде за то, что «против врагов наших польских и литовских людей и русских воров... стоял крепко и мужественно» (*Мизис Ю. А.* Воевода Московского царства (Р. Ф. Боборыкин на государевой службе). Тамбов; Мичуринск, 2012. С. 58). Однако, ближе к истине мнение кинешемского краеведа А. Пискунова, что земским воеводой был Фёдор Афанасьевич Боборыкин, потомок Фёдора Боборыки в четвёртом поколении по линии его сына Фёдора, а Фёдор Васильевич принадлежит к пятому поколению потомков Боборыки по линии его другого сына Андрея (*Пискунов А.* Воевода Федор Боборыкин человек и легенда // Приволжская правда. 2008. 6 августа).

[67] АИ. Т. II. С. 281–282; ААЭ. Т. II С. 232–233.

Приблизившись к Костроме, Лисовский и Иван Зубатый расположились напротив города в с. Селище и стояли там две недели. Судя по всему, захваченные в Кинешме струги были потеряны или выведены из строя в ходе трёхдневных боёв при отходе вверх по Волге, а потому переправиться через реку им по-прежнему было не на чем. Воевода Д. В. Жеребцов проявил себя весьма деятельным и опасным противником. Не ограничиваясь осадой Ипатьевского монастыря и отражением вылазок осаждённых, он 11 (21) июня переправился через реку Кострому и, заняв выгодные позиции, «велѣл по воровскимъ табарамъ стрѣляти изъ наряду и изъ становъ ихъ выбилъ, и людей и лошадей побилъ многихъ»[68].

В стане Лисовского, где и без того было множество раненых, ощущался недостаток оружия и боеприпасов. Обо всём этом воеводе Жеребцову стало известно 12 (22) июня, когда к нему явился «изъ воровскихъ полковъ от Лисовского с товарыщи» костромской посадский человек Алексей Иевлев, находившийся прежде в плену у «воровских людей». Он сообщил, что «отпустилъ его Лисовской да Иванъ Зубатой в Ипатской монастырь к государевымъ измѣнником, съ грамотою, къ Микитѣ Вельяминову съ товарыщи, чтобъ въ Ипатскомъ монастырѣ сидѣли крѣпко, а мы деи васъ выручимъ; а всехъ деи воровскихъ людей тысячи с потолторы, а стоятъ противъ Костромы за Волгою, на Нагорной сторонѣ в селѣ Селищѣ, и посылаютъ казаковъ вверхъ по Волгѣ, по Нагорной сторонѣ, судовъ добывати; а говорят деи воры: хотя бъ деи намъ добиться малыхъ судковъ с десятокъ, и мы бъ деи зашедчи сверху перевезлись бы в нихъ черезъ Волгу пѣхотою человѣка по два и по три»[69].

Тем временем пришла весть о приближении сильного земского ополчения, посланного воеводой Ф. И. Шереметевым, который был обеспокоен вестью о гибели Боборыкина. Сам боярин Фёдор Иванович Шереметев всю минувшую зиму успешно контролировал Казанскую и Вятскую земли, подавил восстание черемисов, чуваш и мордвы, привёл к повиновению Касимов. Чтобы ликвидировать угрозу со стороны Лисовского, Шереметев 1 (11) июня, для защиты от приближающегося Лисовского, из Нижнего Новгорода под Юрьевец была направлена сотня под командованием письменного головы Мисюря Ивановича Соловцова.

Между тем И. Ф. Наумов и полковники Будило и Подгородецкий получили в Ростове послания из-под Костромы от Ивана Зубатого и Александра Лисовского, которые призывали их на помощь, говоря, что «стала отъ измѣнниковъ Ипацкому монастырю тѣснота великая, и

[68] ААЭ. Т. II. С. 203.
[69] Там же. С. 232.

имъ ототти отъ Костромы немочно»[70]. После прибытия ростовского пополнения, осаждающие, оставив часть сил под Костромой, двинулись вниз по Волге, миновали разорённую Кинешму и в 30 верстах от Юрьевца захватили местного крестьянина. Пленник на допросе рассказал И. Ф. Наумову, что в селе Решма расположилось около 4 тыс. повстанцев под командованием Григория Лапши. Узнав об этом, каратели разделились. Лисовский продолжил поход на Юрьевец, а Наумов с донцами двинулся к Решме. Крестьянское ополчение было разгромлено и победители три дня оставались в Решме, ожидая возвращения Лисовского[71].

Между тем, «Олександръ Лисовски пошелъ на Юрьевецъ и Божіею милостію, царьским счастьем, городъ Юрьевецъ взялъ и многихъ измѣнников побилъ». Отряд М. И. Соловцова, даже объединившись с юрьевецкими и балахонскими даточными людьми, не смог выстоять против *лисовчиков*. «И на весну боярин Федор Иванович [Шереметев] пошел в Нижней. Из Нижнева послал на Юрьевец Поволской с писменым головою с Мисюрем Соловцовым против Лисовскова. И Лисовской Юрьевец Поволской взял и многих у нас ратных людей побил. И я ранен ушел с Мисюрем в Нижней к боярину к Федору Ивановичю, а с нами ушли немногие люди» – вспоминал служилый человек Афанасий Петрович Суровцев[72]. Местное предание, записанное во второй половине XVII в., сообщает, что когда «воюяй град сей некто воевода, Лисовский наричем, со многим воинством… тогда мнози от граждан… оставльше домы своя, за реку Волгу перевезешеся в леса… отбегше, вселишася… и сущим им в бегстве, согласишася окрестных весей, именуемых Елнатския и Березниковския, с земледельцы и начаша молити… о избавлении от окаяннаго того схизматика. В помощь же призывающее новаго чудотворца, преподобнаго отца Макариа Унженского… и обещашася ему во граде Юрьевце и предреченных весех во имя его церкви воздвигнути»[73]. После понесённых поражений земское дело могло, казалось, уповать только на помощь свыше.

После падения Юрьевца угроза нависла над Городцом и Балахной, однако у Лисовского были иные планы. Ему удалось, наконец, захватить несколько речных судов: 4 струга и 6 малых лодок. Их лисовчики «переволокли съ Юрьевца берегомъ въ ночи». Теперь у них появилась реальная возможность переправиться на левый берег Волги и снять осаду Ипатьевского монастыря. Однако в этом им помешали активные

[70] Сборник князя Хилкова. С. 74.

[71] АИ. Т. II. С. 282.

[72] *Антонов А. В.* К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000.

[73] *Понырко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. ревнители благочестия // ТОДРЛ. СПб., 1990. Т. 43. С. 63.

и энергичные действия Ф. И. Шереметева. Встревоженный поражением, он без малейшего промедления выслал против Лисовского более мощные силы под началом М. И. Соловцова, Б. А. Износкова и С. Остренева. Низовская «наплавная рать» выступила в стругах вниз по реке, причём часть войск, как пехота так и конница, двигалась берегом по левой, «луговой» стороне Волги. Рать прибыла к Решме в самый момент переправы тушинцев.

В 30 верстах выше Юрьевца и в пяти верстах ниже Решмы 28 июня (8 июля) тушинские войска начали переправляться за Волгу. Место было избрано удачно – здесь посреди реки находился остров, что значительно облегчало переправу. Местное предание сообщает, что это был не существующий ныне Момшин остров, а «окаяннии ляхи… оттуду хотящее… переехати через обои пол Волги в весь, именуемую Коряковскую»[74].

Первым на левый берег перешёл сам Лисовский, а с ним «съ полчетвертаста человѣкъ конныхъ и пешихъ». Вслед за ним И. Ф. Наумов «почалъ возитись съ полскими и съ литовскими и съ рускими людми на островъ и съ острова на Волгу жъ къ Олександру». В этот момент его и застигла «наплавная рать». Осознав опасность своего положения, Наумов спешно послал Ивана Зубатого и пана Черновского к полковникам Будиле и Подгородецкому, прося срочно выслать подкрепления. Вместо этого ему передали приказ «итти въ отходъ съ острова». Для отряда Наумова это распоряжение обернулось настоящей катастрофой. В письме к Яну Петру Сапеге воевода сообщает: «я, господине, перепустя съ острова напередъ собя на сю сторону Волги многихъ людей, и съ послѣдними людми пошелъ; и пришли, господине, на меня на перелазѣ многіе государевы измѣнники в стругахъ, а иные вышли на островъ изъ струговъ пѣши, съ пищалми, и многих, господине, людей поранили, а иных побили и всякую служивую рухлядь отгромили»[75]. Именно отряд Наумова вынес на себе всю тяжесть боя и понёс наиболее тяжёлые потери. Как писал позднее сам воевода, «которые… были со мною казаки, и тѣ всѣ погромлены, а иные побиты, а дѣти боярскіе также погромлены и побиты». Из первоначального отряда донцов в Ростов вернулось всего 90 человек – «на дѣлѣхъ и на приступѣхъ» казаки потеряли 34 человека убитыми и 24 – ранеными. Не меньшие потери понесли и другие отряды тушинского войска. Участник похода нижегородцев А. П. Суровцев вспоминал, что «из Нижнева боярин Федор Иванович послал голову Мисюря опять на Лисовскова, а с ним послал голов стрелецких с приказы Богдана Износкова да Тимофея Остр(е)нева. И выше Юрьевца

[74] *Понырко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. ревнители благочестия. С. 63.

[75] Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 75.

на острову Лисовского побили и языки многие поймали и привели мы в Нижней к боярину к Федору Ивановичи»[76].

Однако было бы не совсем точно говорить о разгроме на острове именно Лисовского: ведь в этот момент сам полковник и 200 его людей находились на левом берегу Волги. Оказавшись там, он, похоже, решил на всякий случай осмотреть окрестности и двинулся вниз по реке. В семи верстах от места переправы *лисовчики* столкнулись с авангардом береговой части низовской рати: «пришли на Олександра Лисовского полкъ государевы измѣнники Бѣляйко Ногавицын и государевы люди Бѣляйка Ногавицына взяли». Отряд губного старосты Беляя Ноговицына, одного из видных предводителей земского ополчения, который уже сталкивался с Лисовским при обороне Владимира, оказался разбит. Сам Ноговицын попал в плен и на допросе дал ценные сведения о дальнейших замыслах Ф. И. Шереметева. По словам пленника, в Нижнем Новгороде находится в сборе три тысячи человек и с ними Шереметев хочет «итти в стругахъ Волгою къ Ярославлю, а подъ Костромою… измѣнники и в Ярославлѣ ждут его къ себѣ, а хотятъ итти на государевы городы въ Ростовъ и въ Переславль»[77].

В земской рати Ноговицына, вероятно, находились и местные ополченцы. Об их участии в сражении сообщает того же предание: «тогда Коряковстии жители… на брег Волги вси собравшееся, брань противу врагов творяху, не дающее ни единому от них ко брегу их приближитися, но присным бдением и стреляниемъ врагов одолеваху… и абие в то время… воеводы православнороссийстии, нашедшее на оных окаянных лхов, стоящих на острове, помощию Божиею и молитвами преподобнаго Макариа до конца их разориша и победиша»[78].

---

[76] Сборник князя Хилкова. С. 76; *Антонов А. В.* К начальной истории; АИ. Т. II. С. 282.

[77] Сборник князя Хилкова. С. 75–76.

[78] *Понырко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. ревнители благочестия. С. 63; *Зонтиков Н. А.* Монастыри во имя преподобного Макария Унженского и Желтоводского, основанные в Костромском Поволжье в эпоху Смутного времени начала XVII в. // Труды Нижегородской духовной семинарии. Нижний Новгород, 2011. Вып. 9. С. 244–245.

Согласно Н. А. Зонтикову, Лисовский дважды пытался переправиться через Волгу: вначале у Момшина острова, а затем, потерпев тут неудачу, у какого-то другого небольшого острова ниже Решмы в районе Мячковского переката. В первом случае тушинцев якобы отразили своими силами жители Коряковской волости, во втором случае произошло решающее сражение с «наплавной ратью». Однако такое истолкование сведений из Жития преп. Макария вряд ли можно признать верным. И данные жития, и отписки тушинских воевод сообщают лишь об одном сражении на острове. В обоих случаях упоминается участие «наплавной рати». Единственным различием является житийное сообщение о роли коряковцев, которые бились, опираясь на помощь святого. Исходя из характера источни-

Разгромив передовой отряд земского войска, Лисовский сумел благополучно вернуться на правый берег Волги, где присоединился к Будиле и Подгородецкому. Здесь же нашли укрытие и потрёпанные отряды Наумова. Поняв, что пересечь Волгу им так и не удастся, каратели повернули назад и 5 (15) июля прибыли в Ростов. Здесь Лисовский оставался, по крайней мере, до конца месяца. Иван Наумов в своём письме Сапеге от 28 июля (8 августа) сообщает, что Будило, «сождався съ послѣдними людми, хочетъ итти изъ Ростова къ государю в таборы, а Олександр Лисовски хочетъ итти подъ Троицу въ таборы жъ къ тебѣ»[79].

Оставшись без поддержки извне, Н. Д. Вельяминов в Костроме продержался недолго и вскоре защитники Ипатьевского монастыря сдались Давыду Жеребцову. Левый берег Волги оказался полностью очищен от войск самозванца.

В то время, как Лисовский опустошал берега Волги, 14 (24) июня 1609 г. владимирцы попытались опять захватить Суздаль. Однако, они вновь потерпели поражение. На следующий день ротмистр Сума и воевода Ф. К. Плещеев, преследуя противника, сами напали на Владимир и зажгли посад. Большая часть города выгорела дотла, погибло множество жителей. Однако, на требование врагов сдаться, защитники города, засевшие в кремле, ответили категорическим отказом и карателям пришлось в очередной раз отступить.

Подводя итог действиям Лисовского, Конрад Буссов говорит, что он «превратил в пепел весь Ярославский посад, потом пошел дальше в глубь страны, убивая и истребляя все, что попадалось на пути: мужчин, женщин, детей, дворян, горожан и крестьян. Он сжег дотла большие селения, Кинешму и Юрьевец По(во)льский и возвратился в лагерь под Троицу с большой добычей. Какой значительный вред был нанесен в этом году убийствами, грабежом и пожарами этим отпавшим городам как внутри их стен, так и снаружи, – выразить невозможно. Я часто удивлялся, как эта земля так долго могла выдерживать все это»[80].

Грабежи и опустошения, сопровождавшие карательные рейды, не были для Лисовского самоцелью. Его задачей являлось подавление земского движения. В этом полковнику удалось добиться известных успехов. Он разгромил земские повстанческие силы в Кинешме, Решме и Юрьевце, уничтожил двух видных предводителей сопротивления – Боборыкина и Ноговицына (при погроме Решмы, возможно,

---

ка, следует считать, что успех коряковских ополченцев был сильно преувеличен автором жития, целью которого являлось прославление местночтимого святого.

[79] Сборник князя Хилкова. С. 76

[80] *Буссов К.* Московская хроника. С. 159.

погиб и Григорий Лапша). Однако, крупные очаги сопротивления – Владимир, Ярославль и Кострома – устояли, а войска Шереметева ответили на поражение Соловцова в Юрьевце разгромом тушинцев при Решме. Угроза со стороны Нижнего Новгорода летом 1609 г. только усилилась. Стремительные и жёсткие действия *лисовчиков* не смогли переломить ситуации, повернуть ход событий в пользу тушинцев.

Таким образом, несмотря на частные успехи, невзирая на опустошения и расправы, ни Лисовскому, ни его товарищам по оружию, так и не удалось добиться достижения своей главной цели – подавления земского восстания в Замосковье.

ГЛАВА 6

СРЕДИ ПРОИГРАВШИХ

Последний этап осады Троицы, положение отряда Лисовского после Калязинской битвы и его второй рейд из Суздаля на Псков

Пока Лисовский метался по восставшим уездам, бесконечная осада Троице-Сергиева монастыря шла своим чередом, а отсутствие полковника привело к слухам о его гибели. В первых числах июля троицкие воеводы князь Григорий Роща-Долгорукий и Алексей Голохвастов писали царю Василию Шуйскому: «А Лисовской панъ Александръ убитъ; а нынѣ въ его мѣсто братъ его, молодой Лисовской, стоитъ подъ Костромою»[1]. Защитники монастыря ошиблись: похоже, что в этом послании говорится о гибели именно «молодого» Станислава Лисовского, в то время, как сам Александр Юзеф всё ещё находился на берегах Волги.

Полчане Лисовского, остававшиеся в таборах под Троицей, также не сидели сложа руки. То и дело приходилось им отражать опасные вылазки осаждённых, полных решимости выжечь вражеское гнездо в Терентьевской роще. В лагере Сапеги 26 мая (5 июня) был схвачен подозрительный монах, уверявший, что «вышел из Москвы на имя царя Димитрия». Под пытками чернец признался, что на самом деле он лазутчик, посланный из Москвы в осаждённый монастырь с вестью о готовящемся снятии осады. В момент приближения войск Шуйского он намеревался поджечь в нескольких местах табор Лисовского, а когда все бросятся его тушить, то запались и лагерь Сапеги. Для осуществления тайного замысла у монаха имелись помощники, проникшие заранее в стан осаждающих. Стремление защитников обители покончить в первую очередь с лисовчикам было не случайно. Как сообщил 30 мая (9 июня) перебежчик, именно на «шанцы пана Лисовского» была

[1] Сборник князя Хилкова. С. 116.

направлена почти вся монастырская артиллерия, ибо именно оттуда ожидалось начало решительного штурма[2].

Между тем общая ситуация начал меняться самым решительным образом. Помимо земского восстания для дела Лжедмитрия появилась ещё одна угроза – русско-шведское войско под командованием М. В. Скопина-Шуйского и Якоба Делагарди, которое в мае 1609 г. выступило из Новгорода в поход на Москву. Попытки отрядов Кернозицкого и Зборовского остановить его продвижение были безуспешны. Лжедмитрий II слал к Сапеге гонцов, требуя бросить безнадёжную осаду Троицы и срочно выступить против новых врагов. Сапега медлил, а когда всё же решился выступить с частью своей армии на помощь к Зборовскому, то было уже поздно – 11–13 (21–23) июля Зборовский был разбит под Тверью войсками Скопина-Шуйского и сам теперь искал спасения в лагере Сапеги. Теперь объединённые силы тушинцев готовились к последнему решительному штурму обители.

Несмотря на понесённое поражение, полковник Александр Зборовский, прибыв под Троицу, повёл себя крайне самоуверенно: «Пан же Зборовской, ругаяся и понося Соѣпге и Лисовъскому и всѣм паномъ, глаголя: «Что бездѣлное ваше стояние под лукошком? Что то лукошко взяти да ворон передавити? Се убо вы нерадѣниемъ творите хощете чернью збитою взяти». И уготовавшее же ся сами къ приступу, а чернь отослаша от себе, развѣ казаковъ Лисовских»[3].

Для участия в приступе ночью 28 июля (7 августа) осаждающие собрали огромные силы – до 12 тыс. человек. Перед атакой решено было обстрелять монастырь калёными ядрами и вызвать в нём пожар. Однако в ночной темноте началась неразбериха, штурмовые колонны выступили в разное время, столкнулись и местами даже вступили друг с другом в бой. Приступ сорвался, хотя со стен Троицы было дано всего два-три выстрела. После этого некоторые казацкие атаманы предпочли увести своих людей из осадного стана и не пытаться более воевать против святой обители. Неудача была усугублена успешной вылазкой осаждённых 31 июля (10 августа). На Зборовского это произвело удручающее впечатление, которое усугубляли злорадные насмешки ветеранов осады:

«Зборовской же избранное воинство, оружных людей многих изгуби. Его же слезна зрящее, Сопѣга и Лисовской со своими воинствы подсмѣваху: «Что ради не одолѣлъ еси лукошку? Исправися еще, толикъ еси храбръ, не посрами нас – разори, шед, лукошко сие, учини

[2] *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 222, 223.
[3] Сказание Авраамия Палицына. С. 254.

славу вѣчную королевъству полскому. Нам не за обычей приступы; ты премудръ, промышляй собой и нами»[4].

После срыва штурма, Ян Пётр Сапега, Александр Зборовский и Александр Юзеф Лисовский решили сменить цель и сообща выступили против приближающейся армии М. В. Скопина-Шуйского, атаковав её под Калязином. Но и здесь их ждала неудача. Справиться с новым русским войском Скопина-Шуйского оказалось непросто. При этом численность его была невелика – не более 3 тыс. человек, включая 300 иностранных наёмников Христиерна Зомме.

14 (24) августа 1609 г. тушинские войска – полки Сапеги, Зборовского, Лисовского, Вилямовского, Ланцкоронского, Костенецкого – расположились лагерем у Рябова монастыря недалеко от Калязина. Несколько дней Сапега пытался собрать сведения о численности и намерениях противника, но, не преуспев в этом, повёл 18 (28) августа свои войска в бой. Оказалось, что на правом берегу Волги находятся только русские передовые отряды под командованием С. Головина, Я. Барятинского, Г. Валуева, Д. Жеребцова и наёмники Х. Зомме. Для прикрытия переправы они успели построить небольшое полевое укрепление. «Наше конное войско нападало на них и долго выманивало их в поле, но они не хотели выйти из острога, только под самым острогом стояла их конница, которая целый день сражалась с четырьмя нашими ротами – Будилы, Чаплинского, Тышкевича, Калиновского. Наши часто вгоняли его за палисадник, некоторых вгоняли в Волгу и топили, секли, но так как немцы были непоколебимы в своем хитром решении, не выходили в поле, то трудно было сделать им что либо с одной конницей, без пехоты. Наши, чтобы не выпустить их оттуда, расположились подле них лагерем», – вспоминает Юзеф Будило[5].

Неизвестно, как разворачивались бы события дальше, но в тушинский стан вдруг пришло неожиданное известие. 21 (31) августа сюда прибыли депутаты, посланные ранее для переговоров с Лжедмитрием о выплате жалованья. Они сообщили, что жалованья пока нет, зато точно известно о намерении короля Сигизмунда III вторгнуться в Россию. Это произвело среди войска настоящий взрыв. «Что же, теперь, идти на службу к кому-либо другому? Каким духом принесло короля на наше кровавое дело? Разве мы трудимся для короля? Король отнимет у нас нашу корысть!» – кричали солдаты. Армия начала разваливаться на глазах. Сапега отступил к Переяславлю, где полки Зборовского, Ланцкоронского и Костенецкого окончательно вышли из повиновения и в беспорядке двинулись к Тушину. Чтобы сдержать наступление Скопина-Шуйского, Сапега спешно вызвал из Ростова полк Микулинского,

[4] Там же. С. 256, 258.

[5] *Будило И.* Дневник событий, относящихся к Смутному времени. С. 159–160.

а взамен направил туда 31 августа (10 сентября) Лисовского во главе 2000 донских казаков и 300 черкасов. Лисовскому при этом поручалось «бдительно надзирать за Скопиным, если бы он с войском выступил»[6]. Наконец, 3 (13) сентября поредевшие войска Сапеги вернулись в привычный лагерь под стенами Троицы.

Войска Скопина-Шуйского, не теряя времени даром, перешли Волгу и начали преследование противника. Вслед за отходящими тушинцами двинулись небольшие летучие отряды. Один из них под командованием князя С.Гагарина и шведа Е. Анамунды появился 8 (18) сентября у Переяславля. Местные жители немедленно восстали и перебили тушинский гарнизон. Лисовский, выйдя из Ростова, попытался было подавить восстание, однако не преуспел в этом и ограничился, как обычно, сожжением и разорением окрестных сёл и деревень[7].

Вскоре в наступление перешла основная армия Скопина-Шуйского, усиленная шведскими отрядами. Похоже, что Лисовский почувствовал себя весьма неуютно в Ростове. Он имел весьма основательное представление о тех муках, что ждут тушинцев, попавших в руки обозлённых местных жителей. Исходя из данных разведки, Сапега предполагал, что Скопин двинется на Дмитров, чтобы отрезать тушинцам дорогу к Москве. Поэтому гарнизон Дмитрова был срочно усилен отрядом Э. Стравинского. Из этих же соображений, видимо, исходил и Лисовский. Он двинулся к Переяславлю и по утверждению Буссова намеревался «выдать себя за Скопина и Понтуса и попытаться таким образом захватить город врасплох». Но когда он находился уже в трёх милях от города ему стало известно, что главные силы Скопина-Шуйского и Я. Делагарди уже вошли в Переяславль и движутся к Александровой слободе.

«Это не только помешало его намерению относительно города, но когда он в ту же ночь собрался снова вернуться в свой лагерь, то обнаружил, что люди Понтуса после взятия крепости выступили уже против него в поле. Таким образом, дорога назад к Троице была отрезана для него, и если бы он не получил в плен одного боярина, от которого он узнал, что большинство немцев Понтуса еще позади и только через несколько часов подойдет с Давыдом Жеребцовым, ему пришлось бы очень плохо. Он не захотел дождаться их прибытия, свернул в сторону к Суздалю и укрепился там частоколами как только мог лучше. Там он действовал всю зиму, временами выезжал, нападал на соседние города и монастыри и привозил хорошую добычу»[8].

---

[6] [*Sapieha J. P.*] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611) // Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901. S. 242.

[7] Ibid. S. 245.

[8] *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. С. 161. Буссов ошибочно называет Переяславль Ярославлем.

«Христиерн Сомме, взяв с собой бывшие налицо отряды шведов и присоединив к ним некоторых из русских, вдруг подступил к Переславлю и 11 сентября взял его, причем перебил 500 человек из полка Сапеги, а потом стал там лагерем в удобном месте», – сообщает о взятии Переяславля Ю. Видекинд[9].

Между тем, воспользовавшись неразберихой среди тушинцев, Скопин-Шуйский направил на усиление гарнизона Троицы 300 человек под командованием Д. Жеребцова, которые успешно вошли в монастырь 16 (26) октября. Дальнейшая осада обители становилась всё более и более безнадёжной затеей.

Лисовский же, имея в своём распоряжении около 4 тыс. казаков, тем временем прочно засел в Суздале. Здесь он занял место Я. Стравинского, который также был застигнут врасплох на марше взятием Переяславля, однако всё же успел прорваться к Троице. Пребывание в тылу столь опасного и деятельного противника беспокоило М. В. Скопина-Шуйского. Это мешало точному исполнению его планов. Находясь в Суздале, Лисовский оказался на пути понизовой рати Ф. И. Шереметева, двигавшейся к Скопину «нас сход к Троице Сергиеву монастырю». 7 (17) сентября 1609 г. Шереметев подступил к Суздалю, но «тово не вѣдаша, что къ Суждалю крѣпкого мѣста нѣтъ, гдѣ пѣшим людемъ укрѣпитися: все пришли поля. Лисовской же съ Литовскими людьми изъ Суждаля пойде противу ихъ. И бысть бой велій, и Московскихъ людей и Понизовыхъ многихъ побиша: едва утекоша въ Володимеръ»[10]. Таким образом, Лисовский сполна расквитался с понизовцами Шереметева за погром у Решмы.

После этого, оставив Лисовского и Просовецкого в Суздале, в ноябре 1609 г. боярин Ф. И. Шереметев отправился из Владимира прямо в Александрову слободу на соединение с М. В. Скопиным-Шуйским. Уход войска не остался незамеченным и «тою же зимы приходил под Володимер ис Суздаля пан Лисовской да Ондрей Просовецкой со многими литовскими людьми и с черкасы, и с казаки и многую шкоту в Володимере починили: посады пожгли и людей многих побили». Однако, захватить город нападавшим не удалось и они вынуждены были вернуться в Суздаль[11].

Чтобы отомстить за поражение Шереметева и ликвидировать потенциальную угрозу своим тылам, М. В. Скопин-Шуйский в ту же зиму посылает против Лисовского князя Б. М. Лыкова и князя Я. П. Барятинского «со многими людьми с Рускими и с Нѣметцкими». Отрядом

[9] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 84.

[10] ПСРЛ. Т. 14. С. 92.

[11] ПСРЛ. Т. 34. С. 252.

иностранцев командовал Иоганн Мюр – «ротмистр немецкий Анцмир». Поход, как всегда, не обошёлся без местнических споров: «князь Яков со князь Борисом не пошол, а бил челом о местех; и от государя писана ко князю Михаилу Васильевичю, что князь Яков дурует, и преже сево бывал и не однова, а нынеча ему мочно быть со князь Борисом»[12]. Таким образом, Лыкова во главе рати утвердил лично царь Василий, вспомнивший, возможно, об участии князя Бориса Михайловича в разгроме Лисовского на Медвежьем броду. Однако вера в полководческие таланты боярина не оправдались и поход окончился полным провалом: «Они же пріидоша к Суздалю ночію, а приведоша ихъ вожи, не узнаючи, и быша в посадѣ. Лисовскій же, послыша, со всѣми людьми выде на бой. Московскіе же люди ничево граду не здѣлаша, едва и сами нощію отойдоша прочь»[13].

О том же сообщает и «Дневник Сапеги» в записи от 13 (23) февраля 1610 г.: «Лисовский стоит в Суздале, куда Скопин посылал рати лучшей больше шести тысяч, чтобы его выгнать из Суздаля, которых он всех перебил. Немного их ушло к Скопину, о чём Скопин вельми кручинится и того воеводу, который был голова над ними, в тюрьму посадил»[14].

После этого разгрома опасного полковника оставили, наконец, в покое, но не спускали с него глаз. Когда в январе 1610 г. к Скопину и Делагарди прибыло свежее шведское пополнение, то один из отрядов, которым командовал Генрих Тённессон, был специально отряжён, чтобы «наблюдать за планами Лисовского под Суздалем»[15].

Зимой 1609–1610 гг. Лисовский был далёк от основных событий Смуты. Где-то вдалеке, за тёмными лесами и глухими снегами, Сигизмунд III осаждает Смоленск, Лжедмитрий II бежит из Тушино в Калугу, Сапега окончательно снимает осаду Троицы, а победоносный Скопин-Шуйский внезапно умирает в Москве. Нельзя сказать, что Лисовскому ничего из этого не было известно. Похоже, он внимательно следил за ситуацией. Известно, что в королевском лагере под Смоленском находились два его представителя, Ян Говарецкий и Ян Куниньский. Какова была цель их визита туда, правда, неизвестно. Кроме того, Лисовский поддерживал переписку с каштеляном троцким Адамом Талвошем, который убеждал полковника перейти на службу королю. В конечном итоге это ему удалось[16].

Отрезанный от внешнего мира зимними снегами и дозорами Тённессона, Лисовский понимал, что так вечно продолжаться не может.

---

[12] *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 54.
[13] ПСРЛ. Т. 14. С. 94; ПСРЛ. Т. 34. С. 252–253.
[14] *[Sapieha J. P.]* Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611). S. 253.
[15] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 95.
[16] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 55.

Близилась весна и вместе с нею приближалось время принимать решения. Однако сам ход событий избавил полковника от этого бремени. Против него была предпринята очередная экспедиция. Во главе войск, направленных к Суздалю, на сей раз стоял чашник князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский. Спустя четыре года он вспоминал о том, как во времена Смуты он «на Москвѣ въ осадѣ сидѣлъ и на многихъ бояхъ съ литовскими людьми и съ измѣнники съ русскими воры бивался явственно», но наиболее ярким событием в богатой боевой биографии князя выглядит именно поход против Лисовского. Точной даты похода воевода не сообщает, говоря лишь о том, что «какъ воръ побѣжалъ отъ Москвы въ Калугу, и въ тѣ... поры царь Василей меня посылалъ за Лисовскимъ, как Лисовской приступалъ къ Володиміру». Учитывая, что Тушинский Вор бежал в Калугу в начале января 1610 г., а в первой половине феврале Лисовский успешно отражает от Суздаля войска Б. М. Лыкова, то поход А. В. Лобанова-Ростовского следует отнести примерно к марту 1610 г.

Утвердившись в Суздале и приступая к Владимиру, полковник, судя по всему, контролировал и Юрьев-Польской. По крайней мере, князь Лобанов-Ростовский, двигаясь против него, вначале «сшелся подъ Юрьевцемъ Польскимъ съ польскими и съ литовскими людьми и съ русскими измѣнники и былъ бой». Ратники Лобанова-Ростовского взяли город штурмом, а тушинцы, «осыпь покинув, побежали», понеся крупные потери убитыми и пленными. После этого князь «въ осыпи сѣлъ и острогъ и крѣпости подѣлалъ», после чего продолжил наступление на Суздаль. Предстоящая встреча с самим Лисовским, несомненно, вызывала у него опасения, однако в Гавриловской слободе А. В. Лобанов-Ростовский смог вздохнуть с облегчением и отписать на царское имя: «Лисовской не дожидаясь меня, холопа твоего, изъ Суздаля побѣжалъ и я, холопъ твой, пришелъ въ Суздаль»[17].

Судя по изложению событий А. В. Лобановым-Ростовским, он приписывал бегство Лисовского исключительно страху перед приближением своей рати. Отчасти он, конечно, был прав, однако оставление Суздаля имело и другие причины. Юхан Видекинд сообщает в связи с этим целую авантюрную историю: «Лисовский, долго занимавший Суздаль, вышел оттуда однажды на фуражировку, а начальником там был Мартин Сабельский, родом из Пруссии, человек, преданный Шуйскому, но долгое время притворявшийся и скрывавший это. Зорко выследив уход Лисовского, он по возвращении запер перед ним ворота и впустил с другой стороны в замок сторонников Шуйского. Лисовский пошел бродить по области, разорял повсюду храмы и монастыри и, наконец, найдя в Калязине громадную казну на 60 тыс. золотом (в

[17] Акты Московского государства. М., 1890. Т. I. С. 111.

шесть бочек золота), постепенно стал отходить из пределов Московии в Польшу (как предполагалось, к польской границе)»[18].

Мартин Шабельский, известный в русских грамотах, как Мартын Собелский, который год назад во главе донцов расправлялся с земскими повстанцами в Плёсе и на Клязьме, вряд ли питал глубокую, но тайную преданность Шуйскому. Однако в целом рассказ Видекинда, несомненно, правдив. Дело самозванца откровенно терпело крах и неудивительно, что даже среди соратников полковника обнаружились люди, благоразумно решившие отмежеваться от проигравшей стороны и выслужиться перед победителями. Падение Юрьева-Польского стало к тому дополнительным толчком. Принимая решение, пан Шабельский, скорее всего, не действовал на свой страх и риск, а установил предварительно связь с земским движением, оказав тем самым ополченцам и ратникам Лобанова-Ростовского помощь в захвате Суздаля.

В итоге успешных действий суздальских заговорщиков и переметнувшегося к ним бывшего соратника, весной 1610 г. Лисовский остался без надёжной базы и, похоже, лишился большей части своих припасов, снаряжения и казны. Но ему было не привыкать начинать всё с нуля. Как и после поражения на Медвежьем Броду, он действовал энергично и непредсказуемо. Вместе с казачьим атаманом А. З. Просовецким он поневоле предпринял опустошительный рейд по тылам армии Скопина-Шуйского. Русские летописи подробнее и точнее, нежели Видекинд, прослеживают путь *лисовчиков*.

Суздальские места, оставленные Лисовским за спиной, были опустошены почти дотла. Покидая их, он постарался как можно основательнее обеспечить себя продовольствием и фуражом. В челобитной 1611 г. о положении дел в уезде после двух лет беспрерывной войны говорится: «воевали литва и черкасы и казаки, и многихъ людей посѣкли, и пожгли, и пограбили… въ Суздалском уѣзде, отъ Суздаля верстъ по пяти, и по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати, и по тридцати и болши, кормовъ людскихъ и конскихъ нѣтъ, ржи и овса нетъ ни снопа… потому что вывезли всякіе свои и конскіе кормы литва и черкасы и казаки»[19].

Первым на пути *лисовчиков* оказался Ростов: «они Ростов взяли и дом пречистые Богородицы розорили, Леонтья, ростовского чюдотворца, мощем поругались, и все церкви божия розорили и многую шкоту и кровопролитие и убийства християном учинили, и домы их все пограбили»[20].

---

[18] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 117.

[19] ААЭ. Т. II. С. 246.

[20] ПСРЛ. Т. 34. С. 254.

Затем, 2 (12) мая 1610 г., они подступили к Калязину монастырю. Гарнизоном командовал здесь давний противник Лисовского – воевода Д.В. Жеребцов. Польские источники утверждают, будто под его началом находилось 13 тыс. человек. Численность русских сил тут, как и в большинстве случаев, сильно завышена для придания большего блеска подвигам полковника. Когда *лисовчики* атаковали монастырь, храбрый воевода «бился съ ними крѣпко». Однако отразить нападение не удалось. Настоятель Левкий, монахи и все защитники монастыря были перебиты. Давыд Жеребцов был схвачен и, по приказу мстительного Лисовского, ему отрубили голову, «как изменнику и предателю». Лисовчики осквернили мощи преподобного Макария Калязинского и захватили в качестве трофея его серебряную раку – вклад Бориса Годунова. Попала к ним в руки и вся монастырская казна. Именно это и послужила основанием для легенды о шести бочках золота, якобы захваченных *лисовчиками*[21].

Спалив Калязин, Лисовский двинулся на Кашин, Тверь, Торопец. Защитники Торопца под руководством воеводы князя В. И. Туренина нанесли *лисовчикам* наиболее тяжкий урон: «польскых и литовскых людей и черкас, и рускых воров и ызменников казаков побили, и языкы у них на выласке поимали, и от острогу их от приступу отбили». За «Торопецкое осадное сидение» воевода в 1614 г. был пожалован прибавкой к поместному окладу на 300 четей и увеличением денежного жалованья на 100 рублей[22]. Ни одного города Лисовскому захватить не удалось, но зато округа всех них была опустошена и выжжена со знанием дела. Наконец, во второй половине июля *лисовчики* вышли к Великим Лукам и здесь перевели дух. Здешние территории всё ещё находились под властью сторонников самозванца, но никто здесь не мог отдавать Лисовскому приказов. Начиналась совершенно новая страница в его авантюрной биографии. Он превратился в независимую и весьма влиятельную фигуру.

[21] ПСРЛ. Т. 14. С. 102; ПСРЛ. Т. 34. С. 254; *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 73.

[22] ПСРЛ. Т. 34. С. 254; АМГ. Т. I. С. 112.

ГЛАВА 7

НАЕЗДНИК

Лисовский на Псковщине

Изгнанный из Замосковья, Лисовский с удивлением обнаружил на Псковщине множество людей, которые были рады его приходу. Его закалённый в боях отряд представлял собой серьёзную военную силу, а сам полковник успел снискать громкую и довольно страшную славу. «Это был человек, который и сам с удивительной храбростью искал опасностей, и воинов вел с собой таких же: они, как и наши соратники из отряда Делашапелля, слыли на солдатском языке «пропащими» и обреченными на смерть (были люди отчаянные и больше ценили добычу, чем жизнь)», – так оценивает появившихся из недр России Лисовского и *лисовчиков* шведский историк XVII в. Юхан Видекинд[1].

Ситуация в Псковской земле была довольно своеобразна. Ещё весной 1608 г. в город вернулись стрельцы, попавшие после Болховской битвы в плен к Самозванцу и отпущенные им по домам. С собой они принесли не только рассказы о царской милости, но и грамоту, писанную «мудрым слогом зело». Следом за тем, летом 1608 г., в окрестностях города появились тушинские отряды под командованием Ф. К. Плещеева и псковичи стали склоняться на сторону Лжедмитрия II. Воевода Пётр Никитич Шереметев не относился к сторонникам Шуйского, но опасался ссориться с псковской купеческой верхушкой, поддерживавшей царя Василия. В итоге, он побуждал окрестных крестьян присягать Тушинскому вору, а затем сам же учинял над ними расправы, запрашивая одновременно подмоги из Новгорода. Когда 1 (11) сентября в Пскове прошёл слух, что отряд иностранных наёмников уже прибыл из Новгорода к самой реке Великой, горожане возмутились и на следующий день открыли ворота тушинцам Ф.К. Плещеева. Псков целовал крест Лжедмитрию, а П. Н. Шереметев был брошен в тюрьму и позднее там

[1] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 143.

удавлен. С того момента город неизменно оставался на стороне Самозванца, раз за разом отражая новгородцев, пытавшихся вернуть их под руку царя Василия[2].

Наконец, «после Петрова дня» 1610 г. к Пскову подступило новгородское войско под командованием князя Владимира Тимофеевича Долгорукова. Его небольшие силы включали в свой состав около 300 новгородцев и отряд иностранных наёмников – «немцы Лобар с товарыщи». Псковичи послали за помощью к гетману Ходкевичу, а сами храбро вышли ему навстречу, «яко на борьбу или на кулачной бой», однако в столкновении с опытными солдатами потерпели сокрушительное поражение: «псковичи же, тогда еще не знающе ратного дѣла, видѣвше нѣмецъ, побѣгоша ко граду, они же всѣми полки напустиша и гониша до града, биюще и секуще... аще бы тогда мало постояли, и град бы им здали».

Псковичи, «преже сего видевше приходящих на них новгородцов, не имѣющи же помощи ниоткуду», уже направляли посольство с просьбой о помощи к гетману Ходкевичу, но он «не успѣ собратися с вои ити с ними». Но и новгородцы не смогли воспользоваться плодами неожиданной победы – до них дошла весть о том, что по соседству появился «лютый тать и разбойникъ пан Лисовской... с рускими мучители и грабители». Опасаясь, как бы Лисовский не напал внезапно на Новгород, войско В. Т. Долгорукова спешно отступило от Пскова[3].

Воодушевлённые псковичи тотчас направили посольство в стан *лисовчиков*. Лисовский и Просовецкий стояли в то время у Порхова в новгородской земле. «Псковичи не только очень хорошо приняли его, но даже просили и убеждали остаться у них на некоторое время и оказать им помощь против немцев, которые из Нарвы (она принадлежит Шведскому королевству и расположена на лифляндском рубеже) ежедневно нападали и налетали на них. Он охотно так и поступил», – сообщает Конрад Буссов[4].

Опустошив напоследок Порховскую землю, в августе 1610 г. Лисовский выступил к Пскову. Псковичи впустили полковника в город, но его отряд предусмотрительно разместили на посаде и в Стрелецкой слободе. Для *лисовчиков* наступили блаженные дни отдыха. Они стали «во град входити и начаша многую великую казну пропивати и платьемъ одѣватися, понеже бѣ многое множество имяху злата и сребра и

---

[2] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 284–287.

[3] Псковская летописная повесть о Смутном времени // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М. 1987. С. 154; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 106.

[4] *Буссов К.* Московская хроника. С. 161.

жемчюгу… Егда же та вся провороваша и проиграша зернью и пропиша, начаша буестию глаголати и грозити гражаномъ»[5]. Устав от пьяных загулов *лисовчиков*, псковичи потребовали, наконец, от них ожидаемой службы. Воевод в Пскове в то время не было и всеми делами управлял дьяк Иван Леонтьевич Луговской с выборными посадскими людьми. Это был «добрый мужъ во разумѣ и въ сѣдинахъ», который сумел выйти из трудного положения и выдворить из города опасного и непредсказуемого «союзника». Многоопытный дьяк «начаша лстивыми словесы глаголати, чтобы шол на Иваньгород на испоручение». Дипломатические способности И. Л. Луговского сделали своё дело и полковник выступил в новый поход.

Тем временем общая ситуация в стране стремительно менялась. После внезапной смерти М. В. Скопина-Шуйского, командование русской армией оказалось в руках бездарного царского брата Д. И. Шуйского. В итоге 24 июня (4 июля) 1610 г. под Клушиным поляки под командованием Станислава Жолкевского разбили русские и шведские войска. Дмитрий Шуйский бежал в Можайск, а немалая часть иностранных наёмников из отряда Якоба Делагарди перешла на службу к Жолкевскому. Вслед за этим, 17 (27) июля 1610 г., Василий Шуйский был свергнут с престола и пострижен в монахи. Перемена власти в Москве аннулировала предшествующие русско-шведские договоры. Делагарди решил сам заплатить себе и, не дожидаясь инструкций короля, повёл войска против Кексгольма, Ивангорода и Ладоги.

В такой обстановке, по челобитью псковичей, Лисовский и Просовецкий двинулись, наконец, к Ивангороду. Однако дальнейшие события разворачивались не столь просто, как о том сообщают Буссов и псковская летопись. Именно на Ивангород был направлен главный удар войск Делагарди. «Эту крепость, расположенную против Нарвы, поляки-димитриевцы давно уже обороняли за сильными укреплениями, а так как она защищена была и местоположением, то упорства врагов не удавалось сломить ни причиняемым уроном, ни доблестью осаждающих. Притом и Лисовский… занял с 4 тысячами человек все ближайшие дороги (и встал на пути г. Якоба [Делагарди], чтобы на пространстве 4 миль отрезать доступ к Ивангороду)… Так как он преградил доступ со всех сторон, то подойти к Ивангороду казалось небезопасным. Поэтому Якоб некоторые время простоял в устье реки Невы», – сообщает Видекинд, неточно именуя защитников крепости «поляками»[6].

Пока Делагарди готовился к походу, осаду Ивангорода вели шведские войска под командованием Андерса Ларссона, Петра Нильссона

[5] Псковская летописная повесть. С. 154, 156.

[6] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 143.

Кроока и Нильса Шерншельда. «Они старались ежедневными уговорами склонить осаждённых к покорности и сдаче. Так как слова оказывались напрасны, применена была сила, пущены огневые ядра, но и те не имели успеха»[7]. С приближением в августе 1610 г. Лисовского в рядах осаждающих вспыхнул бунт и «более 2 тысяч иноземцев перебежали к неприятелю, среди них больше всего ирландцев. Командиры, не доверяя остальным, выставили против них караулы, как против врага». Сообщая об этом, Юхан Видекинд с недоумением пишет, что «для мятежа не было никаких причин, кроме распущенности, так как и жалованье платилось и хлеб доставлялся регулярно: отдельные люди грешили единственно из-за порочности и своеволия»[8].

Конрад Буссов на причину дезертирства ирландцев и англичан смотрел проще. По его словам Лисовский «не только очистил псковский рубеж от нарвского войска, но тайными хитростями и переговорами добился того, что 500 англичан и 300 ирландцев откололись от них и примкнули к нему, после чего нарвское войско оставило псковичей в полном покое»[9]. Судя по всему, полковник прекрасно сознавал слабость своих сил и их неспособность противостоять на равных шведской армии, а потому и пустился на «тайные хитрости», стараясь внести раскол в ряды неприятеля.

Ослабив силы противника, Лисовский дважды пытался штурмовать лагерь осаждающих, однако успеха не добился: «во второй раз потерял два знамени и много людей убитыми и пленными, гнали его вплоть до Яма». Укрепившись под Ямом, полковник узнал, что против него движется Эверт Горн во главе 1 тыс. всадников. Лисовский выступил против Горна, «но как только приблизился к врагу и можно было начать битву, он, внезапно покинув удобную позицию, бросился в бегство, причем много народу у него было перебито и уведено в плен; всего же войска, по сообщению пленных, было 3 тысячи из казаков, поляков, русских и татар. Оно бродило везде по полям, гонясь только за добычей, и теперь часть награбленного оставило нам»[10]. Согласно Петру Петрею, удар Горна был сокрушителен: «под городом Ямо он повстречался с польским вождем, Александром Лисовским, имел с ним сражение и истребил его войско, из которого уцелел только сам Лисовский с несколькими воинами, и убежал в Псков»[11].

Однако неудачное дело с Горном не обескуражило *лисовчиков* и не облегчило положение шведов. Согласно оценке самого Видекинда, «Лисовский придал ивангородцам мужества, так что теперь их можно

---

[7] Там же. С. 148.

[8] Там же.

[9] *Буссов К.* Московская хроника. С. 161.

[10] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 148.

[11] *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском. С. 357.

было только голодом заставить подчиниться». Не рискуя более вступать в правильное сражение с регулярными войсками противника, хитрый полковник, похоже, усилил разлагающую работу среди иностранных наёмников шведской армии. В начале сентября 1610 г. начинаются волнения среди французских солдат из отряда Режи Делавилля. Они настойчиво требуют выплаты жалованья, угрожая, «что если деньги нескоро будут уплачены, то они разграбят все, что попадется». Командование пыталось погасить волнения, направив наёмников на захват Дерпта. Однако по пути французы подняли открытый мятеж, после чего к ним присоединились ирландцы. Шведам пришлось применить против них силу. Часть мятежников спаслась в Ревеле, а часть, во главе с заместителем полковника Николаем Шанцем «бежала к русским». В результате этих беспорядков войска, стоявшие под Ивангородом, «сняли осаду, увезли пушки, все снаряжение, и возвратились в Нарву, собираясь вести с ивангородцами переговоры о перемирии»[12].

Лисовский же, согласно псковской летописной повести о Смутном времени, избавив Ивангород от осады, задумал прибрать его к собственным рукам. После бегства из Суздаля ему требовалась новая надёжная база. «Тоде могу ис того града и прочая достати», – рассуждал он, согласно псковскому летописцу. Зная, что в пережившей осаду крепости плохо с продовольствием, полковник направил в Ивангород небольшой передовой отряд с хлебным запасом. Лисовчики вошли во внешний острог и «хотѣша внити во град и засѣсти по словеси его и никто же во граде помысли коварства сего быти, но вельми возрадовашася и похвалиша я». Однако один из старших дьяков, Афанасий Андроников, «уразумѣ злое его коварство» и приказал закрыть городские ворота, не выпустив посланцев полковника из острога. В это время к Ивангороду подоспел и сам «многоковарный» полковник, обратившийся с просьбой пропустить его за городские стены. Его впустили и «честь ему воздаша» – но только его одного. Лисовский «подивися великой крѣпости граду» и выразил удивление проницательностью «державцовъ градских» – они первыми раскрыли его хитрости, хотя прежде, по его словам, «ни в коем граде руском не могоша узнати моего многоразличнаго коварства и сѣтей»[13].

О дальнейших действиях Лисовского Буссов сообщает следующее: «Оказав псковичам эту услугу, Лисовский перешел на сторону польского короля и эту зиму провел в Воронечье. Но заметив, что казаки и русские, которые были под его началом, собираются ему изменить, он покинул их и отправился один с 800 иноземцев на Красное, взял его летом 1611 г., уволил иноземцев, набрал 300 поляков, с каковыми

[12] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 150.
[13] Псковская летописная повесть. С. 156.

он остался в той же крепости и сохранял ее для его величества короля польского. Такое счастье выпало Лисовскому по той причине, что люди Понтуса преградили ему тогда путь и ему пришлось, как хитрой лисе, дальним обходом найти другую лазейку из России и тем избежать гнева русских»[14].

Видекинд сообщает об этом следующим образом: «Лисовский, который, как я упоминал, только что был прогнан из стен Яма, теперь, по слухам, стал лагерем близ Гдова, но из-за разногласий с горожанами сжёг дома и бежал неведомо куда»[15].

Уточнить местонахождение «неведомого места» помогает псковская повесть о Смутном времени. По её сведениям отряд Лисовского разделился: «и поидоша русь во Псков, а пан Лисовской с литвой да нѣмець, полонённых на Иванегороде… поиде мимо Пскова»[16]. Псковское сообщение отражает также раскол, произошёдший между Лисовским и Просовецким в октябре 1610 г. Причина раздора не вполне ясна – переход Лисовского на сторону Сигизмунда по словам Буссова относится уже к зиме 1610–1611 г., а столкновения между атаманами начались уже на обратном пути от Ивангорода к Пскову. Сведения об этом сохранились в донесениях боярина Ивана Михайловича Салтыкова, прибывшего в октябре 1610 г. к Новгороду приводить народ к присяге призванному на царство в Москву королевичу Владиславу Сигизмундовичу.

Новгородцы не допустили И. М. Салтыкова в город и отказались целовать крест королевичу. Тогда боярин «по всѣмъ дорогамъ около великого Новагорода поставил заставы от воровских и от неметцких людей крепкие». Одновременно, «идучи с Москвы», он в октябре 1610 г. выслал на Торопец и Великие Луки воеводу Григория Леонтьевича Валуева. Имея под своим началом «детеи боярскихъ торопчанъ, лучанъ, пусторжевцовъ, невлянъ, псковичь, белянъ», он должен был привести эти города к присяге Владиславу. Торопчане во главе со своим воеводой Александром Чоглоковым целовали крест на верность новому царю, но Великие Луки и Невель делать это отказались. Тревогу их жителей вызывали разорения, чинимые «литовскими ротмистрами», которые «крестьянъ мучили и огнемъ жгли… во дворянскихъ помѣстьяхъ посадили своихъ приставовъ и помѣстья ихъ розделили по себѣ»[17].

Тогда же И. М. Салтыкову стало известно о том, что Лисовский и Просовецкий «со многими воровскими людьми» стоят в 20 верстах от

[14] *Буссов К.* Московская хроника. С. 162.

[15] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 151.

[16] Псковская летописная повесть. С. 154, 158.

[17] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. СПб., 1819. Ч. 2. С. 456–457.

Пскова. А 16 (26) октября в его лагерь явились перебежчики из стана Лисовского – «татарове Янъгилдѣй Янъсупин с товарыщи 30 человѣкъ». От них Салтыков узнал последние новости о взаимоотношения двух воровских атаманов: «Лисовской пришел был подо Псковъ… и Ондрѣей де… Просоветцкой со всѣми казаки от Лисовского отстал, і от самого Іванягорода по Псков у них меж себя с Лисовскимъ былъ бой; и убили де… меж себя на обе стороны с тысечю человѣкъ; и подо Псковом де… розорвались, Лисовской с нѣмцы и с литвою стал 50 верстъ ото Пскова в Острове, а с нимъ нѣмцы и черкасы, а Просоветцкой де… сталъ с казаки 20 верстъ ото Пскова»[18].

Собравшись с силами, Лисовский неожиданно напал на стан Просовецкого и разгромил его в битве. Но силы казацкого атамана не были уничтожены. Разойдясь с недавним союзником, А. З. Просовецкий в конце ноября двинулся в сторону Великих Лук и по пути столкнулся с отрядом Г. Л. Валуева, пытавшегося привести округу к присяге королевичу Владиславу. В итоге сражения, «Просовецкой с казаки Волуева побил с Литвои не далее от Лукъ и шол под Москву»[19]. Это поражение поколебало позиции сторонников Владислава в этих краях и чтобы укрепить своё влияние Г. Л. Валуеву пришлось прибегнуть к жёстким и решительным мерам: 25 декабря 1610 г. он разгромил и выжег Великие Луки.

Воодушевлённый известием о расколе среди «воров», И. М. Салтыков выслал под Псков и «под ыные измѣнные городы» крупные отряд под командованием Корнилы Никитича Чоглокова и полковника Лаврина Рудницкого из Старой Руссы. Против Лисовского боярин намеревался выступить лично. Однако, как уверял Салтыков в своём послании на имя короля Сигизмунда III, при вести о его намерении «литовские люди Олександръ Лисовской с товарыщи пошли за рубеж в Литовскую землю»[20]. Впрочем, весьма скоро выяснилось, что заверения Салтыкова, мягко говоря, несколько преувеличены. Если Лисовский и отступил на какое-то время за литовский рубеж, то время это было весьма недолгим.

Теперь, когда псковичи, как сторонники Тушинского вора, перестали быть союзниками, Лисовский с полным правом открыл против них военные действия. Простояв некоторое время под Островом, полковник развил на Псковщине бурную деятельность и первой своей жертвой избрал Псково-Печорский монастырь.

Обитель не случайно стала целью нападения Лисовского, а затем и самого гетмана Ходкевича. Это была мощная крепость, окружённая

[18] СбРИО. Т. 142. С. 121–122; СГГД Ч. 2. С. 455, 459–460.
[19] Псковские летописи. М, 1955. Вып. 2. С. 275.
[20] СбРИО. Т. 142. С. 125.

каменной стеной с восемью башнями. «Этот монастырь, находящийся приблизительно в миле от Пскова, у дороги на Ливонию и Ригу, славен почитанием и изображением Богоматери, там чтится ее образ, появившийся с дерева, – сообщает Видекинд. – Поэтому русские отдали ему некоторые земли, отнятые у Новгорода. Псковичи ввели в монастырь довольно сильный гарнизон»[21]. Именно за стенами монастыря укрылись «лучшие люди» Пскова, бежавшие сюда во время смут и волнений, охвативших город. Стратегическое положение и сокровища, скопившиеся в обители, привлекали сюда и шведов, и поляков.

Согласно краткому описанию Ю. Видекинда, «они [поляки]... стали осаждать Печеры, имея командирами Лисовского и Йоханна Фаренсбаха, но, проломив первые ворота, встретили препятствие в виде заграждения из частых рядов бревен и ушли без всякого успеха»[22]. Упоминание Фаренсбаха, служившего под непосредственным командованием Ходкевича, свидетельствует в пользу достоверности сведений Салтыкова о временном уходе Лисовского «за рубеж в Литовскую землю». Смешанный состав сил полковника подтверждается и сведениями Псковской летописи:

«После Рожества христова, Олисовскои пришед изгономъ с Нѣмцами и с Литвои таино под Печоры, и взя острог и торги всѣ и много множества всякого богатества, и людеи многих полонил и к городу приступал много, малым сохранил бог; а пришел врагами меж гор. И под Изборскомъ был и дрался со псковскими ратными, и под Островом, и под Опочкои, и стал на Вороноче, и воевал Псковщину, а Литвы и Немец 2000 с ним»[23].

«Рождественский» приступ Лисовского к Псково-Печорскому монастырю довольно подробно описан в «Повести о нашествии поганые Литвы и Немец на обитель пречистыя Богородицы», которая уточняет и дополняет сведения Псковской летописи. Согласно данным «Повести...», нападение произошло не просто «после Рожества христова», но «въ самое Сборное воскресеніе», то есть первое воскресенье ве-

---

[21] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 241. Согласно Видекинду, нападение на Печорский монастырь было вызвано действиями Лжедмитрия III: «Димитрий, остающийся в Пскове... опирался на сброд из казаков и неведомо каких потерявших честь и привыкших к грабежам людей. Оттуда он часто делал набеги к Дерпту, угонял скот и опустошал окрестности огнем и мечом, задевая этой наглостью и шведов и поляков, деливших в то время Ливонию между собой. Поэтому они со своей стороны стали осаждать Печеры...» (Там же). Однако это утверждение ошибочно: самозванец обосновался во Пскове только в апреле 1611 г., когда монастырь уже неоднократно подвергался атакам Лисовского и самого Ходкевича.

[22] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 242.

[23] Псковские летописи. Вып. 2. С. 276.

ликого поста, называемое так потому, что в этот день духовенство собиралось у епископа духовенство для совещания о церковных делах. В 1611 г. этот день приходился на 11 (21) февраля.

В то время, как монастырская братия и богомольцы были заняты всенощной службой, а бдительность стражи притупилась, «послѣ вечерняго звону внезапу пріидоша погани и выразиша врата градная нѣкоею новою козніею премудрою, по ихъ нарицаемою пинартою [петардой], такоже и другая врата». Стражники не успели опустить железные решётки и *лисовчики* ворвались внутрь. Однако тут они остановились в замешательстве, не зная, куда двигаться дальше. Никто из них не бывал прежде в монастыре, а потому им было неизвестно, что через него протекает ручей Каменец. Псково-Печорский монастырь был, наверное, единственной русской крепостью, выстроенной прямо на овраге. Вход и выход из него перекрывали башни, снабжённые подъёмными железными решётками. Обнаружив перед собой склон оврага, нападающие опасались спускаться по нему в темноте. Кроме того, вероятно, путь им преграждало упомянутое Видекиндом «препятствие в виде заграждения из частых рядов бревен». Тем временем весть о вторжении неприятеля разнеслась по монастырю. Монахи во главе с архимандритом Иоакимом, «видяще конечное свое погубленіе», собрались в церкви и, «ожидающе смертнаго часа», облеклись в схимы, исповедовались и причащались. Богомольцы в панике пытались спастись бегством, разбегаясь во все стороны. Одни покидали монастырь через Изборские ворота, другие же убегали через пробитую петардой брешь, сталкиваясь при этом с *лисовчиками*. Для нападавших этот поток беглецов оказался полной неожиданностью. Они «стояще бяху мятущеся и не смѣюще огня возжещи, да не побиютъ ихъ озрѣвше гражане и бяху вси смятени». Когда, наконец, спустя пять часов начало светать, *лисовчики*, оценив обстановку, начали спускаться вдоль потока. Они добрались до кельи архимандрита, причём те, кто двигался по правому берегу, дошли до монастырских житниц, а те, кто шёл по левому, спустились к нижним решёткам, перекрывавшим русло ручья. Осознав, видимо, недостаточность своих сил для полного овладения обителью, Лисовский и Фаренсбах отступили. Согласно преданию, враги были изгнаны силой молитвы и бежали «невидимою силою гоними бѣша»[24].

Но этот рейд был лишь прологом к ещё большим испытаниям, выпавшим на долю Псково-Печорского монастыря. В пятую неделю великого поста, вечером 10 (20) марта 1611 г., «въ нощи, в самой звонъ всенощнаго», передовые части войск гетмана Ходкевича подступили к монастырю «и врата выбиша свиньею». Однако удержаться на захваченных позициях им не удалось. После этого из Пскова на усиление

[24] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 54–55.

монастырского гарнизона было прислано 300 «вольных людей» под началом атаманов Кибиря и Серги Палаумова. Вслед за тем, в вербное воскресенье 17 (27) марта к обители подошли основные силы Ходкевича. Гетман доставил сюда и две большие осадные пушки, носившие имена «Самсон» и «Баба». Осаждающие пробили стену в двух местах, вели обстрел со стороны Изборска, «не дающе людемъ ходити по монастырю и на приступехъ битися с ними». Затем Ходкевич подвёл подкоп под ворота Св. Николы, но осаждённые подвели под него контрмину. Успешной была и утренняя вылазка, в ходе которой защитники монастыря «изыдоша на поганыхъ внезапу, и побиша ихъ множество, и нарядъ ихъ и набаты и знамена поимаша». В итоге, простояв у обители шесть недель и два дня, после семи безуспешных приступов, гетман вынужден был отступить[25].

Неясно, находился ли в то время Лисовский в составе войск Ходкевича. Из общего контекста упоминаний о его действиях следует, что, скорее всего, он не тратил время на участие в затянувшейся осаде, совершая набеги в окрестностях: «А еже рещи многое разбойническое нападеніе … пана Лисовского, и частое его нахожденіе на еѣ честную обитель днемъ и нощію, нѣсть мощно изрещи… пакости учини много, посадъ и дворецъ сожже и людей поби и плѣни много»[26].

Обосновавшись в псковском пригороде Воронече, который стал его новым оплотом, полковник зажил там вольной жизнью, совершая «по вся дни и нощи» опустошительные набеги на окрестности – «и высѣче всю Псковскую землю». Зиму 1610/1611 гг. он провёл ещё более вольготно, нежели предыдущую в Суздале. Часть добычи и пленников

[25] ПСРЛ. Т. 5. С. 55; Псковские летописи. Вып. 2. С. 275–276.

Я. Н. Рабинович ошибочно сообщает о повторном нападении Лисовского на Псково-Печерский монастырь в январе 1612 г. Исследователь выражает своё недоумение по поводу того, что «из-за отсутствия ясных сведений в источниках... историки стараются ничего не говорить об этих попытках захвата монастыря». Удивление беспочвенно: автор не замечает, что дважды использует *одно и то же* летописное сообщение для рассказа о *двух разных*, по его мнению, событиях. Если вначале он цитирует Псковскую летопись, говоря о приступе 1611 г. (*Рабинович Я. Н.* Неизвестные страницы из истории Псково-Печерского монастыря и Изборска в Смутное время // Вестник ПсковГУ. 2013. Вып. 2. С. 50), то через две страницы дословно повторяет тот же текст уже в качестве свидетельства о приступе 1612 г. (Там же. С. 52). Ссылаясь на сведения Ю. Видекинда, он утверждает, будто совместно с Лисовским действовал «шведский отряд Йохана Фаренсбаха», не подозревая о том, что тот служил под началом Ходкевича и не имел к шведам отношения. Причиной такого странного разделения служит, вероятно, ошибка в комментариях к изданию книги Видекинда, где нападение на Псково-Печерский монастырь силами Лисовского и Фаренсбаха действительно датировано 1612 г. (дальнейший рассказ в этом комментарии привязан к повествованию о действиях Ходкевича и содержит конкретные даты, относящиеся к событиям 1611 г.).

[26] ПСРЛ. Т. 5. С. 55.

полковник отправлял на родину, о чём свидетельствует судьба одного из попавших в его руки шведов. Оказавшись спустя много лет, в 1632 г., теперь уже в русском плену, «немчин свейской земли Хан Петров» рассказал, что больше двадцати лет тому назад, «какъ стояли подо Псковомъ нѣмецкіе свейскіе нѣмцы, и въ тѣ де поры шелъ изъ Московского государства Лисовскій съ литовскими людьми и его де подо Псковомъ литовскіе люди взяли въ полонъ и отвели въ Литву, и жилъ въ Полоцку у Лисовскаго въ имѣньи»[27]. Надо полагать, что швед «Хан Петров» был не единственным пленником полковника, кого постигла подобная участь.

Тем временем бурные события Смуты неслись своим чередом. 11 (21) декабря 1610 г. в Калуге был убит Лжедмитрий II. Весной 1611 г. шведы возобновили военные действия и 2 марта взяли Кексгольм. А к Москве, за стенами которой бояре и польский гарнизон безуспешно ожидал явления призванного на царство польского королевича Владислава, стали стягиваться войска Первого ополчения, в ряды которого влился и отряд Андрея Захаровича Просовецкого.

Между тем на сцене появился новый самозванец. Согласно одним сведениям, это был некий «вор Сидорка», а по другим источникам – Матюшка, московский дьякон из церкви за Яузой. «Это был краснобай, продувной, хитрый и отчаянный малый, а оттого и собралось к нему несколько сот негодяев и мошенников, которые все помогали его словам и бредням находить сочувствие и прикрашивали их», – пишет лично знавший авантюриста Пётр Петрей[28]. Самозванец вначале объявился в Новгороде, затем бежал в Ивангород и 23 марта (3 апреля) 1611 г. объявил там о своём царском происхождении. Тут ему удалось заручиться поддержкой казаков, после чего он завёл переговоры с Филиппом Шедингом, шведским комендантом Нарвы. Однако, после того, как посольство Петра Петрея установило «ложность и самодельность» нового претендента, шведы прекратили всякие сношения с очередным Лжедмитрием. Зато псковичей вполне устраивала личность нового «вора». По словам Петрея, «псковичи вообразили себе, что если будет у них какой-нибудь государь и великий князь, хоть и не настоящего княжеского происхождения, то все же никто не осмелится тревожить и осадить город Псков они отправили послов в Иваньгород и звали самозванца в великие князья к себе»[29].

В этот момент псковичи оказались в том же положении, что и год назад, когда призывали на помощь Лисовского. Они не желали признавать королевича Владислава, избранного русским царём. Признавать

[27] АМГ. Т. I. С. 402.

[28] *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском. С. 361.

[29] Там же. С. 361–362.

власть поляков или шведов хотелось им ещё меньше. В ставку первого ополчения под Москву было направлено посольство, которое било челом «ко всеи земли князю Дмитрею Трубецкому и Ивану Зарутцкому… что Лисовскои с нѣмцами, а Хотков под Печорами стоитъ, а новгородцы с нѣмцами мало отходят, а от Иванягорода вор наряжается подо Псков на осад; многие напасти отвсюду сходятся, а помощи ниоткуда нѣт». Однако, никакой помощи из подмосковных таборов псковичи не получили. В итоге выбор в пользу Самозванца был предрешён. Первым его сделали псковские казаки. Выступив 15 (25) апреля против Лисовского, они вместо этого направились прямиком в Ивангород, где примкнули к Лжедмитрию. Переход Псковской земли под власть Самозванца стал теперь всего лишь делом времени[30].

26 июня (6 июля) псковские казаки вернулись под Псков и начали его осаду. А 8 (18) июля в стане осаждающих появился и сам Самозванец. Однако на сей раз город не открыл ему ворота и 23 августа (2 сентября) Лжедмитрий отступил в Гдов. Причиной отхода стало известие о взятии Новогорода шведами и движении их на Псков[31].

Лето 1611 г. было богато крупными событиями: в начале июня Сигизмунд III захватил, наконец, Смоленск, а 16 (26) июля Делагарди взял Новгород и в конце августа осадил Псков. Однако развить успех шведы не смогли. Началась война с Данией, а войск катастрофически не хватало. Осенью 1611 г. через посредство ревельского коменданта Андерса Ларссона было заключено перемирие с польским главнокомандующим гетманом Яном Ходкевичем.

Перемирие, подписанное с Делагарди, ничуть не мешало Ходкевичу всячески препятствовать действиям шведов на русской территории. Для этого у него имелось теперь незаменимое орудие – Александр Юзеф Лисовский и его *лисовчики*. Гетман писал из Шклова жене 28 июля 1611 г., исчисляя свои силы для предстоящей кампании: «Полагаю, одних копейщиков помимо рейтаров буду иметь до трёх тысяч, да рейтаров шестьсот, пятигорцев тысячу, Лисовский тоже с двумя тысячами людей ко мне направляется, немецкой пехоты будет с тысячу доброй и это помимо казаков, коих я с собою не зову»[32].

Судя по всему, к этому времени полковник уже окончательно определился со своей позицией в новой политической обстановке. После того, как Лжедмитрий II сошёл со сцены, Лисовский вёл жизнь «вольного атамана», то служа Пскову, то действуя независимо и самостоятельно. Сторонники Владислава (а опосредованно и самого короля Сигизмунда) были настроены к нему враждебно, как то видно из

[30] *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском. С. 276.

[31] Там же.

[32] Korrespondencyje Jana Karola Chodkiewicza. Warszawa, 1875. S. 85.

действий Салтыкова. Но обосновавшись в Воронече Лисовский уже «удерживает его для польского короля», а к лету 1611 г. уже несомненно находится в одном лагере с Салтыковым и Валуевым, поддерживая Ходкевича и ведя борьбу со сторонниками нового самозванца, шведами и противниками Владислава – «русскими ворами».

Несмотря на ожидания Ходкевича, полковник не присоединился к нему в походе к Москве, сославшись на то, «что легкоконных воинов он не может набрать», и что король приказал ему «внимательно следить за Псковом»[33]. Поэтому Лисовский и во второй половине 1611 г. по-прежнему сидел в Воронече вместе со своими старыми вояками и новичками из числа иноземцев-дезертиров. Некоторые из них, правда, покинули нового командира: «Того же лѣта отошли Нѣмцы от Олисовского за рубеж в Литву»[34]. Сохранились рекомендательные письма на имя сэра Роберта Сесила, которые Лисовский выдал 10 августа 1611 г. двум англичанам, Джону Сэнфорду и Томасу Личфилду, решившим вернуться на родину. Полковник писал, что убедил их обоих перейти к нему со шведской службы и в рядах его войск они действовали достойно и мужественно[35].

Расставшись с иностранцами и пополнив свой отряд поляками, полковник не бездействовал и наиболее выдающимся его достижением в этот период стало взятие Красного. В августе 1611 г. «Олисовскои Краснои взял, а казаковъ побил многих». Здесь был пленён воевода Иван Ресницын, которого Лисовский отослал в лагерь Сигизмунда III в сопровождении своего брата Яна, «который во всех походах товарищем ему был».

Тем временем шведы продолжали осаду Пскова. Фельдмаршал Эверт Горн 8 (18) сентября «искрадом вышибе ворота пинардою Взвоские на Великую рѣку», однако горожанам удалось отразить неожиданный штурм. После этого, ослабив блокаду Пскова, Горн подступил к Гдову, где в тот момент находился Лжедмитрий. Однако казаки, окружив Самозванца, сумели пробиться сквозь ряды осаждающих и бежали в Ивангород. Сам Лжедмитрий был при этом ранен. Однако карьера его на этом не закончилась. Пережив шведскую осаду и налёты *лисовчиков*, псковичи, наконец, сделали свой выбор: «гражане же псковстии, недоумѣющеся, что сотворити, понеже Москва бѣ за литвою, а в Новѣграде нѣмцы, яко окружении отвсюду, и положиша на том, еже призвати к собѣ ложного царя … послаша от всѣх чиновъ людей, бити челом ему, и повинную послаша». Получив приглашение

[33] *Рабинович Я. Н.* Неизвестные страницы из истории Псково-Печерского монастыря и Изборска в Смутное время. С. 51.

[34] Псковские летописи. Вып. 2. С. 276.

[35] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 57; *Borowy W.* Anglicy, Szkocy i Irlandczycy w wojsku polskim Zygmunta III // Studia z dziejów kultury polskiej. Warszawa, 1949. S. 298.

из Пскова, Самозванец недолго медлил. Его не остановила даже шведская осада и 4 (14) декабря 1611 г. он проник в город, «проиде сквозѣ немец». Шведская блокада не уберегла Псков и от *лисовчиков*. В те же декабрьские дни 1611 г. «пришол Олисовскои в нощи изгономъ на слободу стрелецкую возле Мирожи рѣки, и много зла учинил»[36].

Осенью 1611 г. произошло и событие, весьма важное лично для Лисовского. На Сейме, работавшем 26 сентября – 9 ноября, было принято решение о снятии с него инфамии за заслуги в ходе московского похода:

«Взирая на заслуги Александра Юзефа Лисовского, полковника нашего, который нам с немалой отвагой и не щадя здоровья своего служил в час сей экспедиции нашей московской, инфамию, коя была на него инстигатором[37] нашим возложена, vigore hujus Conventus [властью сего Собрания] с него снимаем и оную уничтожаем»[38].

Решение это не вызвало всеобщего восторга. Некоторые местные сеймики, в частности минский, протестовали против принятия такого документа. Тем не менее, он был утверждён и Лисовский получил от короля патент на сбор хоругви в 100 человек (list przypowiedni)[39]. Дело тут явно не могло обойтись без могущественного покровителя и таким, вероятно, выступил гетман Ян Кароль Ходкевич, благодаря стараниям которого, похоже, инфамия и была в своё время объявлена. Такой человек, как Лисовский, был крайне необходим гетману и былые прегрешения не имели уже никакого значения. По сути, Лисовский находился под командованием гетмана уже с конца 1610 г. Ещё в июле 1611 г. Ходкевич писал жене, сообщая о сборе войск: «Лисовский тоже с двумя тысячами людей выступает ко мне, доброй немецкой пехоты будет с тысячу, не считая казаков, который я к себе не приглашал»[40].

---

[36] Псковские летописи. Вып. 2. С. 277; ПСРЛ. Т. 34. С. 259; *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 81; *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1932. T. V. S. 8; Псковская летописная повесть. С. 160.

[37] *Instygator* (от лат. *instigator* подстрекатель) должность в Речи Посполитой со второй пол. XVI в. В обязанности его входило разбирательство и представление Сейму дел о государственной измене, оскорблении величества, казнокрадстве и т.п.

[38] *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 88.

[39] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 57.

[40] Korespondencyje Jana Karola Chodkiewicza. S. 85; слухи о возможном наступлении Лисовского в направлении Москвы распространились, вероятно, довольно широко. Об этом, в частности, писал 27 декабря 1611 г. (6 января 1612 г.) Яну Петру Сапеге ротмистр Э. Стравинский из Боровска: «мы тревожимся по поводу Лисовского, люди которого наступают к Вашей Милости» (o Lisowskiem u nas trwogi którego łud następuje nie wiedzieć ku wmci) (*Тюменцев И. О., Тупикова Н. В.* Сапежинцы и власти первого земского ополчения (по материалам русского архива Яна Сапеги 1610–1611 годов) // Вестник ВолГу. 2007. Серия 4. № 12. С. 149).

Правда, в Шклове Лисовский так и не появился – гетман нашёл ему более уместное применение. Вскоре Ходкевич прямо «велел Лисовскому начать широко по Новгородскому и Старорусскому краям военные действия для устрашения шведов». Повествуя об этом, возмущённый гетманским коварством Юхан Видекинд горестно восклицает: «Так тонка нить, на которой держится людская верность слову, когда мысль о выгоде советует иное!»[41].

Якоб Делагарди, узнав об этом, направил 13 января 1612 г. Ходкевичу возмущённое письмо. Он желал «довести до сведения генерал-фельдмаршала в Польше Ходкевича о буйных нападениях, грабежах и разбоях, чинимых людьми Ходкевича, в особенности же находящимися под командой Лисовского в Новгородском и Старорусском уездах, вопреки заключенному и утвержденному договору»[42]. Ходкевич ответил учтивым и ни к чему не обязывающим посланием. Соперничество между шведами и поляками за русские земли продолжалось и результатом этого становилось опустошение этих земель. Наибольшего успеха на этом поприще Лисовский добился 11 февраля 1612 г., когда ему удалось захватить и разграбить Старую Руссу. Воевода князь Андрей Константинович Шаховской, посаженный сюда шведско-новгородскими властями, не смог оказать *лисовчикам* никакого сопротивления. Лишь после этого погрома в сюда были присланы войска под командованием Матвея Семёновича Львова, которые «в Старой Русе город и на городе острог поставили и около города ров выкопали»[43].

Одному вторжению за другим подвергались и Псковские земли. Зимой 1611–1612 гг. на Псковщину «пришло под Себеж из Литвы 40 000, 7 полковниковъ, Ширяйко и Наливайко и иные и приступали к Себежу». А в апреле 1612 г. *лисовчики* овладели новой, ещё более удобной для них, базой – «Олисовской Заволочье взял, псковской пригород»[44].

Крепость Заволочье была возведена на «литовском рубеже» в 1536 г. Она стояла в верхнем течении реки Великой на острове посреди озера Подцо (ныне Быстрое)[45]. Это была удачно расположенная и практически неприступная пограничная цитадель. Осенью 1579 г. она выдержала приступ со стороны войск короля Стефана Батория. «Крепость эта, будучи окружена со всех сторон большим озером, не представляла никакого доступа к ней, за исключением только одного через мост, – сообщает один из участников этого похода. – Крепость расположена... на озере, которое, не смотря на исток реки Великой и на очень обширное излияние во все стороны, тем не менее, имеет очень широкие

[41] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 222.
[42] Там же. С. 223
[43] *Селин А. А.* Новгородское общество эпохи Смуты (http://nwae. pu. ru/?0–314).
[44] Псковские летописи. Вып. 2. С. 277.
[45] Современный Пустошкинский район Псковской области

воды с востока и запада, так как вытекающая из другого выше расположенного озера река вливается в него с запада, где оно всего уже; оно распространяется не меньше, чем на 300 шагов в ширину»[46].

Засев в стенах Заволочья 200 ратников воеводы В. Ю. Сабурова двадцать дней успешно противостояли 4-тысячному войску гетмана Яна Замойского. Неизвестно, каким образом Лисовскому удалось овладеть этой крепостью, но обосновавшись в замке, который по словам ксендза Ст. Пиотровского, стоял «как утка на озере», полковник обрёл для себя идеальное убежище. Расположенный среди болот, лесов и озёр, замок был отлично укреплён и достаточно вместителен: площадка городища составляет около пяти гектаров, а окружающие его валы в настоящее время достигают высоты десяти метров. Отсюда Лисовский продолжал своими набегами разорять Псковские пригороды и волости: «многие пакости творил во Псковщинѣ з дѣтми боярскими руским и с Литвой, подо всѣ пригороды яко волкъ искрадом хватая и поядая»[47].

Самозванец же, укрепившись в Пскове, старался всячески укрепить и расширить свою власть. Им было отправлено посольство под Москву в таборы Земского ополчения, где казаки объявили о признании Псковского Вора истинным «царём Димитрием». Ему присягнули даже предводители ополчения, Заруцкий и Трубецкой. Один из фаворитов погибшего Тушинского Вора, Иван Плещеев, в апреле 1612 г. отправился в Псков и более месяца изображал из себя верного слугу «царя Димитрия».

Между тем, в самом Пскове влияние Самозванца стремительно падало. Лжедмитрий, «поживши там несколько времени, стал очень нахален, при всех позорил жен и дочерей, делал много других своевольств и злодейств. Псковитянам стало ясно, что под его правлением они скорее потерпят вред, обнищают и погибнут, нежели найдут свое счастье»[48]. Недовольство горожан вызывало и отсутствие успехов в борьбе с Лисовским. Псковский самозванец «выслал несколько конных отрядов против Лисовского, который стоял настороже, заняв на окраине несколько укрепленных мест. Они сражались неудачно, были разбиты и, вернувшись со срамом, все больше и больше позорили своего Димитрия». В итоге псковичи, которые уже выражали недовольство Лжедмитрием «из-за податей, его начинали ненавидеть за распутство и грабежи, да сверх того стали презирать за неудачи»[49]. Падение Заволочья в апреле 1612 г. стало последней каплей, переполнившей

[46] *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне. СПб., 1889. С. 148, 151.
[47] Псковские летописи. Вып. 2. С. 277.
[48] *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском. С. 362.
[49] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 242.

чашу терпения псковичей. Таким образом, одной из причин падения «псковского вора» можно считать и действия Лисовского.

Почуяв неладное, Самозванец бежал из Пскова 18 (28) мая 1612 г. Он намеревался выехать из города под предлогом посещения недавно захваченного его казаками Порхова. Однако псковичи, заподозрив неладное, «отрезали ему всякую возможность уехать торжественно, по-великокняжески, со скарбом и глухою ночью ворвались к нему в дом. Он бросился бежать и, едва успев выскочить дверь, в одном плаще и без шапки, в сопровождении немногих казаков понесся на коне без седла и убранства неведомо куда... Не зная дороги, не владея собой и не соображая, куда повернуть, он миновал Порхов и бросился прямо к Гдову, но там был покинут своими, схвачен псковской конницей, привязан к коню железными путами и, являя позорное зрелище, был отведен обратно»[50].

Вскоре после этого, 1 (11) июня, Псковского Вора под стражей отправили в Москву. Однако дороги караулили *лисовчики* и ни один обоз не мог ускользнуть от их внимания: «И на дороге приходил на них Олисовской и сполох имъ учинил великъ и розгналъ ихъ розно, и тут убиша Подъеферу игумена снятогорского и иных»[51].

Согласно русским источникам и сведениям Петра Петрея, самозванца всё же довезли до Москвы, где он «довольно долго сидел... у ворот Кремля, прикованный к большой цепи» и, в конце концов, был повешен. Однако Юхан Видекинд утверждает, что Лжедмитрий до Москвы не доехал и был убит в пути своими сопровождающими: «когда Димитрий, соскочив с коня, велел укрепить седло и снова сел, стоявший рядом боярин, а за ним вслед и другой ранят его в бок быстрым ударом копья. Накинув петлю на шею, его стаскивают с коня, и он умирает. Казаки, подняв крик, требуют, чтобы тут же были перебиты и его польские приспешники, но те, услышав, скрываются в лесу, бегут и, добравшись, наконец, невредимыми в Порхов и Новгород, приносят известие об этой трагедии»[52]. Мнение Видекинда было поддержано и Н. И. Костомаровым, который связал его рассказ с летописным упоминанием о нападении Лисовского, предположив, что целью этого нападения было освобождение самозванца[53]. Однако Лисовский был совершенно не заинтересован в освобождении «псковского вора», против которого он беспрерывно воевал с самого момента его появления. Нападение могло быть просто результатом очередного грабительского рейда *лисовчиков* по Псковщине.

---

[50] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 242–243.

[51] Псковские летописи. Вып. 2. С. 277.

[52] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 243.

[53] *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства. С. 738.

Между тем события Смутного времени ускоряли свой ход. В октябре 1612 г. Земское ополчение Д. М. Пожарского и К. З. Минина овладело Москвой. Власть перешла в руки Совета Всей Земли. Началась подготовка к избранию нового царя, что завершилось в феврале 1613 г. коронацией Михаила Фёдоровича Романова.

Всё это время Лисовский продолжал «удерживать для польского короля» Заволочье, занимаясь набегами на территории, контролируемые шведами и русскими. Явившись по весне под Псков, он простоял у города целую неделю, но вынужден был ничего не добившись отступить обратно в Заволочье.

По ходатайству гетмана Ходкевича, на Сейме, работавшем 28 февраля – 3 апреля 1613 г., было принято решение выделить на оборону Заволочья, где укрепился Лисовский, и Невеля, где сидел Григорий Валуев, сначала 8368, а затем и 23 тыс. злотых. Это было больше, чем сумма, назначенная для гарнизона Смоленска, крепости куда более важной – всего 22 922 злотых. В своём письме Сигизмунду III от 22 мая 1613 г. гетман выражал уверенность в огромной выгоде, которую получит король от службы Лисовского, если тот получит эти средства[54].

Однако, солдаты Лисовского так и не увидели предназначенных им денег – их перехватили в Полоцке войска, давно ожидавшие жалованья за службу в Инфлянтах. В итоге, несмотря на все усилия Лисовского, в июне от него откололась и ушла в Брест казацкая хоругвь. Взамен казаков, правда, в ряды его воинства вскоре прибыл отряд из 60 иностранных наёмников, которых направил в Заволочье референдарий литовский Александр Госевский. Но практичные «немцы» согласились служить без выплаты обещанного жалованья только «до Св. Петра», то есть 1 августа. Лисовский лично ездил в Полоцк за деньгами, но безрезультатно и 19 июня 1613 г. он писал из Заволочья канцлеру Льву Сапеге: «Ясновельможный милостивый пан канцлер, пан мой добродетель! По приказанию Вашей Милости милостивого пана моего, приехал я в Полоцк, но ничего не достиг, ибо не застал слуги Вашей Милости Осиповского и солдат, что деньги мои арестовали. Приехавши оттуда в Заволочье имел великие неприятности с людьми, ибо прибыл к оным ни с чем, а хоть бы и доставил те несколько тысяч, что Ваша Милость приказа мне выдать, то и сие бы их не удовлетворило. Прошу милостивого пана скорее приказать им всю сумму денег выдать, ибо едва не кровью добился от них согласия четыре недели подождать»[55].

Возможно, именно уход наёмников и общее ослабление гарнизона привело Лисовского к катастрофе, положившей конец его полунеза-

[54] Korrespondencyje Jana Karola Chodkiewicza. S. 177.

[55] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 59–62; Materialy do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1932. T. V. S. 101.

висимому существованию на польско-шведско-русском пограничье. В начале июля 1613 г., когда сам полковник отсутствовал в крепости, русские войска из Опочки и Себежа внезапным ударом захватили Заволочье. Псковский летописец сообщает: «казаки себежские и опочецкие всякие люди взяша Заволочье у Олисовского и много суконъ, и город сожгли, и дѣтеи боярских Андрѣя Квашнина и прочих прислаша во Псков, а онѣ служили с Олисовскимъ вмѣсте, и Литву побиша»[56].

Более подробно о взятии Заволочья сообщается в послании от 11 (21) июля 1613 г., отправленном Г. Л. Валуевым из Невеля к референдарию литовскому А. Гонсевскому. В нём говорится, что Лисовский выступил из Заволочья «осмотреться» (то есть в очередной набег), взяв с собой «польских и литовских людей, и дворян, и детей боярских». В крепости оставались лишь «невеликие люди». И тогда в ночь на 9 (19) июля сюда пришли «воры» из Себежа и Опочки, которые «замок Заволочье взятием взяли и, взявши замок, польских и литовских и русских людей, дворян и детей боярских, и их отцов, матерей, жён и детей, и крестьян побили от мала до велика, и замок спалили». Уцелевших победители увели с собой в Опочку, но в трёх верстах от Заволочья, перейдя реку, перебили их всех. Лишь немногим удалось спастись, убежав в лес. Когда они смогли добраться до Невеля, то у них «едва душа в теле держалась»[57].

В руках победителей оказалось всё достояние Лисовского, вся его добыча, награбленная в ходе многочисленных набегов, все запасы вооружения и снаряжения. Вспоминая об этом, Лисовский жаловался Ходкевичу, что это нападение оставило его «едва не пешим».

Оказавшись в таком трудном положении, Лисовский направился к Пскову, находившемуся тогда в шведской блокаде. Пройдя сквозь шведские посты, он встретился воеводой князем Иваном Фёдоровичем Хованским и заключил с ним личное перемирие, договорившись о безопасности псковско-полоцкого порубежья. Соглашение было под-

[56] Псковские летописи. Вып. 2. С. 277–278.

[57] СбРИО. Т. 142. С. 421. А. В. Малов ошибочно относит захват Заволочья Лисовским к 1610/11 г. и столь же ошибочно полагает, будто лисовчиков из Заволочья выбил Г. Л. Валуев, воспользовавшись отъездом Лисовского «по случаю его амнистии… в Польшу на сейм» (*Малов А. В.* Борьба за Невель в конце Смуты // Ukraina Lithuanica. Киев, 2009. Т. I. С. 67, 71). Это противоречит данным Псковской летописи и содержанию послания Валуева к Гонсевскому. Из последнего видно, что в июле 1613 г. невельский воевода ещё полностью поддерживал «hospodara nassego cara y w-o k. Wladzisława Zygmuntowicza wssytkiey Rusi». В этом же письме Валуев сообщает как свежую новость, что «невляне были в Торопцу для торгу и мне брат жены моей рассказал тайно, что из Москвы пришли вести, будто Михайло Филаретов сын венчался царским венцом на Петров день» (СбРИО. Т. 142. С. 421). О причине же отсутствия Лисовского в Заволочье Валуев говорит следующее: «Alexander Iwanowicz Lisowski possedł na czatę».

писано 20 (30) августа 1613 г. Для переговоров с Лисовским и его новым «есаулом» Иваном Копанским воевода направил дьяка Ивана Никитича Сорочнева, подъячего Фёдора Голощапова и посадских людей Анания Тарасьева, Киприяна Борысова, Ждана Серебреника и Ивана Сомру. В результате встречи был утверждён и скреплён крестным целованием мирный договор. Согласно его условиям, русские ратные люди из Пскова и его пригородов (Себежа, Опочки, Острова, Изборска, Гдова и Печерского монастыря) обязывались не совершать набегов под Полоцк, Велиж, Витебск и «подъ иные Полоцкие пригороды». Захваченных в ходе прежних столкновений пленников следовало передать Лисовскому. В свою очередь тот обязывался также вернуть пленников, не приходить больше войной на Псковскую землю и давал такое же обязательство от имени жителей Полоцкой земли. Кроме того, он обещал «войны, и задоров, и грабежовъ, и убивъства никаким... рускимъ людемъ не чынити, и в господара нашого земьлю за Невъль не въступатца, и Немецкимъ людемъ и господара нашого изменником не помогати». Нарушителей перемирия стороны обязывались «сыскивати и наказанье им чынити, смотра по их винамъ, а грабежъной жывотъ отдавати темъ людемъ, у ково что возмут». Торговым людям гарантировался свободный проезд повсюду: «со всякими товары ездити поволно безо всякое зацепки»[58].

В этой ситуации особый интерес представляет тот факт, что Лисовский в данном соглашении выступает в качестве представителя всей Полоцкой земли, беря на себя ответственность и за соблюдение перемирия, и за наказание нарушителей договора, и даже за свободное передвижение купцов. Несомненно, население Полоцкого края было измучено порубежной войной не менее, чем псковичи, а в Лисовском и его людях видело не только своего защитника, но и надежного гаранта соблюдения условий мира. Это заставляет взглянуть на полковника с совершенно иной точки зрения – ведь обычно псковский период его жизни и деятельности рассматривался просто как бесконечная цепь малоосмысленных грабежей и разбоев. Между тем, как показывают обстоятельства заключения перемирия, и псковичи, и полочане смотрели на него, как на фигуру, способную не только успешно воевать, но и не менее успешно поддерживать мир и порядок на беспокойном порубежье. Да и подробности разгрома Заволочья показывают, что это было не столько «разбойничье гнездо», сколько некое подобие феодального замка, где полковник обитал в окружении своих соратников вместе с их семьями и крестьянами. Видимо, отнюдь не случайно, что, оказавшись временно не у дел, Лисовский принял предложение

[58] СбРИО. Т. 142. С. 422–424; *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. S. 12–13.

полоцкой шляхты и вступил в должность поветового ротмистра. Это назначение было утверждено и самим королём в его письме к гетману Ходкевичу от 28 декабря[59].

Впрочем, пребывание Лисовского на этом посту было недолгим. Следующие сведения о нём относятся уже к апрелю 1614 г., когда он по приказанию Яна Кароля Ходкевича вместе со старостой оршанским Александром Сапегой выступает к Смоленску[60]. С обоими были «невеликие горсточки людей». Наступает последний этап в бурной биографии Лисовского.

[59] *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. S. 13.

[60] Известия об этом имеются и в Псковской летописи, которая сообщает: «тое же весны (7122 года) приходил Олисовскои подо Псков миритися, и замирил Полоцко, чтобы псковскимъ ратнымъ туде не воевати, и поцеловал крестъ и прочь пошол, и пошол под Смоленск с кормомъ Литвы» (Псковские летописи. Вып. 2. С. 278).

ГЛАВА 8

СОЛДАТ

Бои под Смоленском 1614 г.

Стремясь вернуть утраченные в годы Смуты владения, правительство нового царя Михаила Фёдоровича Романова летом 1613 г. направило войска в Северскую землю и под Смоленск. Армия под командованием князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, Михаила Матвеевича Бутурлина и дьяка Афанасия Царевского заняла Вязьму и Дорогобуж, осадила Белую. Гарнизон отразил приступ и предпринял удачную вылазку. В ходе битвы русские войска потеряли четыре знамени, а воевода Бутурлин был тяжело ранен. Его заменил князь Иван Фёдорович Троекуров. В августе 1613 г. после упорных боёв капитан-ирландец, командир роты иностранных наёмников, «сослахуся с воеводами» и открыл им ворота крепости, после чего «литовскихъ людей многихъ побиша, а иныхъ поимаху». Затем войска Черкасского и Троекурова двинулись на Смоленск, где «тѣсноту дѣлаша литовскимъ людемъ великую и Литовскую землю воеваху: городы многіе, посады и уѣзды. Въ Смоленску жъ Литовскія люди едва отсидѣхуся»[1].

Гарнизон Смоленска находился под руководством опытного солдата, ротмистра королевской службы Ежи Щуцкого, однако не представлял собой мощной военной силы. Если в апреле 1613 г. здесь находилось около 2 тыс. солдат, то к маю из-за неуплаты жалованья осталось всего 150 иноземных наёмников и 100 человек польской пехоты. Угроза со стороны русских войск заставила увеличить гарнизон до 600 человек, причём немалую часть составляли иноземные наёмники[2]. Их верность, как показали события в Белой, была весьма сомнительной, тем более, что жалованье войскам регулярно задерживалось. Но глав-

[1] ПСРЛ. Т. 14. С. 131–132.

[2] *Tyszkowski K.* Wojna o Smoleńsk 1613–1615 // Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Lwów, 1932. T. 8. Z. 3. S. 79.

ной проблемой для осаждённых была нехватка фуража и продовольствия. В инструкции, данной смоленским послам на Съезд Великого княжества Литовского в августе 1614 г., говорилось: «Когда мы забирали Смоленск, тут были кони, собаки, кошки, а ныне и сего не стало»[3].

Получить действенную помощь смоленский гарнизон мог от войск, стоявших в Орше. Здесь располагались роты Альбрехта Радзивилла, воеводы смоленского Миколая Глебовича, Платемберка, каштеляна новогрудского Самуэля Волловича, старосты парнавского Януша Кишки, а также Фабиана и Павла Руцких, Корсака, Зборовского и Тупальского. Но все они находились на грани бунта из-за невыплаты жалованья и 4 февраля 1614 г. направили своих послов к подскарбию Волловичу с требованием срочного погашения долга[4]. Гетман мог также рассчитывать на поддержку казачьих ватаг атаманов Наливайко и Фастовца, однако этого явно было недостаточно для противодействия мощной русской армии.

Между тем зимой 1613–1614 гг. давление русских войск усилилось. В поход были направлены новые силы. Удерживая Смоленск в осаде, Черкасский и Троекуров совершали глубокие рейды вглубь вражеской территории: выжгли деревни вокруг Шклова и Копыси, Гомия и Кричева, а 5 февраля 1614 г. штурмовали Дубровну. Попытка же смоленского гарнизона прорвать кольцо блокады была отражена с ощутимыми потерями: «на Ѳедоровѣ де недѣлѣ въ пятницу выходили изъ города изъ Смоленска литовскіе люди на Печерскую гору на острожокъ, гдѣ стоитъ Савелій Языковъ, и былъ с ними бой, и ихъ побили многихъ и языки поимали, а острожку шкоты никоторыя не учинили, а говорят де языки, что у смоленскихъ сидѣлцовъ Шутцкой просилъ сроку до Велика дня, а на Великъ день не будетъ выручки и они хотятъ идти изъ Смоленска вонъ, потому что запасовъ у них мало»[5].

Перед лицом реальной опасности сдачи Смоленска, гетман Ходкевич спешно накапливал силы для нанесения ответного удара. Было объявлено посполитое рушение. Захваченный сибирскими татарами из русского войска оршанский шляхтич Семён Судовский под пыткой сообщил: «во Мстиславлѣ нынѣ подкоморье Селицкой, а съ нимъ шляхты съ тысячу человѣкъ да черкасъ Наливайкова полку пятьсотъ человѣкъ, мещанъ семьсотъ человѣкъ... гетманъ Хоткѣевъ въ Оршѣ сбирается с людми, хочетъ идти подъ Смоленскъ, а сбираетъ сапежинцовъ и даётъ гроши... гетманъ Хоткѣевъ лифлянскому войску гроши заслуженные хочетъ платить... а давъ гроши, хочетъ итить въ Смоленскъ, а всего

[3] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 64.
[4] *Tyszkowski K.* Wojna o Smoleńsk 1613–1615. S. 130.
[5] АМГ. Т. I. С. 99.

лифлянского войска 1000 человѣкъ»[6]. Во главе предстоящего похода и должны были стать Александр Лисовский и Александр Сапега. Перед их отрядами стояла задача поддержать гарнизон продовольствием и ослабить давление на него со стороны осаждающих.

Как сообщил попавший в русский плен ротмистр Станислав Боушевский, король передал Сапеге и Лисовскому деньги для выплаты жалованья «смоленским сидельцам» – 25 000 злотых, однако Сапега «проигралъ зернью тѣхъ золотыхъ 2 000, да Лисовскому далъ 3 000». Согласно же приказу гетмана Ходкевича, деблокирующие силы должны были оттянуть на себя войска осаждающих и тем самым дать возможность ротмистру Вишелю доставить в Смоленск запасы провизии – «провезть живность водою из Орши, а въ Оршѣ де приготовлено семь судовъ да для провожанья приготовлено 300 человѣкъ мужиковъ с посадов да съ уѣздовъ»[7].

Пробиться в Смоленск было непросто. Российское командование бдительно следило за перемещениями опасного полковника. 26 марта (6 апреля) 1614 г. Иван Еропкин из Малевского острожка под Смоленском сообщал, что пленные литвины Степанка Тимофеев и Алёшка Сидоров рассказали о планах Ходкевича: «гетманъ Хоткѣев въ Оршѣ, а Глѣбовичъ въ Дубровнѣ, а сбираются съ людми, а хотятъ идти подъ Смоленскъ, а напередъ … себя отпускаютъ нынѣ гетманъ Лисовского съ черкасы, которые съ нимъ пришли, да Наливайкова полку пятьсотъ человѣкъ, которые остались во Мстиславском уѣзде, и Оршанского, и Дубровенского, и Мстиславского повѣтовъ шляхту и гайдуковъ и съ купцы и съ запасы въ Смоленскъ, чтобы ему… пройти обманомъ промежъ острожковъ». О намерениях самого Лисовского пленники поведали следующее: «А тому недели съ три пріѣзжалъ изъ Орши Лисовской къ тестю своему Глѣбовичу [в Дубровну], а съ нимъ семьсотъ человѣкъ казаковъ, и слышалъ онъ у казаковъ, которые пріѣзжали съ Лисовскимъ, хочетъ Лисовский собраться съ людьми нынѣ и приходить на острожки. А будетъ его отъ острожковъ отобьютъ, онъ хочетъ идти, покиня острожки, промежъ острожков идти въ Смоленскъ, а людей въ сборе три тысячи человѣкъ, а ныне онъ со всеми людьми в Оршѣ … А съ Лисовскимъ до просухи гетманъ Хоткѣевъ идти не хочетъ, а хотятъ они, собравъ охочихъ людей, отпустить подъ острожки или промежъ острожковъ, чтобъ ему пройти в Смоленскъ, а сбираетъ в деревняхъ мужиковъ, чтобы идти крѣпкими месты и просекать засѣки»[8].

К порубежным острожкам тотчас были высланы летучие отряды татарской конницы, сообщившие, что «Лисовской съ людьми и съ за-

[6] Там же.
[7] Там же. С. 125.
[8] Там же. С. 113–114.

пасы идёт тотчасъ, а съ нимъ идётъ... [людей] тысячи съ три». После этого воевода стольник князь Иван Фёдорович Троекуров «послѣ Благовѣщеньева дни въ недѣлю пошёлъ изъ подъ Смоленска на рубежъ по Дубровенской и по Молоховской дороге отъ Смоленска вёрстъ 70, отъ Орши то жъ... А какъ князь Иванъ Троекуров пришёлъ на рубежъ, и гетманъ и Лисовской, услыша князя Ивана приходъ, воротились назадъ в Оршу»[9]. В поход И.Ф. Троекуров вывел крупные силы: «дворянъ изъ городовъ да дѣтей боярскихъ розныхъ же городовъ с головами 10 сотенъ да съ атаманы 12 станицъ казаковъ да татаръ три городы: Темниковскіе, Касимовскіе, Кадомскіе». Чтобы остановить продвижение неприятеля, И. Ф. Троекуров, действуя по методике, отработанной ещё М. В. Скопиным-Шуйским, приказал выстроить на подступах к Смоленску цепь острожков: «а для приходу де Литовскихъ людей поставлено въ порубежныхъ мѣстѣхъ 4 острожки и сидятъ де въ тѣхъ острожкахъ головы съ казаки, а острогъ де отъ острога поставленъ в четырёхъ и пяти верстахъ»[10]. Сюда были переведены гарнизоны острожков, которые до этого располагались в 30 верстах от города. Непосредственно под Смоленском наиболее мощным укреплением были ставка воеводы стольника князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, которая находилась в Духовском монастыре, и острог на Печерской горе, где находился гарнизон под командованием Савелия Языкова.

Воспользовавшись уходом войск Троекурова, осаждённые предприняли 2 (12) апреля крупную вылазку и попытались пробить кольцо блокады: «выходили изъ города изъ Смоленска и къ Печерскому острожку приступали жестокими приступы во Великъ день и наши ратные люди польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей отъ острогу отбили и многихъ побили, и языки, и знамёна, и щиты поимали»[11].

Едва Лисовский вернулся в Оршу, как сюда же прибыл гайдук, сумевший пробраться из Смоленска и доставивший грамоты с просьбой о помощи. В ответ на это Ходкевич велел показать гонцу все свои силы и спросил, возможно ли с их помощью снять осаду. «И гайдукъ де гетману, видя его людей, сказалъ, что ему с тѣми людми къ Смоленску идти не съ кѣмъ, а под Смоленскомъ стоятъ государевы многіе люди»[12].

После неудачной вылазки и провала наступления Сапеги и Лисовского, положение осаждённого Смоленска стало критическим. Отпущенные из города русские пленники сообщали, что «в Смоленску хлѣбъ дорогъ, селдовую бочку купятъ въ шестьдесятъ золотыхъ, а купятъ де тотъ хлѣбъ въ Смоленску таемъ у однихъ у русскихъ людей, а у

[9] АМГ. Т. I. С. 118.
[10] Там же. С. 120.
[11] Там же. С. 126.
[12] Там же. С. 119.

Литовскихъ де у лучшихъ людей у шляхты всякаго запасу по невелику, а кормятся больше тѣмъ, у которыхъ лошади побиты, а у гайдуков де немец запасу никакого нѣтъ и многіе де изъ нихъ опухли и помираютъ съ голоду, а тому де третья недѣля убѣжали изъ Смоленска гайдуковъ отъ голода съ 150 человѣкъ». После неудачного боя под Печерским острожком «все городовые сидельцы опроче русских» приходили толпой к Щуцкому и заявляли, что не намерены повторить судьбу московского гарнизона и «головы свои покласть такъ же, какъ и Струсь на Москвѣ всё рыцарство погубилъ». С трудом комендант уговорил их подождать «до вторника на Свѣтлой недѣлѣ»[13].

Между тем была предпринята новая попытка прорыва. Сам гетман в эти дни выехал в Кретингу на похороны своего единственного сына, оставив необходимые приказы и распоряжения. Командование деблокирующим отрядом было поручено оршанскому старосте Александру Сапеге, Юрию Чеклинскому и Александру Юзефу Лисовскому. В ночь на 28 апреля (8 мая) Лисовский попытался прорваться к Смоленску и атаковал Кадин острожек в 60 верстах от города: «а всѣхъ ихъ де подъ тотъ острожекъ с тѣмъ полковником пришло три тысячи человѣкъ гусаръ сбруйныхъ копейныхъ людей гетманского Хоткѣева полку, с Чеклинскимъ рота, а в ней 235 человѣкъ, пана Велинского рота сто человѣкъ, Оршанского старосты Александра Сапѣги рота сто человѣкъ, да Лисовского Александра 2 роты, а в них 200 человѣкъ, да пятигорцевъ копейныхъ же безсбруйныхъ съ Лисовскимъ 300 человѣкъ, да съ Соколовскимъ 200 человѣкъ, да Лисовского жъ казаковъ поляковъ 200 человѣкъ, да гетманских Хоткѣева казаковъ 200 человѣкъ, да запорожскихъ казаковъ конныхъ Наливайкова полку съ Сакулскимъ 200 человѣкъ, да съ полковником съ Асалаемъ 300 человѣкъ, да съ Соломою 50 человѣкъ, да Захарьяша Заруцкого 150 человѣкъ, да съ полковником же съ Комысою конныхъ 40 человѣкъ да пѣшихъ мужиковъ съ нимъ же 30 человѣкъ, да гетманского полку пѣшихъ людей да Виленского пана Еронима Хоткѣева гайдуковъ 200 человѣкъ, да мужиковъ съ Горъ 300 человѣкъ... а наряду де съ ними двѣ пушки полковыхъ». Однако защитники острожка отразили приступ и на вылазке даже захватили пленников, которые и сообщили им эти ценные сведения[14].

Таким образом, силы деблокирующего отряда составляли 5705 человек из которых 700 находились под непосредственным командованием Лисовского. Все они представляли собой лёгкую конницу. Главной же ударной силой, несомненно, являлись тяжёлые панцирные гусары из гетманского полка. Располагая довольно мощным, преимущественно кавалерийским, формированием, Лисовский и Сапега должны были

[13] Там же. С. 121.
[14] Там же. С. 122–125.

провести в осаждённый Смоленск «живность» (скот для продовольствия войск). При этом они, однако, не намеревались сами садиться в осаду, опасаясь участи московского гарнизона: «блюдутся того, что надъ их братьею сталось въ осаде на Москвѣ».

Воодушевлённые достигнутым успехом, русские войска стали активнее совершать набеги на территорию противника. Гарнизон Василевского острога 17 (27) мая успешно разорил окрестности Дубровны, а отряды князя Алексея Михайловича Львова и Порфирия Ивановича Секирина в то же время опустошили местность у Мстиславля и Кричева. Опасность с их стороны казалась настолько серьёзной, что против них был выдвинут полк Лисовского[15]. Подробности боёв, происходивших в мае-июне, к сожалению, неизвестны. Результатом же их, повидимому, было отражение русских контратак и организация новой попытки прорыва блокады Смоленска.

Эта попытка, предпринятая в начале июля, оказалась удачной. Произошло это, по словам летописца, «грѣх же ради нашихъ, чему Богу не повелѣвшу быти, въ рати стало волненіе великое, и не по совѣту князь Дмитрея Мамстрюкович пойдоша исъ подъ Смоленескъ и острожки всѣ покинуша и засѣки. Литовскіе жъ люди поидоша з запасы подъ Смоленескъ и запасы многіе пропустиша. Князь Дмитрей же съ товарыщи посла къ рубежу голову Михаила Новосильцова да Якова Тухачевского и повелѣ им поставити острогъ въ крѣпком мѣстѣ. Они же съ пьяна пришедъ и поставиша острогъ съ неразумія не въ крѣпкомъ мѣстѣ. И Литовскіе жъ люди побиша ихъ на голову, убиша болши двою тысещъ. Сами жъ утекоша подъ Смоленескъ не съ великими людми. Смоленескъ же съ тоѣ поры укрѣпися»[16].

Таким образом, 1 (11) июля продовольствие было успешно доставлено, а попытки осаждающих помешать этому – сломлены. В Смоленск для усиления гарнизона вошли три хоругви: каштеляна виленского Иеронима Ходкевича, воеводы смоленского Миколая Глебовича (под командованием поручика Яроша Выжиковского) и Токарского. Ходя блокада продолжалась и дальше, непосредственная угроза со стороны русской армии была устранена. Лисовский же, как и планировал, не остался в стенах Смоленска. Он увёл своих людей под Кричев и занялся борьбой с такими же подвижными отрядами русских войск и нападениями на приграничные острожки, выстроенные Троекуровым. В итоге ему действительно удалось открыть доступ к Смоленску. «Острожки сама москва порушила кроме одного на… который дольше прочих удерживала, но пан Лисовский явился и выбил из него москву,

[15] *Пшэпюрка А. Г.* Дзеянні войскаў ВКЛ пад Смаленскам у 1614 г. // Беларускі гістарычны агляд. Т. 15. 2008. С. 143.

[16] ПСРЛ. Т. 14. С. 134–135.

так что ныне безопасно до самого Смоленска», – писал 2 (12) июля 1614 г. из Шклова гетману Александр Ходкевич. В том же письме он просил выделить Лисовскому дополнительные силы, чтобы «не так смело москва под Смоленск подходила»[17]. Похоже, что в этом послании говорится о том же самом событии, что и в тексте «Нового летописца» – о разгроме острожка Новосильцова и Тухачевского.

Действуя в окрестностях Смоленска, Лисовский не изменял сложившимся привычкам. Результатом стало появление осенью 1614 г. в канцелярии Ходкевича многочисленных жалоб на полковника и повесток в суд. Гетман, впрочем, не придавал им большого значения, а Лисовский, похоже, и вовсе их не замечал. Он возобновил старые связи своей семьи и принимал в гостях Януша Кишку, представителя одного из виднейших родов Литвы. Ходкевич даже начинает ходатайствовать о пожаловании полковнику нескольких деревень, оставшихся без владельца после смерти подкомория мстиславского Тимофея Селецкого.

Любопытно, что в то время, как Лисовский прорывал блокаду Смоленска, невельский воевода князь Семён Гагарин со слов лазутчиков и перебежчиков направлял в Москву совершенно иные сведения о действиях и намерениях знаменитого полковника. Опираясь на его известия, 15 (25) апреля 1614 г. от имени царя Михаила Фёдоровича воеводам, действующим на литовском рубеже, была разослана грамота, содержавшая предостережение относительно планов Лисовского: «Писалъ къ намъ съ Невля воевода нашъ князь Семёнъ Гагаринъ вѣсти про литовских людей по выходцовой и по лазутчиковой сказкѣ, на сеймѣ де у короля приговорили… Лисовскому приходить изгономъ под Торопецъ, и подъ Невль, подъ Опочку, и подъ Себежъ и подо Псковъ и во всѣ украйные города, а будетъ де онъ городовъ изгономъ не украдетъ, и ему идти в замосковные городы, чтобы Московскія дороги отнять. Да Лисовскому жъ приговорили Московское государство воевать и крестьянъ побивать до сущихъ младенцевъ»[18].

Интересно, что район предполагаемых действий Лисовского практически полностью совпадал с теми областями, где он уже действовал в минувшие годы, – Псковщина и Замосковье. Но, как и прежде, никто не смог предсказать появления полковника под Смоленском и на Северщине, а тем более размах нового рейда, предпринятого им в следующем году.

---

[17] *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. S. 15; *Пшэпюрка А. Г.* Дзеянні войскаў ВКЛ пад Смаленскам у 1614 г. С. 143.

[18] АМГ Т. I. С. 109.

ГЛАВА 9

ВЕЛИКИЙ РЕЙД 1615 г.

Численность полка лисовчиков, его состав, Орловская битва и противостояние Лисовского с Д. М. Пожарским

На исходе года Лисовский прибывает в Могилёв в ставку гетмана Ходкевича для обсуждения возможности глубокого рейда в «московские пределы», чтобы отвлечь силы противника и ослабить давление на Смоленск[1]. О «забавах своих» в ходе похода сам Лисовский поведал позднее в письме на имя канцлера литовского Льва Сапеги[2].

Принятое гетманом решение Лисовский обнародовал 2 (12) января 1615 г. в Могилёве особым универсалом: «Всем и каждому, кому о том ведать надлежит, да будет ведомо: ясновельможный пан Ян Кароль Ходкевич ... уряжая своевольные скопища людей, без службы пребывающих из владений Его Королевского Величества Великого Княжества Литовского, взирая при том, что в столь тяжком недостатке казны и в столь полные опасности времена, иначе, как грабежом, наездами, захватами и прочими распущенными эксцессами обеспечить себя оные не могли, поручить мне решил по власти своей гетманской урядить и вывести их каким-либо способом и предлогом за границу в землю неприятельскую до Москвы, не вступая однако ни в какие службы и наймы, которые Речи Посполитой бременем бы обернулись»[3].

Было объявлено, что в полку Лисовского служить будут без жалованья, только за долю в добыче. В итоге, как сообщает Генрик Виснер, под его началом собралось 600 человек, которых он разделил на шесть

---

[1] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 65.

[2] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1938. T. X. S. 250–255.

[3] Materialy do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1932. T. V. S. 101–102.

хоругвей[4]. Сам Лисовский, однако, утверждает, что когда он «во имя господне выступил под Брянск», с ним было всего 430 человек, и лишь позднее, уже в ходе осады Брянска, к нему присоединилось «люду нашего хоругви две с которых прибытием стало нас 800 человек». При этом полковник не упустил случая пожаловаться на козни некоего Калиновского, который распустил большую часть войск, заявляя, что должен был идти с ними не дальше Смоленска[5].

В состав полка Лисовского помимо поляков входили также «немцы» (иностранные наёмники), татары и казаки (в том числе и донские). Группа «немцев» состояла всего из 15 ирландцев, успевших за последние годы послужить под всеми знамёнами. По словам одного из них, «нѣмчина Ирлянскіе земли» Варнавы Килеварта, вначале он служил в конном отряде в «Свейской землѣ», затем оказался в польско-литовском гарнизоне Белой. Когда крепость сдалась русским войскам, он вместе со всей ротой капитана Томаса Юста перешёл на царскую службу и в составе войск князя Д.М. Черкасского отправился под Смоленск. Тут его с группой товарищей отправили «для прокормленья на приставство, отъ Смоленска верстъ съ полтретьятцать, в деревню». Но вскоре, как выяснилось позднее, «пропився и проигрався зернью», ирландцы бежали в Смоленск. По утверждению Килеварта, он и его сотоварищ Донох были уведены туда дезертирами насильно под страхом смерти. В том можно усомниться, учитывая, что эти показания он давал уже русскому командованию, повторно выехав «на государево имя». В Смоленске ирландцы пробыли всего пять дней, после чего завербовались в отряд Лисовского и выступили с ним в поход. Зная, что при Варнаве Килеварте имелись «человѣкъ да лошадь», можно предположить, что слуги сопровождали и его товарищей. Таким образом, первоначальная общая численность «немецкого» отряда будет составлять около 30 человек[6].

Со слов Варнавы Килеварта известны также подробности подготовки Лисовского к походу и условия службы в его отряде. Наёмник сообщает, что ещё в прошлом году «послѣ Рождества Христова, прислалъ де король къ Лисовскому грамоту, а велѣлъ ему собрати воин-

[4] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 65.

[5] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 251; *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. S. 14; Materialy do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. S. 102.

[6] РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стб. 122–123, 129. Московские власти старались проверить истинность показаний Килеварта, однако это оказалось затруднительно. Дьяк Афанасий Царевский из-под Смоленска сообщил, что единственный сослуживец дезертиров, шотландец Вилим Дюри, оставшийся тогда на приставстве, находится в данный момент «на государевѣ службѣ на Тулѣ, роспросити про то подлинно некого» (Там же. Стб. 129–130).

скихъ волныхъ дюдей; а жалованье велѣлъ имъ и воинскимъ людемъ собрати с земли на три мѣесяцы, и идти съ тѣми людми на государевы городы войной. А писалъ де къ нему король имянно, сколко онъ въ государевѣ землѣ съ тѣми валентары въ войнѣ ни будетъ, и онъ ему и тѣм всѣмъ, которые съ нимъ будутъ, заплатитъ сполна. Да сверхъ того къ нему король писалъ, сколко онъ Лисовской съ воинскими людми государевыхъ городовъ и остроговъ и мѣст крѣпкихъ возмутъ взятьемъ и городы и остроги пожгутъ и людей посѣкут и попустошатъ, и онъ король, за ту ихъ службу, за всякой городъ и за острогъ Лисовскому и тѣмъ, которые съ нимъ, сверхъ заслуженного дастъ всякому чѣловеку на мѣсяцъ наёмъ по тому жъ, по чему кому найму идетъ. А воевать де король государеву землю велѣлъ не выходя до тѣхъ мѣстъ, покамѣста ему о томъ... его королевской указъ будетъ. А будетъ имъ отъ государевыхъ людей тѣснота и неизможенье и побои на нихъ будутъ, и которые поворотятца по неволѣ, и тѣмъ заплата заслуженная будетъ. А будетъ которые самоволствомъ, не видѣвъ ни в чемъ нужи и от государевыхъ людей утѣсненья, пойдутъ изъ государевой земли, и тѣмъ не будетъ заплаты ничего»[7]. При этом Лисовский выплатил солдатам вперёд на три месяца жалование, собранное им «по королевской грамотѣ съ земли».

Когда Лисовский выступил во второй половине февраля 1615 г. в поход, то с ним, согласно показаниям Килеварта, находилось «поляковъ и литвы и черкасъ и съ ними съ нѣмцы шесть ротъ конныхъ, а во всякой ротѣ по сту человѣкъ»[8]. Это противоречит утверждениям самого полковника о том, что вначале он имел под командованием всего 430 человек. Вероятно, численность отряда возросла до 600 на пути от Смоленска до Брянска.

Целью Лисовского был Брянск. Одновременно с ним отряд Януша Кишки двинулся на Стародуб. Эти удары должны были отвлечь силы русских от Смоленска.

Ход и результаты действий Кишки остаются неизвестны. Неясно даже, состоялся ли вообще этот поход. Лисовский же со своим полком 13 (23) марта подступил к Брянску. Воевода Пётр Иванович Воейков сообщал, что «пришол подо Брянеск изгоном безвесно Лисовской с литовскими людьми и стоял подо Брянском марта с 13-го числа июня по 22-е число, и приступы к рву были многие. И он, Пётр, с ратными людьми в осаде сидел»[9].

3 (13) апреля 1615 г. Лисовский писал гетману Ходкевичу из Хотылёва (Choczielewa, Chocielewa, Chotetowo), что, несмотря на малые

[7] РИБ. Т. 8. Стб. 126–127.

[8] Там же. Стб. 127.

[9] Книга сеунчей 1613–1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.) // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 1995. Т. I. С. 37.

силы, составляющие едва шесть хоругвей, он, «взявши Господа Бога себе на помощь, пошёл под замок Брянск». По пути к нему присоединились донские казаки из войска Заруцкого. От захваченных языков ему удалось узнать, что брянчане «хотят против меня в поле выйти в короткое время»[10]. В более поздней реляции Лисовский сообщал, что, прибыв под Брянск в великий пост, он простоял там до самой пасхи, когда для снятия осады прибыло войско, численность которого поляки оценивали в 3500 человек. Несмотря на неравенство сил, *лисовчики* нанесли русским такой удар, что «едва их семьсот отошло, ничего не сделав»[11].

Однако у Лисовского не хватало пехоты и не имелось пушек. В итоге осада настолько затянулась, что даже родилось мнение, будто Лисовский и не собирался брать Брянск, а просто выжидал, пока минет весенняя распутица и появится молодая трава, чтобы затем продолжить поход. Однако, как отмечает Г. Виснер, вряд ли это можно считать верным, поскольку Лисовский продолжал стоять под Брянском ещё и летом[12]. Эта задержка некоторым образом пошла полковнику на пользу, поскольку тут ему удалось значительно пополнить свои силы. К нему примкнул отряд донских казаков, подошли подкрепления, посланные Ходкевичем (две хоругви по 100 человек каждая). Кроме того, «неведомо откуда» появились и «немцы» – 100 наёмников, среди которых находились ирландцы и шотландцы. Таким образом, численность полка возросла примерно до 1000 человек.

Между тем для снятия осады Брянска московские воеводы начали накапливать силы в Карачеве. Однако Лисовский успел нанести упреждающий удар. Получив весть о намерениях противника 29 мая (7 июня), он уже 31 мая (9 июня) сам напал на Карачев, застав врасплох российское ополчение. Согласно польским сведениям, воевода князь Юрий Иванович Косой-Шаховской располагал силами до 7 тыс. человек. Разрядные книги сообщают, что Ю. И. Шаховской в марте 1615 г. был назначен вторым воеводой передового полка, базировавшегося в Мценске. Первый воевода, князь Семён Васильевич Прозоровский, в полк не поехал, сказавшись больным, и командование осталось целиком в руках Шаховского. Под его началом находилось «Мценянъ 333 ч., Орлянъ 466 ч., да с вогненнымъ боемъ с сотникомъ 50 ч. стрѣлцовъ» – всего 849 человек[13]. Таким образом, даже объеди-

[10] Materialy do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1932. T. V. S. 102.

[11] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1938. T. X. S. 251 *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. Lwów, 1843. T. I S. 106.

[12] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 66.

[13] Книги разрядные. СПб., 1853. Т. I. Стб. 35–36.

нившись с карачевским гарнизоном, рать князя Шаховского ненамного превосходила по численности полк Лисовского.

Узнав о приближении русской рати, полковник действовал решительно и стремительно. Оставив половину своих сил в осадном лагере под Брянском, он с оставшимися людьми двинулся прямо на Карачев и с ходу атаковал расположенный у стен крепости лагерь Шаховского – «с помощью божьей войско его разбил, лагерь и замок взял». Потери русского войска составили около полутора тысяч человек. В плен попали и сам Ю. И. Шаховской, и карачевский воевода Елизарий Семёнович Безобразов. Их вместе с десятком трофейных знамён Лисовский отослал в стан Ходкевича. В то же самое время, заметив ослабление сил осаждающих, брянчане предприняли вылазку и в свою очередь ударили по лагерю *лисовчиков*. Однако здесь вылазные люди встретили жестокий отпор и «пехоты и нога не ушла, только конницы малость»[14].

Ходкевич, получив известия об успехах Лисовского, выразил своё удовлетворение и послал в лагерь полковника небольшое подкрепление из числа солдат, покинувших шведскую службу в Инфлянтах.

После этих победных боёв Карачев, по примеру Суздаля, Воронеча и Заволочья, был превращён Лисовским в базу для дальнейших операций. Воодушевлённый успехом, он вернулся к Брянску 22 июня (2 июля): «приходил… подо Брянеск всеми людьми, и был бой с утра и до вечера, и с тово бою Лисовской со всеми людьми отошол в Карачев»[15]. Сюда продолжали прибывать пополнения. Отряд, собранный из всяческого сброда (по определению самого Лисовского), привёл некий Рыськевич (Рушкевич, Тышкевич). «Лисовскому славную Господь Бог удачу послал… и сразу несколько сот конных добровольцев, как пришедших от Понтуса [де Ла Гарди], так и при войске [нашем] пребывавших, к нему направил», – сообщал об этом эпизоде Ян Кароль Ходкевич в письме Льву Сапеге 15 (25) июля[16]. Таким образом, под началом Рыськевича собрались наёмники, как из польской, так и из шведской армии. Кроме того, согласно показаниям Килеварта, «послѣ карачевского взятья, пришли къ нему от короля конныхъ черкасъ шесть сотъ же человѣкъ да къ тому же русскихъ людей, воровъ, казаковъ отъ боярина и воеводы отъ князя Дмитрея Пожарского и изъ иныхъ мѣстъ отъѣхало къ нѣму человѣкъ со сто»[17]. В итоге численность лисовчиков возросла примерно до 1500 человек, хотя полковник продолжал жа-

[14] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 251; *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. S. 18–19.

[15] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 37.

[16] *Пшэпюрка А. Г.* Ад добраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. Полк лісоўчыкаў у перыяд вайны з Масквой у 1615–1618 гг. // ARCHE. № 6. 2012. С. 18.

[17] РИБ. Т. 8. Стб. 127.

ловаться и утверждал, что годных к бою людей у него было не более 700[18]. Учитывая соотношение боеспособной части отряда и лагерной челяди, данную оценку следует признать близкой к истине.

Иногда встречается утверждение о наличии среди лисовчиков целой гусарской хоругви, численностью до 600 человек[19]. Причиной тому, как выяснил А. Пшепюрка, является ошибка, допущенная при публикации письма Лисовского от 13 апреля 1615 г.[20] Правда, некие бывшие гусары среди *лисовчиков* всё же имелись, как о том свидетельсвуют их собственные заявления во время переговоров с гетманом Ходкевичем в январе 1617 г.[21] Однако, пребывание в полку отдельных бывших гусар и даже использование ими деталей гусарского снаряжения ещё не говорит о существовании среди *лисовчиков* полноценной гусарской хоругви.

После известия о захвате Карачева летом 1615 г. против Лисовского были направлены новые войска во главе с воеводами князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, Степаном Ивановичем Исленьевым и дьяком Семым Заборовским. Решение об этом было принято 14 (24) июня, а 29 июня (9 июля) они выступили в поход. Под началом Д. М. Пожарского находилось 4500 человек, а войска С. И. Исленьева насчитывали в своих рядах 2455 человек. В целом численность армии составляла 6953 дворян, стрельцов и казаков. Среди них находился отряд из 11 «Аглинскихъ и Шкотцкихъ Нѣмецъ съ ротмистромъ Яковомъ Шавомъ». Помимо того под командование воевод были переданы силы «Казанскихъ и Понизовыхъ людей», в основном татар, чувашей и черемисов – 7875 человек. Таким образом, против Лисовского были

[18] «Nas wszystkich zebrało computatus do piętnastu set, ale pszebrawszy, godnego zaledwie co do siedmiuset czlowieka było» (*Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 251).

[19] *Эскин Ю. М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. С. 125; *Ekes J., Kotarski H.* Lisowski Aleksander h. Jeż // Polski Slownik Biograficzny. T. XVII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1972. S. 471.

[20] В тексте публикации говорится: «pusciłem się z małym Orszakiem ludzi zagranice, których jeno szescz chorągwi iest y gdzieby się przyszlo dobrze numerowacz, ledwoby się nalazlo *husarzy szesczeth*» (Materialy do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. S. 102). В оригинале документа этот фрагмент звучит несколько иначе: «puściłem się z małym orszakiem ludzi za granicę, których jeno sześć chorągwi jest i gdzieżby się przyszło dobrze numerować, ledwo by się nalazło *kusa sześćet*» (*Пшэпюрка А. Г.* Ад добраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. Полк лісоўчыкаў у перыяд вайны з Масквой у 1615–1618 гг. С. 19–20). Таким образом, в письме говорится о том, что в отряде из шести хоругвей, «если хорошенько посчитать, едва набралось бы в целом 600 человек», а не о наличии там 600 гусар.

[21] Они заявляли, что, поскольку являются шляхтичами и прежде служили в гусарах, то не могут ныне служить по-казацки и на предложенном жалованьи (*Пшэпюрка А. Г.* Ад добраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. Полк лісоўчыкаў у перыяд вайны з Масквой у 1615–1618 гг. С. 20).

направлены многократно превосходящие его по численности силы – 14 828 человек. Однако их предстояло ещё собрать, а первоначально в непосредственном распоряжении Д. М. Пожарского находилась куда более скромная армия – 690 дворян и «немцев», а также примерно 1259 казаков. Правда, следует отметить, что данные цифры относятся лишь непосредственно к боевой части рати. Лагерная челядь и дворянские холопы неизбежно должны были значительно увеличить общую численность войска, доведя её примерно до 6 тыс. человек. С собой из Москвы воеводы везли и боеприпасы: 50 пудов пороха и 30 пудов свинца. Планы Лисовского были никому неизвестны и потому наказ, выданный воеводам 20 (30) июня, предусматривал все возможные варианты развития событий. Воеводы должны были «надъ Литовскими людми промышлять, смотря по тамошнему дѣлу». Предполагалось, что неприятель может выступить из Карачева под Болхов или к иным городам; может разделить силы и, оставив гарнизон в Карачеве, вновь двинуться на Брянск; а быть может, лисовчики решаться пойти против воевод «на прямое дѣло». На любой из этих случаев воеводы получали чёткие инструкции, согласно которым и должны были действовать. Независимо от этого, воеводам предписывалось высылать вперёд основных сил отряд отборных дворян, которым следовало «мѣста разъѣздить и разсмотрѣть накрѣпко… а разъѣздя и разсмотря, велѣть около того мѣста, гдѣ быти станамъ, поставить надолбы». Только после этого Пожарский должен был вести свою рать к этому укреплённому лагерю, двигаясь по дороге «с великим береженьем», высылая во все стороны разъезды, «чтобъ на походѣхъ Литовскіе люди безвѣстно не пришли и дурна какого не учинили». Судя по всему, в Москве прекрасно представляли, насколько опасный противник ожидает войска Пожарского в Карачеве[22].

Свою рать Д. М. Пожарский и С. И. Исленьев собирали по мере своего продвижения по линии Боровск – Калуга – Болхов. В каждом городе, лежавшем на их пути, они рассылали по уезду сборщиков с приказанием служилым людям идти к ним на сход. В Болхове к Пожарскому присоединились «воровские казаки», которые «вину свою къ государю принесоша и цѣловаху крестъ и поидоша з бояриномъ». Правда, когда Пожарский миновал Калугу, от него бежали 15 казаков разных станиц. Выбрав себе атаманом Афанасия Куму, они занялись разбоями. В октябре шайка Кумы насчитывала уже 500 человек. Несколько казаков бежали из войска Пожарского в пределы Речи Посполитой[23]. Впрочем, эти побеги не повлияли серьёзно на общую численность рати. Лисов-

[22] *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 155; РК. Т. I. Стб. 48–61; СГГД. Ч. 3. С. 131–136.

[23] *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 154.

ский оценивал идущие на него силы Пожарского в 10 тыс. человек. По его сведениям, после разгрома *лисовчиков* армия эта должна была двинуться на Мстиславль и под Смоленск.

В отличие от стремительного Лисовского, князь Д. М. Пожарский разворачивал наступление неспешно и основательно. Минуло два месяца, прежде чем его ратники столкнулись, наконец, с неприятелем. Это было в традициях московских воевод того времени – достаточно вспомнить столь же неторопливое, но решительное движение войск М. В. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди к Москве.

Избегая встречи с превосходящими силами московской рати, Лисовский двинулся от Брянска на Карачев, выжег его и направился «верхней дорогой» к Орлу (в реляции полковник уверяет, что выступил навстречу Пожарскому, но разминулся с ним по дороге). Узнав о движении противника, Пожарский поспешил занять удобное для обороны старое Орловское городище, выслав для этой цели передовой полк воеводы Ивана Гавриловича Бобрищева-Пушкина. Встреча Лисовского и русского авангарда произошла неожиданно для обоих в воскресный день 20 (30) августа 1615 г.[24]

Сражение произошло верстах в трёх от Орла на так называемом Царёвом Броду через Орлик, несколько ниже устья его левого притока, речки Сухой Орлицы[25]. Согласно русским источникам, в отряде Лисовского в тот момент было до 3 тыс. человек, что является преувеличением. Несмотря на то, что И. Г. Бобрищеву-Пушкину удалось застать *лисовчиков* в тот момент, когда они начинали ставить лагерь, натиск его был, хотя и с трудом, но отражён. Хотя некоторые из людей Лисовского «даже до рубашек разделись, однако попыток к бегству нигде замечено не было и лишь милостью божией мужественно неприятеля остановили … из лагеря его в поле выбили»[26]. Разрядные записи также признают, что «с того бою Степанъ Исленьевъ побѣжалъ и ратные многіе люди». С Пожарским осталось всего около 600 человек – «жилецкая сотня да дворянская, да дворянъ из городовъ не помногу, да человѣкъ съ сорокъ стрѣлцов», – но зато они не тронулись с места. Под командованием дворянского головы И. Г. Бобрищева-Пушкина, жилецких голов Григория Горихвостова и Лаврентия Кологривова, они «біяшеся на многіе часы, мало руками не имаючися билися. Видя своё неизможеніе, одёрнушася телѣгами и сидѣша въ обозѣ». В обороне табора отличились и «нѣмцы Аглинскіе земли» – Дарнабей Иванов, Иван Брелтон и Иван Кухнелин. Они «съ литовскими людми били-

[24] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 251; ПСРЛ. Т. 14. С. 136.

[25] *Пясецкий Г. М.* Забытая история Орла. Орёл, 1993.

[26] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 251–252.

ся явственно, и литовскихъ людей побили». Из числа отличившихся русских защитников можно назвать тарушанина Полуехта Ивановича Нарышкина. В сентябре того же года он получил в награду жалованье в 12 рублей «за орловскую службу и за рану, что он служил на бою с Лисовским под Орлом и его ранили». Отличились в этом бою и одоевские дети боярские братья Фёдор и Пётр Колупаевы. Пожарский до ночи отражал приступы неприятеля. В бою были тяжело ранены некоторые из «храбрейших сподвижников» Д. М. Пожарского – князь Никита Никитич Гагарин и Григорий Иванович Горихвостов[27]. В жестокой схватке в очередной раз был ранен и сам Лисовский – метко пущенная из лука стрела попала ему в ногу. Рана оказалась весьма болезненной и полковник позднее вспоминал, что «так ядовиты их стрелы бывают, что каждый раненый горячку получает, с чем и я столкнулся, но не время для того было; трудно было пешим ходить и принужден был с великой бедой и болью на коня садиться»[28].

О сравнительных потерях сторон судить сложно. Известно, что *лисовчики,* помимо убитых и раненых, потеряли литавры и знамёна, а какое-то их количество попало в русский плен. Автор «Нового летописца» даже уверяет, что Д. М. Пожарский захватил живыми «триста человек шляхтов», что является совершенно сказочным преувеличением. Более достоверны сведения Латухинской Степенной книги, где говорится о пленении всего «живыхъ 30 шляхтовъ»[29]. Реальный размер потерь, понесённых лисовчиками, известен со слов ирландского наёмника Варнавы Килеварта. Он вполне определённо сообщает, что «какъ де Лисовскому со княземъ Дмитреемъ было дѣло, и на томъ дѣлѣ убито у Лисовского человѣкъ съ шестьдесятъ, да раненых столко жъ»[30]. Можно предположить, что армия Д. М. Пожарского понесла примерно сопоставимые потери.

---

[27] Князь Н. Н. Гагарин после этого из-за своего ранения получил прозвище «Сеченая Щека» (Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова. СПб., 1914. Т. 4. С. 82).

[28] Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. I. 1612–1628. Стб. 181; *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 252; РИБ. Т. 8. Стб. 121; *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604–1617 гг.) // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. М., 1912. Вып. 9. С. 327; в челобитной Колупаевых говорится: «а они де на государево службе бывали… в Колуге з боярином со князем Дмитреем [Михайловичем] Пожарским, и с Ко[луги] за Лисовским в походе и на Орло[в]ском бою, и во многих посылках с воеводы бывали, и на боех с польскими и с литовскими людьми бив[ались], и языки имывали» (Новые документы о восстании Болотникова // ВИ. № 7. 1981. С. 82).

[29] ЛСК. С. 700.

[30] РИБ. Т. 8. Стб. 127.

Лисовский не догадывался, что у Пожарского так мало людей, и потому не решался напасть на него, расположившись за рекой в двух верстах от русского табора. Пожарский не хотел покидать своего стана. «Помереть всем на сем месте», – отвечал он голове Лаврентию Кологривову и прочим ратным людям, которые уговаривали его отступить к Болхову. Вечером возвратился назад беглый воевода С. И. Исленьев, ночью стали съезжаться и другие беглецы[31].

Противники стояли друг против друга на протяжении шести дней, разделённые рекой. Время от времени к лагерю Лисовского подъезжали знакомые ему по прошлым набегам донцы. Казаки вступали в разговор с полковником и хвалили своего воеводу: «Перед Пожарским гетман ваш не устоял, сам король не устоял, а ты чего ждёшь?» Лисовский не оставался в долгу и отвечал на это: «Что вы ищете моря, когда в луже утонуть можете. Сами от нашего короля и гетмана хоронились, в поле выйти не желая, а когда бы вышли, то конские копыта его величества короля нашего милостивого вас бы с лица земли стёрли»[32].

Пожарский не стремился вступить в открытую битву в чистом поле и на четвёртый день противостояния, в среду, Лисовский безуспешно попытался выманить его из укреплённого табора. Полковник вывел своих людей в поле и выстроил в боевом порядке у берега реки, «кою можно всюду вброд переехать». Однако Пожарский не поддался на приманку и в свою очередь пытался заманить Лисовского на противоположный берег под огонь своих пушек. Простояв до ночи, войска разошлись, так и не вступив в бой[33].

Ни и после этого Д. М. Пожарский не бездействовал. Через посредство англичан и шотландцев ротмистра Якова Шава он обратился к служившим Лисовскому «немцам», суля им великое государево жалованье:

«Великого Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи Самодержца, от боярина и воеводы от князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго Нѣмцамъ разныхъ земель, которые нынѣ с паномъ Лисовскимъ, прапорщику Кедемляхменю Донохмакафшѣ и всѣмъ Нѣмцамъ. Пишу къ вамъ милость Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, чтобъ вамъ ѣхать служить Великому Государю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи; а Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи васъ пожалуетъ своимъ Государевымъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и на разумѣ нетъ, также, как ротмистра Вилима Грима да Устюса, и всѣхъ

[31] ПСРЛ. Т. 14. С. 136; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. М., 1990. Кн. V. С. 32; *Пясецкий Г. М.* Забытая история Орла.

[32] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 252.

[33] Ibid.

вашихъ товарищей также. А язъ далъ прямо свою душу въ правдѣ во всей капитану Якову Шаву да Юстру; и вамъ бы однолично ѣхать на Государево имя, и во всёмъ на Государеву милость быть надёжнымъ. А сію грамоту послалъ къ вамъ за своею рукою»[34].

«Немцы», большинство которых, судя по упомянутым именам, также были ирландцами, шотландцами и англичанами, с интересом прислушались к посланию Пожарского. Судя по всему, продолжение службы у Лисовского больше не казалось им привлекательной идеей. Капитан Барноби, доставивший княжескую грамоту, три дня подряд посещал лагерь Лисовского и наёмники, «надѣяся на царскую милость и жалованье, хотѣли всѣ отъ Лисовского отъѣхати на государево имя, толко случая такого не изыскали, чтобъ всѣмъ вдругъ и съ животы и с рухлядью отъехати, потому что у Лисовского сторожи были великіе»[35]. Удобный случай представился им несколько позднее.

Вероятно, Лисовский стал ощущать некоторую напряжённость в своём лагере и это стало одной из причин, по которым он не стал продолжать битву. Вместо этого полковник стремительно ринулся на Орёл и воевода Данила Яблочков бежал, не оказав сопротивления. Город был захвачен и выжжен, но Лисовский не задержался здесь, переправился через Оку и ушёл на Кромы. В семи верстах от Орла близ устья Цона он обосновался подле древнего городища, которое с тех пор стало известно позднее под названием «Лисовского кургана»[36]. Но Пожарский

[34] СГГД. Ч. 3. С. 136–137; к настоящему времени сохранность грамоты значительно ухудшилась и сохранившийся текст читается следущим образом: «Великого государя царя и великого князя [Михайла] Федоровича всеа Русии самодержца от боярина и воеводы от князя Дмитрея Михайловича Пожарсково немцам розных земель, которые ныне с паном Лисовским, прапорщику Кедейляхменю, Донох Мкафте… немцом. Пишу к вам милость… великого государя царя и великого князя [Михаила] Федоровича всеа Русии, чтоб вам ехать служить великому государю царю и велкому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии. А государь царь [и великий] князь Михайла Федорович [всеа] Русии вас пожалует своим государевым [жало]ваньем, чево у вас и на разу[ме нет], так же, как рохмистра Вилима… трима да Устюса и всех ваших товарищей. Также и яз дал душу свою прямо в правде во всей капитану Якову Шаву… и вам бы однолично ехать на государево имя… [на] государеву милость быть надежным. А сю грамоту… вал за своею рукою» (Ф. 150. Оп. 1. 1615. № 3. Л. 18–18об.).

[35] РИБ. Т. 8. Стб. 123–124.

[36] По словам Лисовского, от Орла он вначале двинулся на Zeromum, который располагался «от Орла миль шесть, где шлях татарский, что в земли северские ведёт». К. Тышковский предположил, что это может быть Чернь. Однако, это совершенно невозможно. Расстояние до Черни больше указанных шести миль и находится она в противоположной стороне от Кром, куда затем направился Лисовский (*Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 252). Вероятно, под именем Zeromum как раз и скрывается «Лисовский курган» (его обычно связывают с сёлами Гать

следовал за ним по пятам и вынудил покинуть стан. Миновав Кромы, где «буйствовал и жёг», и резко изменив направление удара, Лисовский метнулся к Болхову, «перебежаша днём да ночью полтораста поприщ» и появившись у города 30 августа (9 сентября). Так начался его знаменитый круговой рейд – «изумительный в военных летописях» и «надолго памятный в Московском государстве»[37].

Орловская битва обычно считается победой Лисовского. Ещё «Бельский летописец» утверждал, что «на том бою пан Лисовской с польскими и с литовскими людьми и с рускими с воры государевых воевод и ратных людей побили, а князь Дмитрей Михайлович Пожарский с досталными людми отсиделся в обозе»[38]. Согласно польским исследователям, Лисовский ушёл на Кромы только потому, что не видел смысла в дальнейшей осаде табора Пожарского[39]. Однако, как видно из общего хода событий, победа Лисовского была в лучшем случае неполной. Войско Пожарского не было разгромлено и оказалось в состоянии преследовать противника. О том, что сами лисовчики не ощущали себя победителями говорит и факт последующего перехода части иноземцев на сторону Пожарского – служба в рядах московского войска показалась в тот момент наёмникам предпочтительнее.

и Лаврово, расположенными на противоположном берегу Оки). В настоящее время он известен, как «городище Гать» и представляет собой окружённую подковообразным валом и рвом площадку на левом берегу Оки при впадении в неё р. Цон. Предание о пребывании здесь Лисовского было записано и опубликовано краеведом П. Якушкиным. Он утверждал, что «известный польский партизан Лисовский после боя с князем Пожарским в 1616 году у Царёва Брода на реке Орлике, укрепился у места слияния Цона с Окой, в 7 верстах от Орла, близ д. Гать, а само укреплённое место называют Лисовским курганом» (Орловские губернские ведомости. 1861. №30). Это мнение было оспорено в 1898 г. генералом А. Н. Шульгиным, который верно указал на то, что Лисовский не мог возвести укрепление на этом месте, поскольку провёл тут не более одной ночи. Кроме того, площадка городища может вместить не более 200–300 человек, что гораздо меньше численности отряда Лисовского. По мнению А. Н. Шульгина, укрепление у д. Гать было возведено в начале XVII в. «энергическими кромскими военачальниками» (*Шульгин А. Н.* Остатки старины в окрестностях города Орла // Труды Орловской учёной архивной комиссии. Орёл, 1898. Вып. 2. С. 12–13). Раскопки, в разное время производившиеся на городище А. Н. Шульгиным, И. Е. Евсеевым, Н. П. Милоновым и Т. Н. Никольской, дали материалы, относящиеся к периоду неолита, к середине I тыс. н. э. и к древнерусскому времени, преимущественно XII–XIII вв. Находок, датируемых XVI–XVII вв., встречено не было (Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 20–21; *Краснощёкова С. Д., Красницкий Л. Н.* Археология Орловской области // Краеведческие записки. Вып. 5. Орёл, 2006. С. 62–63, 117, 166–167).

[37] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Кн. V. С. 33.

[38] ПСРЛ. Т. 34. С. 263.

[39] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 68.

Однако оценивать результаты боя, как победу Пожарского также будет явным преувеличением. Имея все преимущества внезапного нападения, его ратники не смогли уничтожить неприятеля и даже обратились в бегство при контратаке. В ходе противостояния, накопив силы, он так и не решился вновь завязать полевое сражение и фактически выпустил противника из рук, чем тот и не преминул воспользоваться[40].

[40] Представление об Орловской битве, как о решительной победе Пожарского, ныне увековечено в надписи на памятном знаке, установленном на предположительном месте сражения: «Здесь 6 сентября 1615 года, в урочище Царёв Брод, 600 воинов князя Д. Пожарского разгромили 3-тыс. войско захватчиков под командованием А. Лисовского». Обоснование неверной даты, указанной на памятнике, содержится в статье Е. Н. Ашихминой в местной газете «Орловский вестник». При этом автор прибегает к довольно замысловатым вычислениям: «Так когда был Орловский бой? Давайте посчитаем. В XVII веке разница между юлианским и григорианским календарем составляла 10 дней. По данным профессора С. М. Соловьёва 31 августа по старому стилю, то есть 10 сентября по новому, разбойник осадил Болхов. 9 сентября, за сутки до этого, он находился в Кромах, куда бежал от Царева брода. Значит, сражение на Царевом броде состоялось воскресным утром 6 сентября (27 августа по ст. стилю)» (*Ашихмина Е. Н.* Орловский бой // Орловский вестник. 2005. № 28 (28 сентября)). Автор статьи исходит из ошибочного мнения, будто Лисовский покинул поле боя уже на следующее утро. Кроме того, она явно не знакома с реляцией самого Лисовского, где им была чётко указана дата сражения по григорианскому календарю (новому стилю) 30 августа. Этой дате полностью соответствует и хронология событий, последовавших за первым столкновением. Помимо этого в данной статье содержатся и другие грубые фактические ошибки (в частности утверждается, что Лисовский сжёг Орёл ещё в июле, потом вернулся туда из Карачева, гонимый страхом перед Пожарским и сама Орловская битва началась с внезапного удара лисовчиков по лагерю И. Г. Пушкина, а вовсе не наоборот, как о том свидетельствуют источники). См. также: *Она же.* Орловские истории: архивно-краеведческие записки. Орел, 2011. С. 68–73; *Она же.* Битва на Царёвом броде // Орловский военный вестник. 2013. № 11. С. 111–116.

Другой орловский исследователь, В. М. Неделин, предпринял интересную попытку реконструировать ход битвы между Лисовским и Пожарским, составив тактическую схему боевых действий. Согласно его мнению, в данном случае имел место встречный бой, причём численное превосходство изначально было на стороне Пожарского. При этом автор допускает ряд фактических ошибок (в частности, утверждает, будто незадолго до боя часть казаков перешла от Лисовского на сторону Пожарского), а самое главное помещает место боя на правый берег Орла, противореча тем самым ясным указаниям источников относительно последующего противостояния противников по разным берегам реки. Стан Пожарского В. М. Неделин помещает на городище у д. Титова-Мотыка, при впадении реки Орлицы в Орлик, которое в писцовых книгах конца XVII в. именовалось «Пожарским» (*Неделин В. М.* Орёл изначальный. История. Архитектура. Жизнь и быт. Орёл, 2001. С. 67–72).

Следует отметить, что, несмотря на сравнительное обилие источников, обстоятельства столкновения между Пожарским и Лисовским практически не привлекали внимания биографов князя. При этом, как правило, авторы опирались ис-

В четверг 31 августа (10 сентября), лисовчики трижды «приступали жестокими приступы» к Болхову, безуспешно пытаясь овладеть городом. Гарнизон, которым руководил воевода стольник Степан Никитич Волынский, был немногочисленным, «потому что все люди были в полкех у боярина и воевод у князя Дмитрея Михайловича Пожарсково с товарыщи». Тем не менее, все три приступа были успешно отражены: «Волынской и дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и всякие служилые и жилетцкие люди от Лисовского и от польских и литовских людей отсиделись и многих полских и литовских людей побили»[41].

Гонец, посланный из Болхова, в тот же день достиг соседнего Белёва, известив местных воевод и служилых людей о приближающейся опасности. Как и в других городах, большая часть местных служилых людей ушла с войском Д. М. Пожарского. Белёвские воеводы князь Михаил Борисович Долгоруков и Пётр Бунаков выслали на разведку станицу из трёх человек во главе с Василием Лодыженским. Служилые люди проехали около 8 вёрст по Болховской дороге до речки Руки, неприятеля не встретили, но «увидели из Белёва по деревням огни под засекою». В ночь на 1 (11) сентября, не дожидаясь появления врага, белёвские воеводы со своими семьями бежали из города, хотя «стрельцы белёвские били челом... и говорили, чтобы сидеть (в осаде)». Тем не менее, воеводы в полночь перебрались за Оку, бросив город на произвол судьбы. «И на них смотря в Белёве всякие люди замешались и пошли из города вон, а в городе оставались немногие люди».

ключельно на русские летописные источники (*Забелин И. Е.* Прямые и кривые в смутное время. Минин и Пожарский. М., 1896. С. 136; *Скрынников Р. Г.* Минин и Пожарский. М., 2007. С. 303–304). События детальнее рассматриваются в ёмкой и содержательной работе Ю. М. Эскина, который впервые в отечественной историографии включил в повествование данные польских источников, правда, извлечённые из статей И. Грали (*Эскин Ю. М.* Дмитрий Михайлович Пожарский). В сравнении с работой Ю. М. Эскина шагом назад представляется объёмистый труд Д. М. Володихина, который использует в качестве практически единственного источника «Новый летописец», во всём слепо доверяя его сведениям. В частности, он без тени сомнения повторяет утверждение о захвате Пожарским в бою 300 пленников). Рапорт Лисовского знаком автору в пересказе И. Грали, но он отмахивается от его сведений, ограничиваясь короткими неточными цитатами и не приводя даже даты сражения. При реконструкции хода сражения Д. М. Володихину приходится прибегать к ни на чём не основанным домыслам и фантазиям: первый этап битвы представлял собой «свалку, долгую, беспорядочную и кровавую»; значительная часть отряда Лисовского состояла из «западноевропейских наёмников»; «как только Пожарский всеми силами двинулся на Лисовского, полковник отступил, не приняв боя» (*Володихин Д. М.* Пожарский. С. 260–263).

[41] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 110, 118.

Рассвело, однако никаких врагов так и не появилось. Лишь в третьем часу дня 1 сентября («в Семень день») Лисовский беспрепятственно вошёл в Белёв. Василий Лодыженский, не покинувший города, был взят в плен и доставлен к самому Лисовскому. Полковник спрашивал пленника, не отдадут ли в обмен на него его брата, находившегося в русском плену. Лодыженский отговорился тем, что он-де «человек сельский» и ничего знать не знает и ведать не ведает. Тогда Лисовский потребовал выкупа и Лодыженскому пришлось ради спасения жизни отдать полковнику «чемодан с платьем, шубу кунью под сукном да два ожерелья женских жемчюжну да шапку женску низану». В это время на противоположном берегу Оки были замечены беглые воеводы и их спутники. Лисовчики погнались за ними и преследовали на протяжении 15 вёрст, застрелив денежного сборщика Григория Грекова.

Лисовский ненадолго задержался в Белёве. Он провёл здесь ровно столько времени, чтобы получить выкуп от Лодыженского и выжечь до основания посад и слободы. Он был весьма доволен достигнутым, говоря, что «было ему к Белёву не приступать» и потешаясь над воеводами, которые «городы мечют»[42]. Помимо самого города была разорена Лисовским и расположенная неподалёку Онуфриева Введенская пустынь. Особое удовольствие доставил полковнику захват в Белёве грамот, направленных местным воеводам с требованием изловить Лисовского живьём и отослать его к царскому двору в Москву.

«Зажогши Белёв, Лисовский пошол к Лихвину. А пришед под Лихвин стал полки на площади и з города стреляли по нём ис пушечки, и Лисовский послал пеших людей, а велел посад жечь, а к Лихвину приступом людей не посылал, а острог большой не был осажён, и литовские люди острог выжгли ж»[43]. Начальствовавший в Лихвине воевода Фёдор Стрешнев не бежал со своего поста и «с малыми с осадными людми» отсиделся от Лисовского.

Отступив от Лихвина, Лисовский двинулся на Перемышль, к которому приблизился 2 (12) сентября в четвёртом часу дня. Остановившись неподалёку от города, он осмотрел его, «чая, что в городе сидят». Однако, вскоре выяснилось, что тут повторилась белёвская история[44].

В Перемышле начальствовал воевода Семён Фёдорович Глебов. В его гарнизоне было всего 76 человек – 47 стрельцов, многие из которых не имели пищалей, а половина из них была больна; 14 пушкарей и затинщиков, а также 15 вооружённых посадских. О взятии Белёва им стало известно на Семён день в пятом часу ночи.

[42] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 106, 110–111, 113.
[43] Там же. С. 111.
[44] Там же. С. 105, 112.

Воевода выслал дозоры, поднял тревогу. Вскоре стало известно, что «литовские люди» появились в 13 верстах от города в деревне Мыжбор. Воевода приказал ударить в колокол и послал в окрестные монастыри и сёла, сзывая людей в крепость для обороны города. Однако крестьяне предпочитали разбегаться по лесам, а монахи сочли более благоразумным удалиться в лучше укреплённую Калугу. Когда Лисовский появился в двух верстах от города на Гордиковом перевозе через Жиздру, то посадские стали укрываться в окрестных лесах. Воевода, который сам был болен, пытался организовать оборону, но «стрельцы, и пушкари, и затинщики, и посадцкие люди ево не послушали… ис Перемышля пошли врозь». В итоге покинул город и С. Ф. Глебов – его вывезли в Калугу. Пушкари, забрав по настоянию воеводы «наряд, и зелье, и свинец», ушли в лес[45].

Убедившись, что город беззащитен, Лисовский тотчас вошёл в него. Вскоре его люди отыскали в лесу брошенные перемышльскими пушкарями шесть пищалей, ядра и бочку пороха. Затем к нему стали приводить пленных. Наибольший интерес у полковника вызвали три казака, захваченные на дороге между Лихвином и Калугой. «Лисовской почал им говорил, то, де, было им, казаком, быть у нево, у Лисовского, и казаки, де, называли Лисовского батьком и говорили, смутили, де, нас, посулили по 10 рублёв, и мы, де, за тем измешкали, а будем, де, все у тебя. И Лисовской, де, велел добыть вина, и почал их потчивать». Было ясно, что полковник не прочь пополнить свой поредевший отряд за счёт казаков, оказавшихся в тот момент в армии Пожарского. Тем более, что кампания грозила затянуться и подкрепления были жизненно необходимы. Надежда на поживу и авторитет «батьки Лисовского» действительно способны были привлечь к нему казачьи ватаги, которым приелась скудноо плачиваемая «государева служба». Лодыженский слышал, как Лисовский заявлял о своём намерении зимовать в «государевой земле», уверенно говоря, что к нему будут примыкать «прибыльные люди»[46].

Захват Перемышля помог лисовчикам поправить то довольно затруднительное положение, в котором они оказались после столкновения с Д. М. Пожарским. Лодыженский сообщает о своих наблюдениях так: «А людей с Лисовским всяких с 3000 людей, а раненых, и больных, и лошадей раненых у Лисовского много… и голод был до Перемышля великои, а как пришол в Перемышль, и у него стало всего много»[47]. Обилие припасов объясняется не только

[45] Там же. С. 104–105, 115–116.
[46] Там же. С. 112.
[47] Там же. С. 112.

захватом города – заняв Перемышль и превратив его в свою очередную базу, *лисовчики* принялись выжигать и грабить окрестные сёла[48].

Воодушевлённый Лисовский обнадёживал своих людей скорым объединением с королевскими войсками, после чего «они государевымъ людемъ будутъ силны и пойдутъ въ государеву жъ землю въ войну въ такіе мѣста, гдѣ будетъ ему и всѣмъ воинскимъ людемъ золота и серебра и бархату и камокъ и всякого узорочья»[49].

Пожарский тем временем дошёл до Лихвина и выстроил 12 острожков, чтобы стеснить свободу передвижений врага[50]. Вероятно, именно это имел в виду Лисовский, говоря Лодыженскому, что «у Пожарскова перед ево людьми втрое, только, де худы люди, а Пожарский, де, отимаетца у него таборами»[51]. Князь Дмитрий Михайлович вновь использовал против подвижного конного противника тактику, успешно обкатанную ещё М. В. Скопиным-Шуйским.

Характерно, что именно к этому периоду относятся упоминания о неудачных для лисовчиков стычках. Так, например, отряд под началом головы Василия Дурново был послан Д. М. Пожарским в пределы Воротынского уезда на Угру, где 11 (21) сентября столкнулся с людьми Лисовского. В ходе боя отличился шацкий мурза Ишмамет Енгалычев (Галычев, Англычев), который «государю служил, бился явственно, взял мужика, да под ним ж убили кон(я)»[52].

Завязались переговоры о размене пленными. Пожарский требовал за одного поляка отдавать трёх русских, а Лисовский – отдать ему десять поляков за одного русского. Чтобы надавить на воеводу, Лисовский «пленников всех в Перемышле в тесную тюрьму согнавши, держал. О том дознались друзья тех пленников из разных городов и замков, кои на Пожарского наседали, дабы их освободить. И сей гордый пан уступил и писал ко мне, чтобы согласился голову на голову менять». На этом и было достигнуто соглашение[53]. Но прежде Лисовский не мог отказать себе в удовольствии направить своему противнику язвительные послания:

---

[48] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 107.

[49] РИБ. Т. 8. Стб. 128.

[50] Р. Г. Скрынников ошибочно утверждает, что Пожарский, «спешно послал в Калугу конные сотни, а сам стал в Тихвине, угрожая Лисовскому с фланга» (*Скрынников Р. Г.* Минин и Пожарский. С. 304–305). Речь, конечно же, должна идти не о Тихвине, а о Лихвине.

[51] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 112.

[52] РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. Стб. № 4. Л. 497–496 (документ выявлен и предоставлен автору А. Н. Фроловым).

[53] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 252–253; *Wisner H.* Lisowczycy. S. 68–69.

«Ты, Пожарский, не по царской воле чинишь, царь твой приказал тебе меня за границу не упускать, а ты меня отсюда хочешь выпустить. Так я лучше тебя твоего царя слушаюсь, ибо за границу уходить и не помышляю, с волею его согласно, а в землю вашу иду. И ещё тебе царь твой приказал, чтобы ты живого меня в столицу привёл, а ты мне, вопреки приказу господскому, ногу прострелил, за которое твоё непослушание должен я твоего царя искать и жалобу ему принести, дабы он по справедливости с нами учинил. И если он того не учинит, то Его Величество король, мой милостивый господин, сам учинит то с тобою и с ним»[54].

Взятие Перемышля и переговоры о размене привели, похоже, к ослаблению бдительности в стане Лисовского. Этим воспользовались ирландские наёмники, бывшие «бельские немцы», решившие в очередной раз сменить нанимателя. Уговоры капитана Барноби и посулы Пожарского сделали своё дело и 27 сентября (6 октября) на государево имя выехал из-под Перемышля Варнава Килеварт. Он сообщил, что его товарищи также ждут лишь удобного случая для бегства, а также «хотятъ слышети, какъ онъ Варнава пожалованъ будетъ государевымъ жалованьемъ... и не будетъ ли къ нему какого безчестья». Убедившись, что перебежчик был принят благосклонно, его примеру последовали и другие «немцы», среди которых находились ирландцы Варнава Макилемартын и Дермант Макилямихал[55].

Отсылая освобождённых русских пленников к Пожарскому, Лисовский приказал сначала выжечь на их глазах Перемышль – «чтобы неприятель видел, что я на замки и остроги не надеюсь». После этого к Лихвину был послан на разведку ротмистр Чарнецкий во главе 40 всадников. *Лисовчики* столкнулись с более крупным разъездом, высланным с той же целью из лагеря Пожарского (согласно реляции полковника, русских было 300 человек). Завидев друг друга, отряды остановились. Чарнецкий, взяв с собой восемь всадников, незаметно обошёл противника с фланга и с громким криком внезапно атаковал, внеся замешательство в его ряды. Воспользовавшись этим, *лисовчики* ринулись вперёд, обратили неприятеля в бегство и захватили несколько пленных, сами не понеся никаких потерь[56].

В Лихвине Пожарский получил, наконец, давно обещанные подкрепления – казанскую рать численностью более чем в 7 тыс.

---

[54] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 253.

[55] РИБ. Т. 8. Стб. 121, 124; *Скрынников Р. Г.* Минин и Пожарский. С. 304; *Скобелкин О. В.* Служилые иноземцы и деятельность Джона Меррика в России (1614–1617) // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49. С. 43–56).

[56] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 253.

татар и черемисов. После этого он отрядил против Лисовского своего кузена – воеводу Дмитрия Петровича Лопату Пожарского (их прадеды были родными братьями)[57]. Сам же полководец, «истомлённый невероятно быстрою погонею за самым неутомимым из наездников, слёг от тяжкой болезни и был отвезён в Калугу»[58]. Но погоня сорвалась, поскольку «казанские люди все побегоша в Казань». Князь Лопата-Пожарский прежде проявил себя довольно способным военачальником. Он командовал передовым отрядом земской рати во время боёв за Москву в 1612 г., а в 1613–1614 гг., будучи Самарским воеводой, успешно действовал против «воровских казаков» атамана Ивана Заруцкого[59]. Однако теперь удача отвернулась от князя Дмитрия Петровича. Возглавив войска, он «шелъ по сакмѣ за Лисовскимъ к Вязмѣ и, не дошедъ Вязмы, воротился и сталъ на Угрѣ». Здесь Лопата-Пожарский получил царский приказ идти в Можайск, однако туда не пошёл, отписав, что «ратные люди съ службы розбѣжались, а которые и есть, и тѣ бѣдны»[60].

Столкновение с Д. М. Пожарским произвело на Лисовского сильное впечатление – в своём рапорте Льву Сапеге он уделил ему особое внимание, а в завершении, уже изложив весь ход набега, не смог удержаться, чтобы не поведать о том, что по его сведениям стало с князем Дмитрием Михайловичем после Орловской битвы. Согласно утверждениям Лисовского, под началом Пожарского в Лихвине собралось до 19 тыс. человек, включая черемисов, однако вскоре «осталось при нём едва три тысячи человек». После того, как эти силы под началом Д. П. Лопаты-Пожарского отправились в погоню за *лисовчиками*, самому князю было велено возвращаться в Москву. «Придя в столицу, сказался он больным и жене и друзьям своим говорил, что намерен в чернецы постричься, а жена и друзья его от того намерения отговаривали… царь же велел имения у него отобрать и боярства хотел лишить за то, что измену учинил и за Лисовским гнаться не захотел, хотя такое великое войско при себе имел. Оправдываясь же, говорил он, что не по своей вине Лисовского не поймал, что пошлите какого угодно иного воеводу и увидите, что он учинит. Лисовского никто не только в столь обширном государстве поймать не сможет, но

[57] *Савёлов Л. М.* Князья Пожарские // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 2–3. С. 14–27.

[58] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Кн. V. С. 32.

[59] *Савёлов Л. М.* Князья Пожарские. С. 23; *Смирнов Ю.* Самарский заслон. Воевода Дмитрий Петрович Пожарский-Лопата и разгром очага Смуты на Волге // Родина. 2014. №6. С. 34–38.

[60] ДР. Т. I. Стб. 182.

даже если кто посадит его в ступу, а другие толкачами бить станут, то и тогда по нему не попадут»[61].

Подобного сарказма полковник не изливает ни на одного другого русского воеводу – ни на тех, кто бросал при его приближении свои города, ни на Шереметева, которого разбил под Ржевом, ни на Барятинского, который не нагнал его за Ярославлем, ни на Куракина, который не смог разбить его под Алексином. Единственным, кто удостоился подобного внимания, оказался Д. М. Пожарский, едва не положивший под Орлом конец карьере Лисовского. Очень похоже, что представляя князя Дмитрия Михайловича в комичном виде, полковник просто срывал накопившуюся у него досаду. При этом необходимо отметить, что сведения о царской опале на Д. М. Пожарского, полученные Лисовским, были неточны. На самом деле под стражу был взят Д. П. Лопата-Пожарский. Разгневанный провалом погони за Лисовским, царь Михаил Фёдорович «Лопату велѣлъ посадить в тюрму в Можайскѣ»[62].

Царский гнев, который вызвали безнаказанные похождения *лисовчиков*, обрушился не только на Лопату-Пожарского – 5 (15) октября состоялось рассмотрение дела воевод, города которых подверглись нападению Лисовского. Брянский воевода Пётр Воейков, болховский Степан Волынской и лихвинский Фёдор Стрешнев удостоились похвалы за свою «прямую службу и радение». Зато «изменников Михалка Долгорукова, Петрушку Бунакова, Сенку Глебова и Данилка Яблочкова» приговорили «бить кнутом по торгом и казнить смертью безо всякие пощады». Спустя два дня опальные воеводы были биты кнутом и приведены к плахе. Только тут им объявили государеву милость – по заступничеству своей матери, старицы Марфы Ивановны, царь Михаил Фёдорович «изменников… пожаловал, смертную им казнь отдал, казнить их не велел»[63].

---

[61] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 255. Последняя фраза звучит в оригинале следующим образом: «Nietylko Lisowskiego ktoby mógl w tak szerokim państwe zgonić, ale ktoby jeho w słupu wsadył, a kto mu tołkaczami bił, tedy jeho nie trafi». Здесь явно имеется в виду расхожее выражение «толкачом в ступе не поймаешь». Слово *słup* в польском языке имеет значение «столб», однако невозможно кого-либо «посадить в столб». Скорее всего, при публикации текста была допущена ошибка и буква *ł* заняла место сходной по написанию буквы *t*, что в результате до неузнаваемости исказило фразу. Интересно также и то, что «ступа» по-польски будет *moździerz* или *zaprawa*, а «толкач» *pchacz*, *popychacz* или *tłoczek*. Вероятно, использование слов stupa и tołkacz выдаёт близкое знакомство Лисовского с русским языком, что и неудивительно.

[62] ДР. Т. I. Стб. 182.

[63] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 117–120.

Пребывание Лисовского в российских пределах вызывало у правительства серьёзные опасения. Прошло совсем немного времени с того момента, как в июле 1615 г. под Москвой было разгромлено казачье ополчение атамана Михаила Баловнева. Имя Лисовского пользовалось среди казаков громкой славой. Оно то и дело звучало на совещаниях казацких атаманов, двигавшихся к Москве: «Переговаривали де атаманы и есаулы, и казаки... будет де государь не пожалует, вины не отдаст, и у атаманов де и у казаков мысль и совет был отъехать в Литву, а к Лисовскому де хотели отписывать»[64]. Если бы Лисовский получил под своё начало до 5 тыс. хорошо вооружённых бывалых воинов, то это повлекло бы за собой настоящую катастрофу. Не случайно, после разгрома мятежного ополчения, пленных казаков отпускали из тюрем, только если они ручались «не изменить, в Литву, и в Немцы, и в Крым, и в ыные ни в которые государства и в изменничьи городы, и к Лисовскому не отъехать»[65]. Опасность не исчезла и после разгрома М. И. Баловнева. В октябре 1615 г. воровские казаки Афанасия Кумы убили верейского воеводу В. А. Загряжского, разграбили Верейский, Рузский, Звенигородский, Боровский, Можайский и Медынский уезды, Кременск и Вышгород, пытались захватить Рузу и, самое главное, «вор Офонька и иные казаки хотели своровать, государю изменить, отъехать к Лисовскому». По мнению А. Л. Станиславского, Лисовский фактически предложил «свою кандидатуру на освободившееся место вождя русских казаков, недовольных правительством Михаила Романова»[66]. Польское командование также рассчитывало на приток к Лисовскому «воровских казаков». Об этом 15 (25) ноября 1616 г. писал К. Радзивилу из Смоленска А. Госевский: «те из них, кои сюда предались, твердят, что многие из них хотели бы отъехать до Лисовского, ведая, что при нём имеется их братия»[67].

Избавиться от опасного полковника русское правительство пыталось и привычными средствами дипломатии. Ещё в июле 1615 г. «к панамраде коруны Полские и великого княжества Литовского» из Москвы направили «гончика лёхкого з грамотою наскоро». В этой грамоте царь Михаил Фёдорович требовал, чтобы король «из государевой земли исподо Брянска Лисовского... велѣлъ вывести». Затем это же требование передал и посол Артемий Нечаев. В ответ на это в правительстве Речи Посполитой выразили удивление: «а што пишите же: люди короля его милости Полские и Литовские земли з Лисовским... землю

[64] *Станиславский А. Л.* Восстание 1614–1615 гг. и поход атамана Баловня // ВИ. 1978. № 5. С. 118.

[65] *Он же.* Гражданская война в России XVII в. С. 145.

[66] Там же. С. 154.

[67] *Пшэпюрка А. Г.* Ад добраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. Полк лісоўчыкаў у перыяд вайны з Масквой у 1615–1618 гг. С. 20.

Московскую пустошат и тому се дивуете, што се дѣет под час зсылки вашое з нами о добром дѣле, – ино сами вы то вѣдаете, што людем нашим великие причины, зацѣпки и задоры люди ваши Московские чинят, бо и войско ваше под Смоленском лежечи и отступаючи долгий часъ, и в нынешнее время беспрестаюку з людми нашими воюют, и по иным местцам люди ваши городы и волости короля его милости порубежные наезжают и пустошат, палят, людей мордуют, забивают, в полон берут, кровь невинную крестьянскую проливают, шкоды и убытки великие чинят». Паны-рады предложили царю сначала отозвать собственные войска и прекратить порубежные набеги, а потом уже жаловаться на действия королевских войск. Этим, однако, дело не кончилось. В следующем послании царские дипломаты объясняли, что требование отвода русских войск от Смоленска лишено всякого смысла, ибо «царского величества рати стоят под Смоленском… на государя нашего искони вѣчной отчине», а вот Лисовский напротив, «пришод безвѣстно к Брянску, многие мѣста пожёг и кровь многую хрестьянскую невинно пролил, а потомъ пришед искрадом, Карачев зжёг и кровь же крестьянскую многую пролил»[68]. В очередной раз дипломатический диспут о действиях *лисовчиков* зашёл в тупик.

Назначенный смоленским воеводой князь Иван Андреевич Хованский в августе 1615 г. также обратился к Ходкевичу, которому, помимо всего прочего, рекомендовал: «И тыбъ Карлусъ Хоткеевичь, поискалъ лучшаго, какъ в Крестьянствѣ кроворазлитье унятии, людей бы есте своихъ всѣхъ, Лисовскаго и иныхъ, которые в Государя нашего землѣ кровь Хрестьянскую проливаютъ, велѣлъ вывести»[69]. Это предложение было принято Ходкевичем столь же холодно, как и предшествующие.

Тем временем, пока шла неспешная дипломатическая переписка, Лисовский выжег Перемышль и, обойдя Калугу, где стоял Пожарский, прошёл между Можайском и Вязьмой. Под Вязьмой он какое-то время стоял в поместье князя Андрея Голицына в Семлёве, затем в с.Лубне. О состоянии его сил в этот момент имеются детальные сведения со слов перебежчика – литвина Наума Каяшкова. Согласно его показаниям, «стоит де и Лисовской от Вязмы за пятнадцать верст, перешёл московскую дорогу что к Вязме в селе в Лубне, а людей с ним которым побитца восемьсот человек, и в том числе четыре роты копейщиков да полтора ста человек черкас, а всех де и с Лисовским людей с купетцкими людми и с пахолки з две тысечи человек, да с ним же де и наряду четыре пушечки а у наряду пеших сто человек»[70]. Таким образом,

[68] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 605, 644–645, 708.

[69] СГГД. Ч. 3. С. 140–141.

[70] *Пшэпюрка А. Г.* Ад добраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. Полк лісоўчыкаў у перыяд вайны з Масквой у 1615–1618 гг. С. 18–19.

на пике своих успехов боевые силы Лисовского насчитывали всего 800 человек, включая 100 пехотинцев и 4 лёгкие пушки. Упомянутая перебежчиком артиллерия явно происходила из числа боевых трофеев полковника. Обращает на себя внимание изрядная численность лагерной челяди и маркитантов, сопровождавших *лисовчиков* на этом этапе похода – около 1200 человек. Это соотношение заставляет вспомнить утверждения Лисовского о том, что ещё до Орловской битвы в его распоряжении имелось не более 700 бойцов при общей численности полка примерно в 1500 человек. Судя по всему, именно в этих пределах и колебались реальные размеры сил полковника во время его знаменитого рейда.

Однако, сравнительно скромные силы не мешали полковнику действовать решительно и дерзко: 2 (12) октября, «на заутрие Покрова Пресвятой Богородицы» он ударил на Ржеву. Здесь вполне могла и закончиться карьера, как самого Лисовского, так и всех *лисовчиков*, поскольку на Ржевском посаде в это время стояла на постое рать его старого противника, боярина Фёдора Ивановича Шереметева, посланная из Москвы на помощь осаждённому шведами Пскову. Войска под командованием Ф. И. Шереметева, князя Василия Петровича Ахамашукова-Черкасского и дьяка Четая Оботурова выступили в поход ещё во второй половине августа и в Ржеве ожидали прибытия пополнений. Вместо них нежданно появился опасный враг.

Воеводы располагали достаточными силами, чтобы не только защитить город от разорения, но и совершенно уничтожить нападавших. Однако всё произошло прямо наоборот: «на ратных людей на коши под Ржавой на походе пан Лисовской с польскими и литовскими людми пришёл и с рускими с воры и с изменники… и много туто ратных людей кошевых побили, и коши поимали». Ратные люди были застигнуты врасплох на посаде и по слободам. Новое столкновение с Лисовским оказалось для Ф. И. Шереметева столь же катастрофичным, как и первое. Разгром был полным. Сам воевода с остатками своей рати заперся в Ржевском остроге и отсюда 13 (23) октября послал весть о поражении в Москву. Между тем Лисовский, стремясь сделать победу как можно более полной, «къ городу приступалъ великими приступы и едва отъ нихъ отсидѣшася». Вероятно, именно здесь и нашли своё первое и последнее применение четыре трофейные пушки Лисовского. Воеводы и ржевский осадный голова Григорий Фёдорович Образцов сумели успешно отразить неприятеля, однако большего добиться им не удалось[71].

[71] ААЭ. Т. III С. 109; ПСРЛ. Т. 14. С. 137; ПСРЛ. Т. 34. С. 263; ДР. Т. I. Стб. 198–199; согласно челобитной ржевского целовальника Чернцова, Лисовский атаковал Ржеву «октября в 10 день [1615 г.]» (Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1623 гг. М., 2012. С. 398).

Один из *лисовчиков*, Адам Жуковецкий, в письме к своему приятелю, поручику Эразму Райкевичу, весело повествовал о лёгкой победе над ратниками Шереметева: «И мы над ними зжалились, волокиты их избавили, и ко двору их отпустили и которые с ними похотели жить, тех мы похоронили. А Шереметев не хотел у нас пировать, в замку в городе живёт»[72].

Разгромив без особого труда застигнутые на постое войска, Лисовский выжег посады, «запасы государевы многие потопил», а затем стал лагерем на противоположном берегу Волги. Ржевские целовальники во главе с Гришей Чернцовым, собиравшие там в это время кабацкие деньги, жаловались в Москву: «как приходил во Ржеву на посад Лисовской с литовскими людми и с рускими воры, и во Ржеве посад и кабацкой двор, и винокурню, и кабацкой завод, солоды и ямень, и овёс, и хмель, и всякой кабацкой запас литовские люди сожгли и котлы и кубы пивные поимали. И как де Лисовской от Ржевы отошел, и тем кабацким целовальником кабцких запасов, котлов медных и железных, и деревеных судов завесть ничем, потому что у кабацких целовальников на кабаке был завод их, и тот их завод Лисовский пожёг и денги поимал, и дворы их и животы пожог»[73].

Ворвавшиеся в город *лисовчики* не ограничились истреблением кабацких запасов. Помимо того, они «многих ржевич посадцких людей и отца нашего святейшаго патриарха крестьян посекли, а иных поимали в полон, а иные разбрелись к Москве и па иным нашим городам». В итоге ещё в 1623 г. отмечалось, что в Ржеве «на посаде ржевских и зубцовских лавок и станков никаких нет, сожжены все в Лисовского приход… И ныне у них торжишко в городе в остроге, а на посаде лавок и торшку нет или торговать им не с кем и не чем»[74]

Однако, хотя посад и был разорён, сам «город» взять не удалось. В боях погибло немало казаков. Раздражённый неудачей, Лисовский приказал снять колокола с пригородных церквей и бросить их в колодцы. Ведя осаду, он рассылал загоны своих людей во все стороны, опустошая окрестности. Тимофей Усов сообщал из Волока Ламского, что «Лисовского и Литовскихъ людей чаять приходу къ Погорѣлому городищу и к Волоку, а загонные люди къ Погорѣлому городищу многіе объявилися». Лисовский действительно послал казаков в Погорелое Городище, велев захватить городок, назвавшись посланцами из Москвы. Однако этот замысел не удался[75].

---

[72] *Флоря Б. Н.* Письма к Лисовскому // Litwa w epoce Wazów. Warszawa, 2006. S. 325.

[73] Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1623 гг. С. 398.

[74] Там же. С. 415.

[75] *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 156; РК. Т. I. Стб. 97.

Трудно сказать, насколько продуманным был бросок Лисовского к Ржеве. Замыслами своими полковник не делился ни с кем, а действия свои предпочитал описывать уже задним числом, создавая впечатление их спланированности. У его людей впечатление было совершенно иное. «А куды де Лисовской похочетъ идти въ войну, и онъ о томъ отнюдь не совѣтуетъ ни с кѣмъ: которого дни ему идти и онъ велитъ вытрубить, чтобъ всѣ были готовы до коней, – сообщает Варнава Килеварт. – А какъ сядетъ на конь и куды пойдетъ, и туды за нимъ всѣ пойдутъ, не вѣдая никто, куды идетъ»[76]. Непредсказуемость действий полковника заставляла современных наблюдателей искать тому объяснений в области большой политики и высокой стратегии. В частности шведы подозревали, что рейд Лисовского направлен на срыв Дедеринских мирных переговоров. Голландские посланники Рейнгоут ван Бредероде, Дидерих Басс и Альберт Иоакими услышали в ноябре 1615 г. от толмача английского посла, что к месту проведения переговоров приближается «польский полковник по имени Лисовский, известный в России своими набегами», с ним то ли 2600 рейтаров, то ли даже 7 тыс. войска, и что, «служа королю польскому, он имеет намерение воспрепятствовать заключению мира»[77]. Вряд ли Лисовский преследовал столь далеко идущие цели, однако последствия его действий могли быть совершенно непредсказуемы.

Обеспечив себя добычей из обоза армии Шереметева, Лисовский попытался пополнить свои силы. С этой целью он постарался наладить связь с гетманом Ходкевичем, стоявшим в Смоленске. С этой целью он послал туда отряд из 40 поляков под началом ротмистра пана Синявского (один из пленных *лисовчиков* позднее показывал, что Лисовский направил к гетману «пахолка своего Шенковского да порутчика, имяни не упомнить, всего двенадцать человек»)[78]. Посланцы беспрепятственно добрались до Смоленска, пройдя через Бельский уезд, хотя о том было известно здешним воеводам. Вести, доставленные Синявским, изрядно порадовали Ходкевича, который выразил полковнику своё благоволение, послав ему в дар превосходного аргамака. Однако пополнения, направленные под Ржеву, оказались более чем скромными – всего 30 человек «изменников козличь и смольнян» под командованием козлитина Фёдора Щербакова. Но и этот небольшой отряд так и не добрался до стана лисовчиков. Путь Синявскому и Щербакову лежал через Бельский уезд и об их возвращении быстро стало известно в Белой.

[76] РИБ. Т. 8. Стб. 127–128.

[77] Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам // Проезжая по Московии. Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. С. 227.

[78] АИ. Т. III. С. 58.

Воеводы Иван Матвеевич Бутурлин и Семён Яковлев, один раз уже упустившие ротмистра, теперь были наготове. «На переём… з беляны и з дворяны и з детми боярскими, и с казаки, и с стрельцы» выступил сам Семён Яковлев. В сорока верстах от Белой в Пышковской волости у села Гавриловка 2 (12) ноября 1615 г. отряд Яковлева «встретил на походе» людей Синявского и Щербакова. «Бельский летописец» сообщает, что поляков и русских «воров» было 70 человек, а в «Книге сеунчей» говорится, что «шло литовских людей … с шездесят человек». Возможно, это свидетельствует о том, что десятку лисовчиков всё же удалось избежать гибели и плена. Но большая часть отряда была, несомненно, перебита. В плен попали 22 человека вместе с Синявским и Щербаковым. Победителям достался и гетманский подарок, которым они распорядились надлежащим образом: «и дары гетманские… тот аргамак дворяне и дети боярские, и всякие служилые люди прислали з Белой челом ударить царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу всеа Русии в Москве». Скандальная история с гетманским подарком надолго запомнилась в отряде Лисовского. О ней счёл необходимым упомянуть на допросе лисовчик, попавший в плен под Ярославлем. Не смог умолчать о том и сам Лисовский, постаравшийся, правда, изложить этот эпизод как можно более кратко и обтекаемо. По его словам, он «хоругви неприятельские до пана гетмана отослал через послов своих, которых, когда они до меня от пана гетмана возвращались москва под Белой переявши побила, а иных поимала, что у нас гнев великий вызвало, ибо не узнали мы воли пана гетмана»[79].

При разгроме отряда Синявского в руки победителей попали и письма, направленные в адрес Лисовского и его полка. Они были немедленно отправлены в Москву, а оттуда – под Смоленск, чтобы русские дипломаты могли использовать их в ходе переговоров. Захваченная и спешно переведённая на русский язык корреспонденция содержала послания гетмана Ходкевича, канцлера Льва Сапеги, референдария и писаря литовского А. Гасевского, Яна Гридича и Щенсного Вишеля, а также не нашедшее своего адресата упомянутое ранее письмо А. Жуковецкого[80]. Сапега сообщал Лисовскому, что его рапорт о взятии Карачева отослан им королю, который благодарит полковника за усердную службу. Вишель выражал намерение испросить у гетмана позволение, чтобы вступить в ряды *лисовчиков*, куда его звали многие товарищи. Гридич просил присылать на его

[79] ПСРЛ. Т. 34. С. 263–264; Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 38–39; АИ. Т. III. С. 58; *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 253.

[80] *Флоря Б. Н.* Письма к Лисовскому. С. 324.

адрес в Смоленск письма для канцлера Сапеги. Гораздо более важные сведения содержались в посланиях Ходкевича и Гасевского.

Выразив удовлетворение успехами Лисовского и пообещав испросить для *лисовчиков* особой награды у короля, гетман тут же предлагал им остаться на вражеской территории до 15 декабря, когда окончательно выяснится исход мирных переговоров. После этого он обещал прислать полковнику новые инструкции. Тут же он сообщал, что направляет Лисовскому коня-иноходца и просил прислать ему в Быхов хороших самопалов из числа боевых трофеев[81].

Александр Корвин Гасевский пространно сообщал полковнику о своих хлопотах в его пользу при королевском дворе, в результате чего «твою службу королевская милость внятно приимает». Одновременно он иронизирует над придворными «печальниками», которые ныне, видя королевскую милость к «рыцарским людям», стремяться использовать их для своей карьеры. Далее Гасевский сообщает важные сведения о своих планах усиления отряда Лисовского: «Токо б мы ведали про тебя, где ты был, и мы б к тебе послали людеи, потому что три роты не имели службы, а служба им была оказана на октября 21 дня. А перед выездом нашим Самоило Корсак из Орши пошел к тебе, а с ним колко сот людеи, чему мне диво, что он по ся места у тебя не бывал... Яз рад бы тебе пособил на твоего недруга, толко што Господь Бог на меня вспустил болезнь немерную, и конфедерацы колко тысечь людеи собралось было со мною идти в Московское государство воевать, то все стало б ся толко меня болезнь изняла»[82]. Далее Гасевский предлагал Лисовскому захватить изгоном неукреплённый Бельский посад и обосноваться там до получения вестей от командования. Кроме того, он сообщал о своих намерениях помочь *лисовчикам* выйти из пределов Московского государства: «О том тебе радею, чтоб ты поближе к нам придвинулся на срок декабря в 5 день, а к тебе прибудет тысеча добрых людеи на помочь, чтоб ты в земле дале, не боясь, шёл»[83].

Из данных писем видно, что и Ходкевич, и Гасевский придавали немалое значение действиям Лисовского и прилагали усилия к дальнейшему развитию его успехов, хотя осуществить свои замыслы в полной мере им так и не удалось.

Тем не менее, Лисовский всё же несколько усилил свой отряд за счёт вольных казаков. Около 60 человек привёл к нему из Заволжья атаман Ляд. Другой отряд возглавлял атаман Яков Шишов. Из войска Д. М. Пожарского к *лисовчикам* отъехало также около 100 казаков. Несколько позднее он завязал переговоры с бывшими казаками

[81] *Флоря Б. Н.* Письма к Лисовскому. С. 324.
[82] Там же. С. 326.
[83] Там же.

атамана Заруцкого, которые в количестве 500 человек стояли тогда под Смоленском. Однако, далее обмена посольствами это дело не пошло[84]. Собственно же силы Лисовского в период после осады Ржевы были довольно скромны. Согласно показаниям перебежчиков, в распоряжении полковника имелось тогда восемь хоругвей, в составе которых было 400 «литовских людей», 300 черкас и 150 «руских воров казаков» – всего 850 человек[85]. Эта цифра вновь хорошо согласуется с уже известными сведениями о численности *лисовчиков* под Карачевом и позднее под Вязьмой.

Простояв под Ржевой шесть недель, в первой половине ноября Лисовский оставив безнадёжную осаду. По мнению «Бельского летописца» причиной тому послужили известия о судьбе отряда Синявского. Хотя город ему взять и не удалось, результатом действий лисовчиков стал срыв похода русской рати на Псков. Боярин Ф. И. Шереметев вынужден был вернуться в Москву, поскольку его «ратные люди погромлены, а иные побиты, и стали ратные люди запасы и службою скудны»[86].

В Москве известия, полученные от Шереметева из Ржевы, вызвали новый всплеск тревоги и 15 (25) ноября воеводам находившихся под угрозой набега городов были разосланы царские грамоты с предостережением. «Воръ Лисовской со всѣми съ литовскими людми и съ черкасы и съ рускими воры ото Ржевы пошолъ наспѣхъ невѣдомо куды, а чаютъ его приходу въ Заволскіе городы къ Углечю, – говорилось в грамоте, направленной угличскому воеводе князю И. Ф. Волконскому. – И как къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ на Углечѣ жилъ съ великимъ береженьемъ неоплошно, и по городу бъ у тобя и по острогу всякіе осадные люди стояли по мѣстамъ, совсѣмъ на готовѣ, безпрестани, и сторожи бъ у васъ около города и острогу далніе, и стерегли въ день и в ночь безпрестани, и самъ надъ ними надзиралъ ежечасъ, и того берегся накрѣпко, чтобъ воръ Лисовской с литовскими людми к Углечю безвѣстно не пришли, и русскихъ людей оманомъ не подослали, и дурна какого не учинили»[87].

Преследование Лисовского было поручено князю Михаилу Петровичу Барятинскому, которому передали остатки армии Пожарского. Дьяк Семой Заборовский должен был привести их под командование князя в Волок Ламский. Кроме того, под начало М. П. Барятинского переходили и пополнения, направленные ранее в армию Шереметева и находившиеся в тот момент в Старице под

---

[84] *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 156.
[85] АИ. Т. III. С. 57.
[86] ПСРЛ. Т. 34. С. 264.
[87] АИ. Т. III. С. 56.

командованием Ивана Леонтьева. В целом эти силы насчитывали в своих рядах 1697 человек, причём среди них было 999 казаков. Вместе с Барятинским должен был действовать отряд иноземцев под командованием «выезжего из английской земли князя Артемия Исакова сына Астона»[88] – «Бѣлскихъ нѣмецъ съ капитаны 130 человекъ, да кормовыхъ иноземцовъ 141 человекъ и всего со княземъ Ортемьемъ иноземцовъ 254 человека»[89].

В царском наказе, выданном М. П. Барятинскому 24 октября (3 ноября), учитывая печальный опыт внезапных столкновений с непредсказуемым полковником, воеводе приказывалось «посылать по всѣмъ дорогамъ и по сторонамъ и подъѣзды и станицы частые, и велѣти про Литовскихъ людей провѣдывать подлинно, а самимъ дорогою ходить съ великимъ береженьемъ, и на станѣхъ ставитца въ крѣпкихъ мѣстѣхъ укрѣпясь обозомъ, и того беречь накрѣпко, чтобъ на нихъ Лисовской и Литовскіе люди безвѣстно не пришли и дурна какова не учинили»[90].

В то же время «съ людми збиратца и идти на Лисовского жъ» было велено князю Василию Ивановичу Туренину и Тимофею Васильевичу Измайлову. Им следовало прибыть в Ярославль и принять под командование 2105 человек (включая 1442 русских служилых людей, 602 «иноземцов, Литвы и Нѣмец прежнего выѣзду», и татар 61 человек). Им было велено «про Лисовского провѣдывати всякими обычаи накрѣпко, чтобъ онъ безвѣстно къ Ярославлю и къ инымъ городомъ не пришолъ и дурна какова не учинилъ и не извоевалъ».

---

[88] Уроженец Чешира, сэр Артур Астон, известный в русских источниках под именем «князя Артемия», происходил из знатной католической семьи и прибыл в Россию в июле 1612 г. вместе с Адрианом фон Кохоф (Фрейгер) и Джеймсом Гилем во главе отряда наёмников (в составе которого находился и Джеймс Шоу «Яков Шав»). Командование Второго ополчения во главе с Д. М. Пожарским отвергло их услуги. Зиму 1613/1614 г. отряд провёл в Архангельске, сыграв решающую роль в отражении нападения на город «польских и литовских людей и черкас». В конечном итоге, большая часть отряда выехала из России летом 1614 г., а 10 человек, включая Астона, его сына Артура и Шава, была всё же принята на царскую службу. Покинув не без труда русскую службу благодаря посредничеству английского посла Джона Меррика, Астон предложил свои услуги Сигизмунду III и в 1621 г. навербовал для участия в польско-турецкой войне крупный отряд британских наёмников. Около 1625 г. Астон был назначен губернатором английской католической колонии Авалон на Ньюфаундленде, вернулся в Англию весной 1627 г. и умер во время кампании герцога Бекингэма во Франции (*Скобелкин О. В.* Странствующие искатели приключений. Британцы под знамёнами московского царя // Родина. 2003. № 5–6. С. 18–21; *Он же.* Служилые иноземцы и деятельность Джона Меррика в России (1614–1617). С. 43–56).

[89] РК. Т. I. Стб. 96–97.

[90] Там же. Стб. 98–99.

В случае обнаружения неприятеля, воеводы должны были «смотря по вѣстемъ, прося у Бога милости, на Лисовского приходити и промышляти всякими обычаи и битися съ нимъ сколко Богъ помочи подастъ». Одновременно «по тѣм же вѣстемъ» было приказано быть наготове Григорию Валуеву и его людям в Вологде[91].

Собрав рать в Волоке Ламском, М. П. Барятинский должен был «наспѣхъ днемъ и ночью безъ кошей легкимъ дѣломъ» двигаться на соединение с В. И. Трубниным и Т. В. Измайловым и затем совместно «надъ Литовскими людми промышлять».

Лисовский же направился к Торжку, сжёг его посад, но вновь не сумел овладеть острогом. Двигаясь прямо на север, он намеревался достичь, по собственным словам, «моря ледовитого». Однако планы пришлось вскоре пересмотреть. Виной тому, по заверению Лисовского, стал некто Рыськевич, вероятно, тот самый, что присоединился к полковнику под Брянском. В своей реляции полковник называет его «Тышкевичем». «Связавшись с какой-то московкой», он бежал вместе с нею и двумя товарищами к русским, передав им сведения о численности и планах лисовчиков, сообщив также об их усталости и нехватке боеприпасов[92]. Впрочем, эти сведения должны были быть известны московским воеводам и без влюблённого Рыськевича со слов захваченных «языков» и бывших пленников, подобных Василию Лодыженскому.

В Москве замыслы Лисовского восприняли со всей серьёзностью. Для того, чтобы воспрепятствовать проникновению Лисовского на север было разослано повеление: «по Шекснѣ рѣкѣ межъ Устюжны и Бѣлаозера и въ иныхъ крѣпкихъ мѣстѣхъ велѣти тотчасъ засѣки засѣчь и укрѣпити с великими крѣпостми, и головъ и подымныхъ людей къ тѣмъ засѣкамъ собрати и велѣти имъ у засѣкъ стоять неотступно съ великимъ береженьемъ»[93].

Даже в далёкую Пермь Великую была 16 (26) октября направлена особая предостерегающая грамота: «Лисовской с полскими и съ литовскими людми пришёл ко Ржевѣ изгономъ, а умышленье де у него приходить в Поморскіе городы изгономъ же. И какъ къ вамъ ся наша грамота придётъ, и вы бъ жили съ великимъ береженьемъ, и сторожи бъ были в день и въ ночь безпрестанно, и станицы и въ подъѣзды посылали отъ себя частые куды пригожъ, и засѣки бъ в лѣсныхъ и въ крѣпких мѣстѣх и у засѣк всякіе крѣпости велѣли подѣлать и подымныхъ людей к засѣкамъ собравъ со всякими бои велѣли поставить и головъ

[91] Там же. Стб. 101–102, 104.

[92] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. 254; *Wisner H.* Lisowczycy. S. 69.

[93] РК. Т. I. Стб. 105.

къ нимъ урядили; а велѣли бъ имъ на засѣкахъ стоять бережно и усторожливо, чтоб одноконечно Лисовской к городомъ, и в уѣздъ, и к засѣкамъ, безвѣстно не пришолъ и не повоевалъ»[94].

Свои замыслы полковник всегда старался держать в строгой тайне от противника, не останавливаясь при этом ни перед чем. По сведениям Самуэля Твардовского, Лисовский попросту убивал тех своих людей, кто из-за болезни, ран или усталости не мог продолжать бесконечный рейд:

...ni przed, ni za sobą
Zostawując nikogo, kto-li z swych chorobą
Lub strawiony niewczasem ustał za nim kędy,
Ściął go samże[95]

Кроме того, согласно сведениям голландских посланников, он имел обыкновение «оставлять слабых коней, и когда ему удаётся достать лучших лошадей, то, подобно молнии, бросается вперёд, уничтожая всё, что ему попадётся и чего он не может увезти с собой»[96].

Неизвестно, собирался ли на самом деле Лисовский достичь Северного Ледовитого океана, как о том говорил своим людям, но в любом случае он меняет направление своего движения. Он движется мимо Твери и Кашина к Угличу, вступая в хорошо знакомые ему по прошлым набегам места. Однако на сей раз успеха здесь полковник не добился. Города запирали перед ним ворота, а воеводы собирали для отпора все наличные силы.

В Кашине воевода Фёдор Бояшев, «послыша про Лисовскаго, что онъ со всѣми людьми идетъ къ Кашину», ради усиления своего гарнизона задержал в городе уездных стряпчих, жильцов и дворян, которые хотели было уехать в Москву. «Для осадного времени» были оставлены здесь и дворяне, прибывшие ненадолго из Москвы по царскому поручению «для запасов» – Иван Семёнович Беклемишев и Исак Степанович Щербачов. Принятые воеводой меры вполне себя оправдали. Когда «Лисовской съ литовскими людьми подъ Кашинъ приходили, Иванъ Беклемишевъ... съ польскими и литовскими людьми на вылазкѣ, въ напускѣ и въ отводѣ бился явственно»[97]. Приступ лисовчиков был успешно отражён. Согласно преданиям, город спасло заступничество местночтимой святой – княгини Анны

[94] ААЭ. Т. III С. 109.

[95] «Ни перед собой, ни за собой / Никого не оставлял, если кто из-за хвори / Либо по изнеможению не мог следовать за ним / Приканчивал того лично» (*Wisner H.* Lisowczycy. S. 71).

[96] Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам. С. 227.

[97] АМГ Т. I. С. 134–135.

Кашинской. Согласно житию, во время осады святая явилась больному пономарю Успенской церкви Герасиму и принялась укорять за то, что гроб её не почитают, на него бросают шапки и даже садятся. Она же «ходатайствуетъ и заступаетъ градъ Кашинъ молитвами своими ко Господу Богу и Пречистей Богородице», спасая его от врагов и оберегая от пожаров. Герасим, пробудившись, обнаружил себя исцелённым и поведал всем о своём чудесном видении. С этого момента Анну начали почитать, как «крепкую во граде поборательницу» и более «не имеху... скорби от нашествия безбожных и латинския ереси восприемников, скверных и преокаянных литовских людей». Мощи святой вскоре были перенесены из деревянной Успенской церкви в Кашинский Воскресенский собор[98].

Продолжив движение, Лисовский выжег посады Углича, но городом овладеть не смог, после чего направился к Романову. В этот момент в распоряжении полковника находилось всего 850 человек, разделённых на 8 хоругвей: 400 «литовских людей», 300 черкас и 150 «руских воров казаков»[99].

О реальных возможностях *лисовчиков* многое может сказать состояние тех крепостей, которые они осаждали в ходе своего набега. Сохранилось описание укреплений Углича, сделанное в 1617 г. Вряд ли двумя годами ранее крепость, пережившая бурные события Смуты, имела иной вид: «у острогу мосты не домощены, и въ башняхъ мосты погнили, и у острогу жъ съ лица противъ приступныхъ мѣстъ рву не копано и чесноку не побито»[100]. Гарнизоны таких крепостей также не отличались ни большой численностью, ни обилием воинского снаряжения. Тем не менее, лишь внезапность удара и трусость воевод позволяли Лисовскому одерживать свои ошеломляющие победы.

Под Угличем *лисовчики* собрали «коло» для обсуждения дальнейших действий. Прежде «рыцарство» подобных советов не устраивало и, видимо, вполне полагалось на своего полковника. Но ныне ситуация в отряде изменилась. Оказавшись в глубине враждебного государства, ведомые в неизвестном направлении, *лисовчики* обеспокоились своей судьбой и решили взять её в собственные руки. Похоже, они потребовали от полковника, чтобы тот изложил им свои дальнейшие планы. Лисовский, судя по всему, не смог этого сделать, поскольку и сам, вероятно, не имел таковых. По крайней мере, оказавшийся вскоре в русском плену Кристоп Савинский заявил, что «им Лисовский своей думы не сказывает», сам он «думы… Лисовского не ведает, а чает, что Лисовский со всеми людми пойдёт в Литву, потому что с ним люди невеликие, к городом приступать

[98] *Кузнецов Б. В.* Видения Смутного времени.
[99] АИ. Т. III. С. 57.
[100] ААЭ. Т. III С. 121.

не с кем»[101]. Отзыв этот, как легко заметить, почти дословно повторяет мнение Варнавы Килеварта о скрытности полковника. В итоге «коло» приняло решение идти к Романову и Даниловской слободе[102], там стать табором на неделю, дать отдохнуть «истомным» лошадям и за это время разведать окрестные пути-дороги.

Похоже, что этот план, по сути ничего не решавший, пришёлся по душе не всем *лисовчикам*. Уже 24 ноября (2 декабря) романовский воевода Андрей Трусов сообщает, что к нему явились перебежчики – Мартын Хреневский, Остафий Харинский и Иван Данилов, которые сообщили о состоянии дел в отряде Лисовского. По их словам, «лошади де у них гораздо истомны, а зелья мало», а потому, если у воеводы имеются под рукой воинские силы, то самое время нанести решающий удар по ослабевшему неприятелю[103].

Лисовский, заняв Даниловскую слободу, оставил в ней половину своих людей, а вторую половину направил на три дня «в загоны» – добывать провиант и разведывать окрестности. О присутствии поблизости лисовчиков ярославский воевода князь Василий Тюменский узнал уже 26 ноября (4 декабря), когда «съ утра приезжали... в Ярославль бѣжь многая, а иные сѣчены». Израненные беженцы показали, что Лисовский находится в дворцовом селе Даниловском в 15 верстах от города, а его молодцы «многих уездных людей побили, и сёла и деревни повыжгли и пограбили». Но налёты лисовчиков не всегда оканчивались для них благополучно. На следующий же день, 27 ноября, воеводы князь Василий Туренин и Тимофей Измайлов прислали в Ярославль 10 пленников, захваченных в стычке с одним из загонов Лисовского под селом Вятским. Среди них были черкасы, «литовские люди» и один русский казак. Наиболее интересные показания дал литвин Кристоп Савинский, товарищ из роты Копычевского[104].

По его словам с Лисовским было около тысячи человек, без обозов и пушек, на усталых лошадях, но с запасом пороха. В отряде нет никаких «немцев», нет в нём и знаменитых казачьих атаманов Захарья Заруцкого и Павлика Голеницкого, как то, видимо, подозревали русские воеводы. Русскими казаками руководит некий атаман Сидорка, а загоном, разбитым у с.Вятского, командовал человек, личность которого весьма заинтересовала ярославского воеводу. Это был некий

---

[101] АИ. Т. III. С. 57, 58.

[102] В польских источниках об этом говорится, как о движении в сторону некоей Daupińskiej Slobody (?) (*Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 254; *Wisner H.* Lisowczycy. S. 71).

[103] АИ. Т. III. С. 57.

[104] Тут, вероятно, имеется в виду Пётр Копачевский, который позднее, после смерти Лисовского, командовал одной из 10 хоругвей полка лисовчиков, а затем и всем полком (*Wisner H.* Lisowczycy. S. 78).

«порутчикъ Козырь руской человѣкъ, молодъ, ростомъ высокъ, руского имяни ему [Савинский] не вѣдаетъ». Этот удалец сумел ускользнуть от государевых ратных людей при разгроме своего отряда[105].

В эти же дни Лисовский подумывал о захвате Костромы (вероятно, именно она скрывается в польских источниках, под названием города Chromion). Чтобы разведать обстановку в городе, туда был подослан лазутчик. Им стал Левка Ларивонов, «Спаса Ярославского монастыря крестьянин села Фёдоровского деревни Высокой». В четверг, 23 ноября, направляясь к с.Даниловскому, Лисовский проезжал мимо д. Высокой, где черкасы изловили Левку, приведя его на допрос. Крестьянину было предложено 50 рублей денег и сукно за то, чтобы он отправился в Кострому и разведал, «сколко на Костроме силы и сколко наряду». Левка, недолго думая, согласился и спустя два дня был уже на костромском посаде у церкви Св. Власия. Тут его приметил выезжавший в дозор костромитин Исай Есипов. Увидев, что «аж де едет к Костроме мужик, он того мужика взяв, привёл... в розряд». Оказавшись перед лицом воеводы стольника князя Ивана Хилкова, перепуганный Левка Ларивонов поспешил сознаться в своём грехе, поведав, что Лисовский ожидает только его возвращения, чтобы «приходити прямо к Костроме приступом»[106].

Несмотря на частную неудачу под Вятским и провал плана по захвату Костромы, отдохнув в Даниловском и перейдя Волгу между Костромой и Ярославлем, Лисовский углубился в Суздальские места. По пути он разорил Шую и её округу, а затем двинулся на Муром и Касимов, рассылая разъезды вплоть до мордовских селений. Сведения о направлении его движения были срочно доставлены в Москву: «А воръ Лисовской съ Литовскими людми стоитъ в Костромском уѣздѣ въ Даниловской слободѣ, а идти ему къ Суздалю, и къ Володимерю, и къ Коломнѣ, и къ Резани»[107].

Движение основных сил Лисовского и его отдельных загонов по территории Костромского уезда можно отчётливо проследить на основании сохранившихся документов, сообщающих о потерях, понесённых уездом в ходе «лисовской войны».

В Андомском стане в с. Богородское на р. Востре в местном храме Рождества Богородицы «отъ литовскаго разоренія с 124 г. пѣнія нет». В с. Бунково на р. Шаче «пустых 8 дворов – крестьяне в 124 г. отъ литовскихъ людей побиты, а иные от разоренія безвѣстно разошлись»[108]. В Дмитровцове стане в том же злосчастном 7124 году

[105] АИ. Т. III. С. 57.

[106] Там же. С. 58.

[107] РК. Т. I. Стб. 111.

[108] Материалы для истории сёл, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десятин. М., 1913. Вып. 5. С. 3, 9.

поп Василий из местной церкви Николы Чудотворца со своим тестем отправились в Москву «с прежними жаловальными грамотами» ходатайствовать о церковных землях и «того де попа Василья на дороге безвести не стало»[109]. Тогда же «Лисовскои съ лисовскими людьми съ рускими воры стояли в Костромскомъ уѣздѣ и Костромской уѣздъ и Чюдова монастыря вотчину воевали». После этого на погосте Шунга на Шунецком озерке осталось «14 дворовъ пустыхъ, а сказали, что 12 крестьянъ убили литовскіе люди, а 2 человека отъ литовскаго разоренья с жёнами и съ дѣтьми сошли безвѣстно в 124 г.[110] Да къ тому же погосту деревни Микулино[111] и Гридино[112] выжгли литовскіе люди, а было 4 двора Шатерино[113], Коробейниково[114], Рудино, Пестова[115],

[109] Материалы для истории сёл, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десятин. С. 26.

[110] «Да в том же погосте четырнатцать дворов пустых, а жили в тех дворах крестьяня Васка да брат его Олешка Денисьев, да Шумилко Ондреев, да вдова Маврушка Ивановская жена, да Федка Мартынов, да вдова Анница Осиповская жена, да вдова Федорка Меншикова жена Коновалова, да Оска Власьев, да Серешка Ефимов, да Гришко Обрусимов, да Иванков Гребенкин, да Шумилко Еремеев, да Дорофейко Омельянов, да Тренка Обросов, да Пятунка Минин. А сказали про те пустые дворы и про крестьян: двунатцать человек убили литовские люди, а два человека от литовского разоренья з женами и з детми сошли безвестно в нынешнем, во 124-м, году (Дозорная книга Ивана Михайловича Хрипунова и подьячего Григория Ильина вотчин Чудова монастыря в Костромском уезде // Государственный архив Костромской области. Ф. 179. Оп. 2. Д. 71. Л. 29об.–30).

[111] «Да в той же деревне двор пуст, и жил в нем крестьянин Тимошка Меншиков, и сказали про него, что его убили литовские люди в нынешнем, во 124-м, году» (Там же. Л. 30).

[112] «Деревня Гридино, выжгли литовские люди, как шол Лисовский, а было в той деревне четыре двора. А жили в нем крестьяня Симанко Иванов, да Васка Аристов, да Куземка Пахомов, да Шумилко Федоров. И про тех крестьян сказали, что их побили литовские люди» (Там же. Л. 30–30об.).

[113] «Да в той же деревне четыре двора пустых, а жили в них крестьяня Ларка Мартынов, Климко Овдеев, Гаврилко Иванов, Микитка Гаврилов. А про тех крестьян сказали, что их побили литовские люди в нынешнем, 124-м, году, как шол Лисовский из Даниловского, а жены их и дети меж двор кормятца христовым именем, а иные жены и дети в те ж поры побиты» (Там же. Л. 30об.–31).

[114] «Да в той же деревне двор пуст, а жил в нем крестьянин Ивашко Денисьев. А сказали, что его убили литовские люди в нынешнем, 124-м, году как шол Лисовский из Даниловской»(Там же. Л. 31).

[115] «Да в той же деревне двор пуст, а жил в нем крестьянин Шестунко Федоров. А сказали про того крестьянина, что его убили литовские люди в нынешнем, в 124-м, году, и жена его и дети ходят меж двор, кормятца христовым именем» (Л. 31об.).

Телякова, а Федотово тожъ[116], Ходырево[117], Омелино Семичово. И всего на погосте да 9 деревень жилыхъ, а на погосте и в деревняхъ всего жилыхъ 39 дворовъ… да отъ Литовскія войны запустѣло 32 крестьянъ, а изъ нихъ 25 человекъ убили Литовскіе люди какъ шелъ Лисовской в нынѣшнемъ во 124 г. изъ Даниловского, а 6 человекъ сошли безвѣстно отъ разоренья». На погосте Саметь – «пустыхъ 7 дворовъ, а сказали про крестьянъ, что побили их литовскіе люди въ нынѣшнемъ во 124 г., какъ Лисовской шолъ изъ Даниловскаго[118], а бобыли от литовскаго разоренья обнищали, ходятъ по міру, кормятся христовымъ именемъ. Да к тому жъ погосту деревни: Хрѣнова – пуста, а в ней 2 двора, а жили в нихъ крестьяне, а сказали про нихъ, что ссѣкли литовскіе люди в 124 г.[119], Заболотье – выжжена, а сожгли литовскіе люди въ 124 г.[120], а крестьянъ нетъ – Сокова[121], Давыдово[122], Новоселово[123]». На погосте Куников на р. Костроме от «литовского разорения» запустело

[116] «Да в той же деревне двор пуст, а жил в нем крестьянин Пиминко Меншиков. А сказали про него, что его убили литовские люди в нынешнем, в 124-м, году, а жена его ходит по двором, кормитца христовым именем» (Там же).

[117] «Да в той же деревне три двора пустых, а жили в них крестьяня Федка Коротаев, Иванко Михайлов, Иванко ж Михайлов. А сказали про тех крестьян: Иванка убили литовские люди в нынешнем, во 124-м, году, а Федка, и з женою, и з детми от литовского и от казачья разоренья сшол безвестно, а Ивашко умер собою» (Там же. Л. 32).

[118] «Да в том же погосте семь дворов пустых да изба пустая, а жили в них крестьяня Тренка Порамонов, Мосейко Кузмин, Пятунка Игнатев, Демка Порамонов, Петрушка Дмитриев, Онашка Семенов, Панка Максимов, Евдокимко Трофимов... А сказали про крестьян, что побили их литовские люди в нынешнем, во 124-м, году как Лисовской шол из Даниловской» (Там же. Л. 34).

[119] «Деревня Хреново пуста, а в ней два двора. А жили в них крестьяня Морозко, да Тимошка Самсоновы. А сказали про тех крестьян: что Мороску ссекли литовские люди в нынешнем, в 124-м, году, а Тимошка от литовского разоренья обнищал, сшол безвестно» (Там же. Л. 34об.).

[120] «Деревня Заболотье выжжена, а сожгли литовские люди в нынешнем, в 124-м, году, а в ней было два двора, а жили в них крестьяня Конашко Григорьев, да Митрошка Павлов. А сказали про них, что тех крестьян от литовского разоренья нет безвестно» (Там же).

[121] «Да в той же деревни четыре двора пустых, а жили в них крестьяня Гурка Еремеев, Тимошка Иванов, да бобыли Меншинка Иванов, да Пятунка Василев. И про тех крестьян сказали, что их побили литовские люди в нынешнем, в 124-м, году» (Там же. Л. 35).

[122] «Да в той же деревне три двора пустых, а жили в них крестьяня Тимоха Боровиков, Ганко Яковлев, Тишка Семенов. А сказали про тех крестьян, что их побили литовские люди в нынешнем, в 124-м, году как шол Лисовский из Даниловского» (Там же).

[123] Да в той же деревне двор пуст, а жил в нем крестьянин Тимошка Нефедов, а сказали, что его убили литовские люди в нынешнем, в 124-м, году, а жена его ходит по миру, кормитца христовым имянем (Там же. Л. 35об.).

12 дворов, причём 10 крестьян «сошли безвѣсно», а кроме того «воры казаки» у вдовы Настасьи Исаковской жены замучили мужа, после чего вдова тоже исчезла в неизвестном направлении[124]. В Нерехотском стане в с. Фёдоровском храм Рождества Богородицы «стоитъ безъ пѣнія от розоренія литовскіхъ людей со 124 г.», там же запустело два двора, жители которых «отъ литовскаго разоренья и отъ рускихъ людей войнъ во 124 г. сошли безвѣсно»[125].

В д. Родивоново «как шол Лисовский из Даниловского», запустело три двора, «а жили в них крестьяня Степанко Кондратьев, Шестанко Емельянов, Останко Матвеев, а сказали про тех крестьян, что их побили литовские люди». Запустели деревни Перилово Овсяниково тож и Лаврецово Медведниково тож. В них было четыре двора, где проживали крестьяне Федка Сидоров, Микитко Иванов, Левка Кузнецов и Поздянко Елантеев. Их всех «побили литовские люди в нынешнем, в 124-м, году». В разграбленной д. Митино запустели дворы крестьян Онкушки Наумова и Сенки Онтипьева. Лисовчики «тех крестьян... замучили и деревню разграбили». В д. Иванцова погибли крестьяне Сенка Дмитриев, Первушка Елизаров, Офонка Исаков, а их жёнам пришлось «ходить по миру, кормитца христовым имянем». В д. Вежна Щипачёва тож на р. Иледомке люди Лисовского убили семь человек и сожгли «шесть мест дворовых крестьянских». В д. Овиницы «семи человек ссекли литовские люди, трех человек ссекли казаки, три человека от литовского разоренья сошли безвесно, человек от казацково разоренья сшол безвесно». В Минском погосте на р.Мезе лисовчики убили одного крестьянина, а ещё двух увели в полон. В д. Радилово (Рудаево) того же погоста «от ныняшняго литовского разоренья» запустело три двора. В д.Микитино Василево тож был убит бобыль Ивашко Деев[126].

В с. Марьинском Чёрного стана запустело «8 мѣстъ дворовыхъ, крестьяне от литовскихъ людей в 124 г. побиты». В с.Костома Шачебольского стана «пустыхъ 4 двора, въ нынешнем в 124 г. крестьяне отъ литовскихъ людей побиты, а иные отъ рускихъ людей воинъ разбрелися безвѣстно». В волосте Емста в с. Марьинском запустело 12 дворов – «крестьяне въ 124 г. побиты отъ Литовскихъ людей, а иные разбрелись безвѣсно»; в сельце Кулига – «3 двора крестьянскихъ пустыхъ, крестьяне отъ Литовскихъ и отъ рускихъ войнъ въ 124 г. побиты»; в с.Ильинском опустело 2 двора – «въ нихъ жили крестьяне и ихъ убили литовскіе люди»[127].

---

[124] Материалы для истории сёл, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десятин. С. 57–59.

[125] Там же. С. 65–66.

[126] ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 71. Л. 36об.–37об., 39–40, 42–43.

[127] Материалы для истории сёл, церквей и владельцев Костромской губернии.

Эта краткая и неполная сводка даёт яркое представление о том, что представляло собой движение отряда Лисовского по российским уездам. Примечательно и упоминание среди причин разорения «рускихъ людей воинъ» – ратники московских воевод для мирного населения были подчас неотличимы от *лисовчиков*. Кроме того, перечисление пострадавших сёл и деревень показывает, с каким размахом и насколько безбоязненно совершали лисовчики свои набеги по обширным пространствам Костромского уезда. Двигаясь из Даниловского в направлении Костромы, Лисовский опустошил территорию ближних к городу погостов Саметь и Шунга, но он же отправлял своих людей в загоны даже в станы, расположенные много севернее уездного центра – Андомский и Шачебольский, разоряя погосты на реках Мезе, Шаче, Костроме. После этого полковник спокойно переправился на правый берег Волги и продолжил свой путь в направлении Нерехты.

Покинув пределы Костромского уезда, Лисовский пересёк Ермолин, Клоков и Талицкий станы Суздальского уезда, после чего 1 (11) декабря подступил к Шуе. Приближаясь к городу, лисовчики «загоняли крестьянъ многихъ; жгли и мучили или посѣкли, и въ полонъ имали и животы ихъ грабили и разоряли». Так были разорены сёла Взорново, Трутнево, Веригино, Нестерцово, Лихушино и Бельдюхино, а также расположенные далее к югу Телешово, Сергеево и Бонякино. Севернее Шуи загоны Лисовского выжгли сёла Шартомского Николина монастыря Пупки и Чернцы с деревнями. Здесь они также «крестьянъ сѣкли и разоряли». Не пытаясь овладеть Шуей, полковник двинулся дальше, опустошая сёла и деревни Иваново, Пустынь, Григорьево, Ярцово, Малые и Большие Дорки, Потанино, Матюкино, Павлюковку, Кочеватиху, Высокое, Михалково, Холмевское, Рудницы, Баламутово, Ромишки, Палех. Попутно был совершён набег на удалённые от движения основных сил сёла Кузнецово и Парское[128]. Лисовчики, судя по всему, двигались не единой компактной массой, но скорее разбившись на отдельные отряды-загоны. Это позволяло им разорять более обширную территорию и упрощало для полковника проблему получения продовольствия и фуража.

Шведский историк Юхан Видекинд, со слов новгородского дворянина Михаила Клементьева описывает общий маршрут Лисовского следующим образом: «пробившись с 1500 человек между Москвой и Осташковом, он пошел на Торжок, Городище, Ярославль, Кострому и до Нижнего Новгорода (Mindre Niugarden),

Отдел третий для Костромской и Плесской десятин. С. 132, 137, 158–159, 167.

[128] *Борисов В. А.* Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. М., 1851. С. 254–258.

затем двинулся через Муром (Ynorama) и Касимов (Laisamoff), Зарайск (Surch) и Seunein, вплоть до Брянска, сея на всем своем пути пожары и убийства»[129]. Голландские посланники отмечают, что Лисовский, «побыв несколько времени около Торжка, между Москвой и Осташковом, отправился в Ростов, сжёг город и пустился далее мимо Ярославля через Волгу до Данилова, повидимому, чтобы взять в плен купцов и захватить товары, которые шли в это время с Архангельской ярмарки в Москву, и что с Данилова, поворотив за юго-восток через Рязань, он воротился в Польшу»[130]. Русские источники описывают тот же маршрут следующим образом: «И пойде Лисовской от Ржевы войною и былъ под Кашинымъ и под Углечемъ… поидоша жъ межъ Ярославля и Костромы в Суздальскіе мѣста воевать и идоша на городъ на Кляземской. И поидоша межъ Володимеря и Мурома и идоша на муромское сельцо Мещеру… И придоша в Резанскія мѣста межъ Коломны и Переславля Резанскова на село Кузьминское. И поидоша в Тульскіе места, проидоша меж Тулы и Серпухова и пріидоша в Олексинские мѣста… и поидоша на Сѣверскія мѣста в Литву»[131].

Между тем погоня, организованная русскими воеводами за Лисовским, велась неторопливо. Воеводы безуспешно гнались за стремительным полковником, при этом сами опустошая окрестности. Двигаясь из Ярославля, князья В. И. Туренин и М. П. Барятинский, «а с ними… ратные люди, и нѣмцы, и казаки», вслед за *лисовчиками* запустошили вотчину князя Ю. Д. Хворостинина в Нерехотском стане Костромского уезда – «село Рожественово да село Бордаково и деревни». В селе Алексино Суздальского уезда вначале лисовчики «крестьян многих секли, а иных жгли и мучили, и грабили», а затем «князь Михайло Борятинский со своими ратными людьми грабили и мучили». Крестьяне знаменитого села Палех «разбрелись безвестно от казаков и побиты от Лисовского загонных людей и от ратных людей, как шли государевы ратные люди за Лисовским». Разрядные записи отмечают, что М. П. Барятинский «шелъ за Лисовскимъ не спѣшно и Лисовского не сшёлъ; а идучи воровалъ, уѣзды запустошилъ, села и деревни многіе разграбилъ». Это навлекло на него царскую опалу. Стряпчий Пётр Алексеевич Загрязский был послан, чтобы посадить князя в тюрьму в Суздале, а Ивану Романовичу Безобразову, ехавшему в полк князя Туренина, было дано особое поручение: «будетъ заѣдет князя Михайла Борятинскаго въ полкѣхъ и ему говорить: что ты князь Михайло воръ, жонка, а не слуга, сдѣлалъ измѣною, шелъ мѣшкотно

[129] *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. С. 373.

[130] Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам. С. 227.

[131] ПСРЛ. Т. 14. С. 137.

и за твоимъ многимъ воровствомъ Лисовской съ Литовскими людми многіе городы повоевалъ и пожегъ; да велѣно его бить по щекамъ, да велѣно князь Михайла привесть к висѣлицѣ а от висѣлицы воротя, послать в тюрму»[132]. Войска опального князя перешли под командование воеводы В. И. Туренина.

Если польские исследователи рисуют рейд Лисовского, как ряд беспрерывных побед, то отечественные историки подчёркивают неудачи *лисовчиков*, уверяя даже, что они двигались «крадучись, просёлками», «пробирались, как тень», но при этом «опустошая всё на своём пути»[133]. Каким образом им удавалось это совмещать, не объясняется. Истина же, как всегда, находится посередине. Лисовский, несомненно, избегал встреч с преследующими его воеводами, однако отнюдь не уклонялся от боя там, где мог рассчитывать на успех. Русские воеводы откровенно избегали прямых столкновений с Лисовским, однако успешно расправлялись с отдельными загонами лисовчиков, как то показали история с гетманским аргамаком и разгром поручика Козыря у с. Вятского. При этом среди самих лисовчиков также наблюдались внутренние неурядицы, неуверенность в конечном успехе. Об этом свидетельствуют случаи дезертирства, когда даже поляки «выезжали на государево имя», предпочитая сдачу неминуемой гибели среди необъятных просторов враждебной страны. Так поступили Рыськевич, Хреневский, Харинский, Данилов. К числу дезертиров, вероятно, можно отнести и «казаков из табору пана Лисовского» Григория Раткевича и Томаша Михайлу, осевших в Муроме в качестве сборщиков податей (правда, Г. Виснер почему-то считает их «наместниками» Лисовского в этом городе)[134].

После Перемышля Лисовскому действительно не удавалось овладеть ни одним городом, однако это не останавливало его от нападения на них, что наверняка сопровождалось разорением округи и посадов. Подойдя к Мурому, Лисовский отнюдь не пытался обойти его тайком.

Приближение Лисовского к Мурому не было тайной для русского командования. Во второй половине ноября этот город был назначен сборным местом для новой армии, выдвинутой против неуловимого полковника. Воеводе Михаилу Самсоновичу Дмитриеву было велено

---

[132] Материалы для истории сёл, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десятин. С. 75; *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 157; ДР. Т. I. Стб. 203.

[133] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Кн. V. С. 33; *Скрынников Р. Г.* Минин и Пожарский. С. 305.

[134] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 71. Возможно, тогда же расстался с полком Самсон Навацкий, оставивший след в истории освоения Сибири, как человек, положивший начало присоединению Якутии (Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953. С. 15–17).

«в Муромѣ збиратца съ людми и идти на Лисовского». Численность войск М. С. Дмитриева должна была составить 1778 человек, большая часть которых являлась татарами – арзамасскими, алатарскими, касимовскими, курмышскими, цненскими. Тогда же приказ собирать силы против *лисовчиков* получили в Рязани князь Фёдор Семёнович Куракин и Иван Александрович Колтовский, рать которых насчитывала 2074 человек. Все они должны были поддерживать постоянную связь с В. И. Трубниным и действовать согласно полученным от него вестям[135].

Сбор войск в Муроме не спас города. В начале декабря, как сообщает муромский воевода Богдан Иванович Полев, «Лисовский с литовскими людьми пришод к Мурому, приступал жестокими приступы с вогненным боем, и с щитами, и с приметы, и осадных людей з города збили, и тайник отняли, и они литовских людей з города и ис тайника выбили и, учиняя ис города выласку, многих литовских людей побили и поранили, и от города отбили, и сшиты, и сенные возы и зажигальные стрелы поимали и Лисовский со всеми людьми от Мурома отшол того ж дни». В бою отличились и стали сеунщиками арзамасский мурза Ишмамет (Кияз Мамеш), муромцы Григорий Чертков и посадский Меркулий Клепиков, торопчанин Шемахей Федцов[136].

Из этого описания видно, что полковник всерьёз пытался овладеть городом и на первых порах удача склонялась на его сторону. Лисовчикам удалось даже овладеть «тайником», благодаря чему им открывался проход за крепостные стены, а осаждённые лишались доступа к воде. Подводя своих людей к острогу, Лисовский использовал для их прикрытия осадные щиты. Кроме того, с обычной своей изобретательностью, пытался поджечь крепостные ворота при помощи возов с сеном и огненных стрел. Однако осаждённые благодаря удачной вылазке смогли сорвать все планы полковника. В ходе решающего приступа в ночь на 6 (16) декабря муромские женщины, вооружившись «камением и с дрекольми» бросились на помощь защитникам города и совместными усилиями выбили противника из «тайника», отогнав его от стен крепости. Некоторые из нападавших попали в плен, в сам Лисовский в ходе боёв за Муром получил очередное ранение[137].

---

[135] РК. Т. I. Стб. 107–111.

[136] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 40.

[137] Дополнительные детали осады и штурма Мурома содержатся в хронографе РНБ. Собр. Погодина. № 1465: «Воевода Богданъ Полевъ, дьякъ Федоръ Опраксинъ посовѣтовалъ со архимандриты и съ протопопомъ и со всемъ соборомъ Муромскимъ чюдотворцовъ мощи… принесоша въ городъ честнѣ въ соборную церковь Рождества Пресвятые Богородицы… а острогъ выжгли, что осадить нѣким, а людей из острогу вывели в городъ и городъ осадили и крѣпости всякія и бои подѣлали и около града дворы пожгоша сами же, и седоша в осаде посацкими людми, а служилые люди Муромцы были в тѣ поры на службѣ подъ

Хотя саму Муромскую крепость удалось отстоять, посад и окружающие его слободы, а также монастыри подверглись страшному разорению. «Литовские люди» убили попа Воскресенского монастыря Ивана, перебили братию Благовещенского монастыря, пленив игумена и пономаря. Если игумена затем отпустили за выкуп, то пономаря попросту сожгли вместе с монашескими кельями[138]. Лисовчики выжгли также Мережную и Плотницкую слободы, разграбили и сожгли дома и лавки на посаде. Некоторые приходские церкви после этого погрома так и не были восстановлены: «Да за осыпью за харчевной позади земские избы место церковное что была церковь Семеона Столпника запустела от литовского разорения… у реки на берегу Спаского звозу в переулке в Подокстовье место церковное, а бывала церковь Иоанна Милостиваго древяна и та церковь развалилась тому лет с тридцать и больше». В деревянной Георгиевской церкви «образ местный великих Страстотерпцев Бориса и Глеба да на той же дцке писан Благоверный Князь Владимир, а был тот образ обложен серебром и тот оклад ободрали Литовские люди, как приходил Лисовский». В Благовещенском монастыре были похищены образа, книги и покровы, вложенные ещё Иваном Грозным. В Спасском монастыре «образ Живоначальныя Троицы на золоте бывал тот образ обложен и тот де оклад ободрали Литва в 124 году как приходил Лисовской, да в

Великимъ Новымъгородомъ. И панъ Лисовской со многою ратью и огненымъ боемъ съ турами и со щитами ко граду Мурому приступали многажды жестокими приступы и изъ огненаго наряда дворы зажигали. И милостію Божіею и Пречистые Бого-родицы и Муромскихъ чюдотворцовъ помощію и заступлениемъ и государскимъ счастіемъ на при-ступахъ съ города и на выласкахъ многихъ Литовскихъ людой побивали… А в послѣдней приступъ къ Декабря къ 6-му числу въ ночи противъ праздника Николы чюдотворца Литовскіе люди тайникъ отняли и на градъ взыдоша и знамена поставили и въ тайникѣ сѣли и бысть у Муромцовъ недоста-токъ пороху и свинцу и битися изъ наряду нѣчимъ и помолившеся Богу и немощная чадь женескъ полъ выломаша въ соборной церкви у Рожества Пресвятыя Богородицы помостъ кирпичной и па-перть каменную и охрабрившеся яко крѣпціе испополини и приідоша къ Муромцомъ на помощь на градъ не съ оружіи ратнымъ, ни со остріемъ меча, ни скопіемъ, но съ каменіемъ и съ дрекольми и со-единившеся с мужескими поломъ въ тайникѣ и на градѣ въ приступѣ и на выласкахъ за градомъ Литовскихъ многихъ людей побиша, и живыхъ поймали, а самого Лисовского ранили, градъ очистили и людей уберегли… и съ того бою Лисовской со оставшими не со многими людми побежа раненъ съ великимъ срамомъ на Касимовъ и на Ижевескъ въ Литву, не пристовая ни къ которому граду, нападе бо на нихъ страхъ и трепетъ» (Из хронографа древлехранилища Погодина № 1465, статьи с царствования Бориса Годунова и до воцарения Алексея Михайловича // *[Попов А. Н.]* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 422–423). За указание этих сведений автор приносит благодарность А. Н. Фролову.

[138] ААЭ. СПб., 1834. Т. 3. 1613–1645. С. 141.

приделе образ месный Ивана Богослова бывало обложен серебром и тот оклад ободрали Литва...»[139]

Простояв под Муромом пять дней, лисовчики мимо Касимова двинулись в сторону Тулы. По пути, как сообщает Лисовский, он спалил города Stara Brzezaw (Старая Рязань?), Przosław (Переяславль-Рязанский?), Bysianki, Szebu-mie (Serebrnie) Brudy (Серебряные Пруды), Chełmiaczow/Chełwiaczów (Гремячев)[140]. Затем подступил к городку Wemierow, где выжег посад и штурмовал острог, но за недостатком боеприпасов не смог им овладеть[141]. Трудно сказать, что за селения скрываются под большей частью этих названий и действительно ли они настолько пострадали от рук *лисовчиков*, как о том сообщает их предводитель. Согласно русским источникам, Лисовский от Мурома «иде въ Мещеру, и прииде между Резани и Коломны на села Кузминския и оттуду идее въ тулския мѣста и серпуховския»[142].

После получения известий о приступах Лисовского к Мурому, Михаил Фёдорович выслал в полки своего личного представителя, И. Р. Безобразова, который явился в лагерь В. И. Туренина «на Резани въ селе Киструсѣ». Прибытие царского посланца заставило воеводу ускорить движение. «Перебрав людей» и оставив громоздкие обозы, он двинулся «резвым делом» на соединение с войсками Ф. С. Куракина, под началом которого ему и предстояло действовать дальше. Кроме того, в это войско должны были влиться отряды М. С. Дмитриева, которые тот собирал в Темникове[143].

Тем временем, обойдя по гигантской дуге Москву, *лисовчики* вышли в Алексинский уезд и только тут на были настигнуты русской ратью. Князья Ф. С. Куракин и В. И. Туренин, объединив свои силы, выступили «резвым делом без кошей», сумев, наконец, перехватить неуловимых *лисовчиков* в селе на Пчельне Любутской волости Алексинского уезда. Согласно донесениям воевод, в бою «многихъ Литовскихъ людей побили, и знамена поимали и языков на том бою взяли 85 человекъ». В Москве известие о победе было высоко оценено. Сеунщики Фёдор

[139] *Сухова О. А. и др.* Иконы Мурома. М., 2004. С. 18–20; *Тихонравов К.* Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857. С. 154, 158. Ещё в 1637 г. писцовая книга Мурома отмечала последствия набега Лисовского, перечисляя погибших людей, утраченные документы и разорённые храмы.

[140] Локализация неселённых пунктов осуществлена А. В. Зориным и А. Н. Фроловым. По предположению А. Н. Фролова, «Wemierow» следует отождествить с городком Венёв.

[141] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 254; *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 124.

[142] ЛСК. С. 701.

[143] ДР. Т. I. Стб. 203.

Жидовской и Олферий Зюзин получили богатые дары: «по ковшу да по сороку куниць, да по камкѣ, да въ четь по 15 рублевъ прибавки, да по 110 чети помѣстнаго окладу». После поражения *лисовчики* бежали в сторону границы и по пути «коши и раненыхъ литовскихъ людей во многихъ мѣстѣхъ пометали»[144]. Летопись, однако, оценивает достигнутый успех гораздо скромнее: «и едва ево сойде в Олексинском уезде князь Фёдор Семёнович Куракин, и туто ж с ними бывшу бою, мало ж ему шкоты починиша и людей у него побиша немного»[145]. «Часть арьергарда его в этом набеге была уничтожена русскими», – кратко сообщают голландские посланники[146].

Сам Лисовский относил этот успех русского воеводы исключительно на счёт измены ненавистного ему «Тышкевича», численного превосходства противника и присутствия среди русских войск «некого князя из Англии именем Артенам». Согласно его утверждениям, сэр Артур Астон («Артенам») имел под своим началом 700 «немцев», а в целом русские войска насчитывали около 7 тыс. человек. В своей реляции полковник, преувеличивая численность противника, вообще сводит всё сражение к нерешительному столкновению с отрядом Астона: «сей упомянутый князь Артенам с немцами своими хотел меня захватить, идя впереди войск. Я со становища вышел и тут он напал, но меня не заставши, в поле за мною погнался. Видя меня, крик учинили, а незадолго до того, со становища выходя, предался мне трубач их и о них достаточно мне поведал. Я тогда на оных крик оборотил людей своих, выстроил их, и они тоже тогда остановились, не желая на меня нападать. Я тоже с голыми руками вступать в бой не желал да и немного нас было, ибо многие по разным деревням разъехались, а до того разослал я своего немало войска одних к столице, к Калуге (Kałudze), к Одоеву (Oderewu) и на иные другие разные места... и так стояли в поле несколько часов: они неведомо почему не хотели [атаковать], а я и рад был бы, да не было ни с чем, ни с кем. Во всём войске по справедливости не имел и пятидесяти надёжных поляков... Однако за те несколько часов, что стояли, выходили охотники на гарц и несколько немцев убили, а моих ни одного... И тогда пустились в путь, а они не смели на нас нападать, ожидая артиллерии, которая за нами шла, и остались на том становище, где я ночевал»[147].

О потере знамён и пленных, о брошенных раненых и оставленных обозах полковник в своей реляции предусмотрительно не упоминает

---

[144] ДР. Т. I. Стб. 203; РК. Т. I. Стб. 115–116.

[145] ПСРЛ. Т. 14. С. 137–138.

[146] Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам. С. 228.

[147] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 254.

ни словом. Между тем, следы взятых на Пчельне пленников, прослеживаются в позднейших русских документах. Так, в списке полоняников в 1623 г. упоминается принадлежавший дворянину Матвею Измайлову «бѣлорусецъ Яска Силѣевъ, руское имя Яковъ... Оршанского повѣту... взятъ на бою на Пчѣлнѣ, какъ побили Лисовского»[148]. В датированном январём 1616 г. перечне захваченным в плен «поляком и литовским людем и черкасом и руским вором изменником», упоминаются среди прочих пленённый под Тулой «ис-под Киева запорожской черкашенин Ромашко Михайлов», а среди «языков, взятых на Пчельне», числится черкашенин Ивашко Буявский[149].

Среди тех, кто сражался против лисовчиков на Пчельне, были не только русские и «немцы» Астона, но и поляки. Некий Адам Миколаев, перешедший в православие с именем Иван, попал в плен ещё «при боярех под Суздалем» и с тех пор, не получая жалованья, участвовал в целом ряде осад и походов в составе царских войск. Во время рейда Лисовского он вначале находился в Угличе: «в осаде сидел от литовских людей и на вылоску ходил и бился, не щедя своей головы, убил поляка и лошадь взял». После этого, как писал позднее Адам-Иван в челобитной на царское имя, он «был на твоей, Государеве, службу в походе [с] столником со князем Васильем Ивановичем Туре[ни]ным да и со князем Ортемьем Астоном за Лисовским»[150].

Сражение на Пчельне обычно датируется 31 декабря, что явно неверно, поскольку 19 (29) декабря лисовчики были уже в Лихвинском уезде. Исходя из этого бой не мог произойти позднее 15 (25) декабря. Согласно К. Несецкому и К. Тышковскому, битва датируется 1 (11) декабря 1615 г., что совершенно не укладывается в хронологию рейда. Сам же Лисовский сообщает лишь, что битва на Пчельне произошла «за Тулой на втором ночлеге, а именно ultima decembris»[151].

Лисовский не дал навязать себе серьёзный бой, да и сам Куракин, добившись частного успеха, не смог его развить. «Несколько воевод было отпущено в погоню за Лисовским, но они бесплодно кружили из

---

[148] РИБ. Т. 2. Стб. 630.

[149] Документи Російських архівів з історії України. Львів, 1998. Т. 1. Документи до історії запорозького козацтва 1613–1620 рр. С. 90.

[150] *Малов А. В.* Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Фёдоровича на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой. Опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 232. Согласно условиям Деулинского перемирия, Миколаева вместе с другими пленными поляками следовало вернуть по размену на родину, однако он «не похотел итить на розмену», пожелав и дальше оставаться на российской службе.

[151] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 254; *Niesiecki K.* Herbarz Polski. S. 135; *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. S. 22.

одного места в другое; только в Алексинском уезде сошёлся с ним раз князь Куракин, но не мог причинить ему большого вреда и перехватить путь в Литву», – подводит итог этой погоне С. М. Соловьёв[152].

Не в силах разбить самого Лисовского, воеводы стремились уничтожить хотя бы отдельные его разъезды. Тульский воевода Ратман Алексеевич Вельяминов прислал в Москву 21 (31) декабря сеунщика Фёдора Истомина «с тем, что как Лисовской и литовские люди шли мимо Тулы, и Лисовского и литовских людей побили и языки многие поимали»[153]. В районе Тулы отряд, похоже, разделился по крайней мере на две группы. Одна двинулась на Лихвин и вошла в уезд со стороны Тулы 19 (29) декабря. Вскоре после этого, «декобря… в 22 день в ночи с пятницы на субботу приходили… к Лихвину… человек з двесте и болше… против их вышли на вылоску з дворяны и з детьми боярскими и с стрельцы и со всякими людьми и бились с ними до дня… от острогу их отбили и полону… у них отбили много розных городов… взяли детину рускова человека Первушку». Повторный приступ к городу состоялся «в ночи» 24 декабря (3 января) и также был успешно отражён.

Освобождённый пленник Первушка, крестьянин «немчина Павла Комлерока», показал, что был взят в плен на Мухори 19 (29) декабря, что сам Лисовский ушёл на Смоленск, а этот отряд выслал под Лихвин и было их около 200 человек, шли они мимо Одоева, провели две ночи в Белёвском уезде «у Николы Чудотворца Гостунского», а сходиться им с Лисовским было условлено за Перемышлем. Из членов отряда он мог назвать только своих бывших хозяев – неких пана Михаила и пана Еску[154].

Лихвинский эпизод оказался последним столкновением с *лисовчиками* в ходе рейда. Они двигались прямиком к границе. Путь их лежал по опустошённому краю, где невозможно было прокормить ни себя, ни коней. «Челяди мелкой и пахолков множество от холода великого померло», – сообщает Лисовский. Тем не менее, в первых числах января 1616 г. он успешно вернулся в Мстиславль и 17 (27) февраля прибыл в Смоленск. С ним в составе восьми хоругвей прибыло больше тысячи человек, в том числе сотня «немцев»[155].

После боя на Пчельне воеводы Ф. С. Куракин и В. И. Туренин «изо всѣхъ полковъ выбрали рѣзвыхъ людей, и послали про Лисовского провѣдывати до Брянска и до рубежа головъ князя Василья Волконского съ товарыщи». Разведчики провожали *лисовчиков* до Брянска, а

---

[152] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Кн. V. С. 33

[153] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 39

[154] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 122–123; АМГ. Т. I. С. 136–137.

[155] *Lisowski A. J.* Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616. S. 254; *Wisner H.* Lisowczycy. S. 71.

оттуда до самого литовского рубежа, удостоверившись в том, что они действительно покинули пределы России[156].

За период со второй половины февраля по конец декабря 1615 г. полк Лисовского проделал с боями более 3 тыс. км преимущественно по неприятельской территории. При этом около 1700 км от Ржевы и вплоть до возвращения в Мстиславль он прошёл всего за два месяца, причём в начале зимы. При этом следует учитывать и расстояния, покрытые загонными отрядами *лисовчиков*, действовавшими в стороне от основного пути движения полка. Неудивительно, что при такой стремительности Лисовского царским воеводам никак не удавалось ни нагнать, ни перехватить его. Другой характерной особенностью тактики Лисовского стало использование им во время рейда типично татарского способа ведения войны. Безостановочно двигаясь вперёд, полковник постоянно рассылал в стороны отдельные загоны, опустошавшие местность на значительном расстоянии от основных сил *лисовчиков*. Это прекрасно согласуется с описанием действий ордынцев: «Главный корпус (который они на своем языке называют кошем) движется… медленно, но безостановочно днем и ночью… фланги по приказу военачальника отделяются: каждый скачет в свою сторону на 8–12 лье от главного корпуса, но так, что половина – вперед, половина же – в сторону… каждый фланг, насчитывающий от 8 до 10 тысяч, делится в свою очередь на 10–12 отрядов, по 500–600 татар в каждом. Разбегаясь в разные стороны по селам, они окружают их… потом грабят, жгут, убивают всех, кто оказывает сопротивление»[157]. Подобная тактика с одной стороны облегчала снабжение отряда провиантом и фуражом, а с другой – затрудняла противнику организацию преследования. *Лисовчики* разом наводняли сёла и деревни, казалось, они были повсюду. Воевода, располагавший весьма ограниченными военными силами, получал известия о грабежах одновременно со всех концов своего уезда и не всегда мог даже определить главное направление движения неприятеля. Когда же ситуация прояснялась, преследовать неуловимого врага, как правило, было уже поздно. Лисовский всегда был на шаг, а то и на несколько шагов, впереди своих противников. Оторвавшись от Д.М. Пожарского, методично сжимавшего вокруг него кольцо острожков, полковник никогда более не давал московским воеводам возможности перехватить инициативу. Он заставлял их играть по собственным правилам, неизменно беря в этой игре верх.

Ещё одна любопытная особенность была отмечена Б. В. Кузнецовым – именно с Лисовским оказалось связано большое количество «видений», отмеченных в период Смуты. «Нападения

[156] РК. Т. I. Стб. 116.

[157] *Боплан Г. Л. де.* Описание Украины. М., 2004. С. 233.

Лисовского современникам, видимо, казались настолько грозными, что без чудесного заступничества здесь было не обойтись. За время Смуты он успел обойти значительную часть страны и отметился грабежами и насилиями во многих местах, его молниеносный рейд 1615 года, по большей части игнорируемый историками, ужаснул современников своими пожарами и разорениями. Перемещения Лисовского по стране неизбежно сопровождались видениями. Напуганная жестокостями провинция возвела его тем самым в ранг одного из самых главных и страшных врагов, преломив свои представления в видениях»[158].

Круговой рейд, как и другие подобные предприятия Лисовского (летний рейд 1608 г., отступление из Замосковья весной 1610 г.) был подвигом поневоле – его не планировали заранее, к нему полковника толкали обстоятельства. Тем не менее, замысел Ходкевича удался. Разоряя и опустошая всё на своём пути, *лисовчики* описали гигантскую огненную петлю по глубинным уездам Московского царства, оттянув на себя значительные российские силы и облегчив тем самым положение Смоленска.

Немедленно дали себя знать и другие последствия рейда. Имя Лисовского прозвучало уже 7 (17) января 1616 г. во время предварительных мирных переговоров со шведами в Дедерине. В ответ на речи русских послов шведские представители отвечали: «Оставьте говорить высокие слова: Лисовский не бог знает кто, обычный человек, и тот с невеликими людьми прошёл всё Московское государство»[159]. Заключённая в этих словах характеристика полковника даёт ключ к разгадке его удивительного успеха. Набег Лисовского продемонстрировал не только и не столько полководческие таланты самого полковника, сколько полную неспособность большинства его противников и плачевное состояние самого государства. Российские воеводы, как правило, избегали открытых сражений с лисовчиками, хотя успешно отстаивали от них даже наскоро сооружённые полевые укрепления. Казаки Лисовского свободно разгуливали по разорённым и обезлюдевшим за годы Смуты уездам, пока не сталкивались с активным и решительно настроенным противником, каким показал себя, например, Семён Яковлев. Стоит отметить, что уже в период следующей, Смоленской войны, когда на польско-литовской стороне также не было недостатка в лихих наездниках, повторения подобных рейдов не последовало. Они были возможны только в условиях Смуты.

---

[158] *Кузнецов Б. В.* Видения Смутного времени.

[159] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Кн. V. С. 79.

ГЛАВА 10

КОНЕЦ ЖИЗНИ

Последний период жизни Лисовского и обстоятельства его смерти

Рейд, проделанный Лисовским по Московскому государству, сплотил его разношёрстный отряд, превратившийся за эти месяцы из наспех сколоченной шайки в крепко спаянный закалённый в боях полк. Он не распался со смертью своего командира. Именно эти люди стали ядром тех «лисовчиков», что в последующие годы снискали громкую и страшную известность на полях сражений. «Как сам Лисовский бросался на все опасности, так приучил и своих солдат, и, как бы обрекши уже их на верную смерть, обыкновенно называл военным термином *погибшие* (perditi)», – писал о них современник событий Станислав Кобержицкий[1]. Ходили головокружительные слухи о похождениях Лисовского у берегов Ледовитого океана и в самой Сибири. Позднее один из *лисовчиков*, Ярош Клечковский, уверял своих доверчивых слушателей, будто они несколько дней двигались вдоль берега, а затем ступили на лёд, чтобы пересечь море, однако льдины стали трескаться и с грохотом сталкиваться между собой, заглушая человеческие голоса: «и лишь Господь Бог к удивлению нашему нас на берег вынес. И тогда снова к столице московитской направились мы»[2].

---

[1] *Кобержицкий Ст.* Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава // Сын отечества. 1842. № 4. С. 16.

[2] *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 123.

Надо сказать, что, по крайней мере один из лисовчиков, осевших в России, действительно повидал северные снега и, к тому же, оставил в истории след более значимый, нежели череда разорённых деревень. Самсон Навацкий, поляк «Лисовского полку», принял православие, женился, обзавёлся хозяйством, а в 1621 г. вместе с жёной и пятью своими «пахолками» был послан на службу в Томск. По пути его задержал тобольский воевода, которому самому требовались

Несмотря на победные реляции, рейд не стал для *лисовчиков* увеселительной прогулкой. Многие из них пали в боях, умерли от ран, стали жертвой зимней стужи, попали в плен, а иные просто перебежали к противнику. Начав поход во главе 430 человек, увеличив в Карачеве свои силы примерно до 1500, Лисовский уже в Даниловской слободе имел под своим началом всего 850 всадников, а по пути к литовскому рубежу потери ранеными, убитыми и дезертирами должны были составить, по меньшей мере, около 200 человек. Таким образом, из рейда вместе с полковником вернулось, вероятно, примерно 600–650 *лисовчиков*. Наибольшие потери полк понёс в битвах под Орлом

опытные служилые люди. Оправдывая задержку бывшего лисовчика, воевода ссылался на его возможную неблагонадёжность, уверяя, что оставил поляка при себе «для того, что в Томском городе и так в твоей государевой службе иноземцев много, а Томский, государь, город стоит на степи, и орды блиско, сидячие и кочевные, прилегли к Томскому городу блиско». Новому служилому положили в Тобольске жалованье в 18 рублей и предоставили жильё. Двор «иноземца Самсона Наватцково» стоял на Устюжской улице.

В 1628 г. Навацкого во главе 14 служилых людей отправили на Нижнюю Тунгуску, чтобы «промышленных людей от иноземцев оберегати и тех иноземцев приводити под государеву царскую руку и смиряти всяким ратным обычаем». Отряд Навацкого прибыл 1 августа 1628 г. в Енисейск. Здешний воевода Василий Аргамаков отказался дать Навацкому суда для похода по Енисею и даже разослал промышленным людям предостережение, советуя «от них жить бережно и судов своих уберечи, чтобы не поимали». Но для бывшего лисовчика это не стало непреодолимой преградой: раздобыв брошенные ветхие суда, он доплыл до Туруханского зимовья, где объединился с другими тобольскими служилыми, посланными в эти места. Среди них оказался ещё один поляк, Антон Добрынский. Вскоре от аманата-тунгуса шамагирского рода Навацкий узнаёт, что «на великой реке Лене от их Шамагирской землицы неподалеку иные многие немирные землицы, называетца киндакиреи и варакаи, а кочуют-де чумами, да на Лене же реке живут юртами якутцкие люди». Чтобы проверить эти сведения, Новацкий направляет на неведомую реку Лену 30 человек во главе с Добрынским. Эта экспедиция открыла путь на Лену и положила начало присоединению Якутии. Добрынский вернулся лишь в 1631 г., потеряв в пути половину своих людей в стычках с аборигенами. В августе того же года Навацкий, наконец. добирается до Томска: «в нынешнем во 139-м году августа в 21 день… присланы ис Тоболска в Томской город поляки: Самсон Наватцкой, Остафей Михалевской, Пётр Сабанской, Павел Рыхлевской, Ян Ржицкой, трубач Матьяш Хозинской. А велено им государева служба служит в Томском городе з детми боярскими. А по Тоболской отписке и по росписи государева им жалованья оклады: Самсону Наватцкому осмнатцать рублев…» В Томске бывший лисовчик отражал набеги киргизов, встречал послов монгольского алтын-хана, доставлял отсюда в Москву документы о постройке Кетского острога и, судя по всему, погиб в 1643 г. в очередной схватке с кочевниками (Якутия в XVII веке (Очерки). С. 15–17; Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 6; Томск в XVII веке. Документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. Томск, 2005. С. 57, 159).

и на Пчельне. Однако успешное завершение рейда затмевало цену, которую пришлось за это заплатить.

Удачное возвращение из долгого и трудного похода принесло Лисовскому громкую славу. Имя его было у всех на устах. Король Сигизмунд III в письме Льву Сапеге 31 декабря 1615 г. заявлял, что «Лисовского отвага и доблесть... равно как похвалы, так и моего любезного на заслуги его взора достойна». А послы сеймика в Слониме 13 марта 1616 г. призывали обратить особое внимание на «пана Ал. Юзефа Лисовского, который, не беря денег, а лишь из любви к Его Королевскому Величеству и к Отчизне, коштом и промыслом собственным целый год в земле неприятельской доблестно провёл, битвы счастливые с вождями войск неприятельских проводил и выигрывал»[3].

Достигнутые успехи воодушевляли добиваться большего. Выступая на Сейме, Лев Сапега заявлял: «Если бы пану Лисовскому дать 20 тысяч, чтобы он выступил, как прежде, да задержал солдат смоленских, желающих устроить конфедерацию, то смог бы он остановить дерзкого неприятеля»[4].

Несмотря на успех, с каким вернулись хоругви Лисовского, никакой особой награды им не досталось. Как обычно, войска кормили себя за счёт грабежа, только теперь жертвами его становились не «московские люди», а собственные соотечественники. Сохранилась жалоба одного из пострадавших, Станислава Липницкого. В апреле 1616 г. он писал Ходкевичу, что «хоругви ясномилостивого пана Лисовского... на двор наехавши... хуже татар грабёж учинили»[5]. Это стало, вероятно, и одной из причин, побудивших Ходкевича поспешить с организацией нового рейда *лисовчиков* в московские пределы. В письме подканцлеру литовскому Евстахию Волловичу гетман прямо пишет: «Лисовского поскорее на Москву направить следует, дабы люди его, кои на Литве дурно чинят, шли бы с ним вместе за границу и туда бы всё это обратили»[6].

Между тем сам полковник выехал в Варшаву на Сейм, который работал там 26 апреля – 7 июня 1616 г. Вероятно, он просил там о вознаграждении за воинские труды, как самого себя, так и своих солдат. Было внесено предложение о выделении 20 тыс. злотых на жалование войскам в Смоленске, однако оно не было утверждено. Зато Сейм одобрил предложение о походе королевича Владислава на Москву. Кроме того король объявил о своей готовности оказать поддержку новому рейду *лисовчиков*. В послании гетману Ходкевичу Сигизмунд III

[3] *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. S. 24.

[4] *Пшэпюрка А. Г.* Ад добраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. Полк лісоўчыкаў у перыяд вайны з Масквой у 1615–1618 гг. С. 23.

[5] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 72.

[6] *Przepiórka A. G.* Wyprawa Lisowczyków na Siewierszczyznę na przełomie 1616 i 1617 roku. S. 88.

сообщил, что Лисовский, согласно королевскому приказу, получил из казначейства 10 тыс. флоринов для подготовки вторжения и гетману надлежит оказать ему всю возможную помощь для скорейшего выступления. Тотчас вслед за этим, 16 июля 1616 г., Ходкевич в своей ставке в Ляховичах огласил универсал, приказывающий Лисовскому принять участие в походе королевича. Полковнику предлагалось собрать участников предыдущего рейда и немедленно выступить с ними за московскую границу. Согласно Ходкевичу, *лисовчики* выступали «не только ради securitas отчизны нашей от народа московского… но и чтобы наступающему Его Милости Королевичу наилучшим образом дорогу проторить, а неприятеля разрыванием сил его ослабить»[7].

На ближайшие месяцы полковник и его люди оказались полностью поглощены заботами о подготовке к новому предприятию – пополняли свои ряды, запасали снаряжение, добивались денег. Под знамёна Лисовского стекались, как сообщает Казимир Тышковский, «вооружённые толпы не только польских авантюристов, но и казаков разного рода. Даже регулярные роты польского войска после роспуска их под Смоленском желали идти под команду удачливого вождя». Впрочем, собственно поляков в рядах лисовчиков, как и прежде, было немного. «Донцов и москвы меж ними сила», – пишет 26 апреля 1616 г. из-под Смоленска гетману Ходкевичу Анджей Скорульский. Дело дошло до того, что солдатам Смоленского гарнизона было прямо запрещено выезжать из укреплений верхом и в полном вооружении – командование боялось массового перехода их в ряды лисовчиков[8]. В конечном результате, готовясь к походу, Лисовскому удалось собрать под своим стягом 1200 человек. Каждый из них имел несколько коней и слуг. В целом, учитывая лагерную челядь, полк насчитывал в своих рядах около 3 тыс. человек[9].

Как обычно, не обходилось без неприятностей. Полк Лисовского продолжал сохранять свой добровольческий характер и солдаты не получали казённого жалованья. Поэтому на исходе августа «рыцарство» выслало к гетману Ходкевичу посольство во главе с ротмистром Петром Копачевским, требуя уравнять их с другими частями королевской армии. На это гетман отвечал жёстким письмо от 4 сентября, в котором заявлял, что «не без великого удивления пришлось читать мне послание милостивых панов» и напоминал, что «о поступках ваших милостей мне известно, ибо множество жалоб на грабежи ваших милостей ко мне поступает, но терпел оные ради того, чтобы вы при пане полковнике своём лучше Речи Посполитой послужить могли». В заклю-

[7] Materialy do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. S. 103; *Przepiórka A. G.* Wyprawa Lisowczyków na Siewierszczyznę na przełomie 1616 i 1617 roku. S. 88.

[8] *Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. S. 23.

[9] *Przepiórka A. G.* Wyprawa Lisowczyków na Siewierszczyznę na przełomie 1616 i 1617 roku. S. 89.

чении гетман напоминал *лисовчикам*, что может и разогнать их вовсе, ибо «слуг таких непотребных Отчизна сносить не может»[10].

Помимо жалоб на своевольство *лисовчиков*, в начале сентября Ходкевичу через Кроцкого, поручика хоругви Лисовского, поступила жалоба – на сей раз от них самих, где говорилось о «жестоком убиении нескольких товарищей и пахоликов» во время пребывания их в Чечерске – вероятно, здесь грабители получили, наконец, отпор[11].

Как бы то ни было, 11 (21) сентября 1616 г. полк вновь переправился на восточный берег Днепра близ Гомия и был готов к новому набегу: «Пріиде подъ Смоленескъ Гашевской съ Литовскими людьми и поставиша острогъ близъ Смоленского острогу, гдѣ сидят Московскіе воеводы, а на Сѣверу посла Лисовскаго съ своимъ полкомъ. Лисовской же пойде в Московское государство, похваляся»[12]. Однако похвалялся полковник прежде времени – возглавить этот поход пришлось уже другому человеку.

Перейдя границу, *лисовчики* подступили к Стародубу 20 (30) сентября 1616 г. Воеводы стольник Александр Михайлович Нагово и Иван Петрович Кологривов были не на шутку встревожены, однако уже всего через полтора дня Лисовский отошёл от города на десять вёрст. Затем стало известно, что полковник направился в Комарицкую волость, а 26 сентября (6 октября) в Стародуб явилось пятеро перебежчиков. От них воеводы узнали потрясающую новость: «Лисовской съ воинскими людми пошолъ изъ Стародубскаго уѣзду въ Комарицкую волость, и какъ будетъ от Стародуба дватцать восмь верстъ, и Лисовскому учинилась смерть вскоре: спалъ съ коня и издохъ при нихъ сентября в 25 день, на чюдотворцову Сергиеву память»[13].

Воеводы тотчас отписали об этом в Москву, но там, судя по всему, к новости отнеслись с недоверием. Однако вскоре пришло подтверждение: 14 (24) октября прибыло послание от брянских воевод князя Ивана Андреевича Дашкова и Василия Елизарьевича Протопопова, в котором пересказывались показания пленного литвина из полка Лисовского. На допросе пленник сообщил, что «Лисовской умеръ скорою же смертию, поразила ево невидимая сила Божия и богомерзскую свою душу злѣ извергъ»[14]. Летописец сообщает об этом почти теми же словами: «приде бо въ Камарицкую волость и внезапу спаде съ коня и свою окоянную душу испроверже»[15].

---

[10] Materialy do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. S. 103.

[11] Ibid. S. 103; *Wisner H.* Lisowczycy. S. 74.

[12] ПСРЛ. Т. 14. С. 140.

[13] *Азарьин С.* Книга о чудесах преподобного Сергия // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1888. Вып. 70. С. 45.

[14] Там же. С. 46.

[15] ПСРЛ. Т. 14. С. 140.

Тотчас после подтверждения радостной вести, 16 (26) октября 1616 г., от имени царя Михаила Фёдоровича была направлена особая грамота братии Сергиево-Троицкого монастыря, извещавшая монахов о смерти одного из их злейших гонителей. Очень скоро история смерти страшного полковника дополнилась легендарными подробностями. Смерть его в день памяти Сергия Радонежского не могла показаться современникам простой случайностью. В монастырь даже явились очевидцы – «нѣцыі отъ ихъ полку, Іванъ Полевъ, другиі съ нимъ нѣкоторыі, свидѣтели и самовидцы». По их словам, Лисовский пал жертвой собственной гордыни и безбожия. Явившись в пределы Русской земли, он остановился «на нѣкоемъ поле, нача всѣхъ приводити ко кресту, тако жъ и самъ крестъ целовалъ, что въ Росиіской землѣ православныхъ християнъ мечую предавати безо всякие пощады, мужескиі полъ и до ссущихъ младенцовъ: аще бы, рече, и прежъ сѣкли бесъ пощады, не бы убо ныне намъ сопротивны». Помимо этого, полковник, якобы, похвалялся дотла разорить Троице-Сергиев монастырь, довершив то, чего ему не удалось сделать прежде. В этот самый миг его и поразил гнев чудотворца: «І внезапу возбѣснѣвъ окаянныі, начатъ кричати и терзатись, и нападе на него тоска велика, и на лошедь часто садяся и паки слазя, валялся по земли, вопия и глаголя предъ всеми: о великиі Сергие! Ты мя не попустилъ! І во всѣмъ творя себѣ вина ко обители его и много тосковавъ, душу свою злѣ изверже»[16]. Если речи, обращённые Лисовским к Сергию Радонежскому, скорее всего являются плодом благочестивого домысла, то симптомы приступа, вероятно, соответствуют действительности.

Вне зависимости от того, несколько достоверны эти детали, фактом остаётся одно: русские источники относят смерть Лисовского к 25 сентября (5 октября) 1616 г. Между тем, польские источники называют другую дату смерти полковника. Согласно им это произошло 1 (11) октября 1616 г., когда, объезжая ряды своих солдат, Александр Лисовский внезапно замертво рухнул с коня и скончался на месте. Делегация его полка доставила эту скорбную весть в Ляховичи гетману Ходкевичу 9 (19) октября, а гетман известил об этом короля в письме от 22 октября: «Ныне уж третий день, как с невесёлой вестью от войска Лиссовского товарищество его ко мне приехало, ибо по смерти его самого, который undecima octobris [11 октября] в Москве едва ли не внезапно скончался, войско назад к границе попятилось»[17].

---

[16] *Азарьин С.* Книга о чудесах преподобного Сергия. С. 43–44.

[17] «Dziś dzień trzeci, jako z niepocieszną od wojska Lissowskiego nowiną towarzystwo jego do mnie przyjachało, że za śmiercią samego, który *undecima octobris* w Moskwie nie ledwie nagle umarł, wojsko się nazad ku granicy cofnęło» (J. K. Chodkiewicz do Zygmunta III, Lachowicze 22.X.1616 // Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. Rkps 1051. K. 114v–115v). Автор приносит глубокую благодарность Анджею Г. Пшепюрке за возможность ознакомиться с этим документом.

Фраза «едва ли не внезапно скончался» (nie ledwie nagle umarł) может свидетельствовать в пользу того, что между приступом, свидетелем которого был Иван Полев и прочие перебежчики, и собственно кончиной полковника прошло некоторое время. Скорее всего, 25 сентября (5 октября) у Лисовского случился приступ острой боли, после которого он потерял сознание и был замертво вынесен с поля, где проводился смотр. Всем очевидцам, вероятно, стало ясно, что полковник уже не оправится, что и стало причиной дезертирства Полева и его товарищей. Но реально смерть наступила только 1 (11) октября, после чего *лисовчики* в смятении поспешно отступили к литовской границе. Забрали ли они с собой тело своего командира или предали его земле в безвестной могиле – неизвестно.

Неизвестной осталась и причина смерти. Помимо божьей кары, говорили о сердечном приступе, предполагали даже отравление, виня в том кого-то из местных жителей или жительниц, российских агентов. Но никаких подтверждений ни одна из подобных версий так и не получила. Симптомы, описанные в показаниях Полева, могут свидетельствовать в пользу прободения язвы желудка, что сопровождается резкими и мучительными болями.

В свете этого не исключено, что подлинные обстоятельства смерти Лисовского могли отразиться и в «Песне о бессмертной памяти непобедимом полковнике Лисовском», появление которой датируется периодом 1620–1626 гг. Кончина полковника описывается тут следующим образом[18]:

До обнаружения этого письма польские источники точной даты смерти Лисовского не указывали. Как писал К. Тышковский, «известно только, что она имела место в первой половине октября 1616 г.» (*Tyszkowski K.* Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę. S. 27). Старовольский вообще относил её к 1614 г.: «Cumque iam patriæ operam egregiam præstitisset, & milites suos artes belli optime edocuisset, inopinata morte præreptus, ante ordines fuorum equitando, subito ex equo decidit & apoplexia extinctus est Anno 1614» (*Starovolsci S.* Sarmatiæ Bellatores. Coloniæ Agrippinæ, 1631. S. 223). Дату 11 октября ввели в научный оборот Г. Виснер и А. Пшепюрка (*Wisner H.* Lisowczycy. S. 75; *Przepiórka A. G.* Wyprawa Lisowczyków na Siewierszczyznę na przełomie 1616 i 1617 roku. S. 91).

[18] Wojenna Pieśń Polska. Warszawa, 1939. T. I. S. 88–89.

Наконец, покидая сей мир,
После проведённых в трудах многих лет,
Видя час своей кончины,
Рек он до своей дружины:

«Дети мои, старшие и младшие,
Час мой пробил
И я покидаю сей мир,
А вы остаётесь тут во славе!

Живите во взаимной любви,
Храните рыцарскую доблесть,
Меня не забывайте
И неприятеля устрашайте».

Потом с ними попрощался
И, Богу душу отдавая,
Воскликнул с покаянием, упав
на ложе: «Смилуйся надо мною, Боже!

Naostatek schodząc z świata,
Mając spracowane lata,
Widząc czas swojej godziny
Rzekł do onej swej drużyny:

«Dziatki me starzy i młodzi,
Już mój zegarek dochodzi,
Już się ja na on świat stawię,
Wy tu zostaniecie w sławie!

Żyjcic w wspólnej miłości,
Strzegąc rycerskiej dzielności,
A mnie nie przepominajcic,
Przeciwniki swe płoszajcie».

Potem się z nimi żegnając,
A Bogu ducha oddając,
Rzekł z skruchą padłszy na łoże
«Zmiłuj się nade rnną Boże!

Учитывая, что анонимный автор песни далее перечисляет ряд офицеров полка, упоминая обстоятельства их гибели, можно заключить, что он имел знакомых среди *лисовчиков*, от которых и получал информацию. Показательно, что Лисовский в песне вовсе не умирает скоропостижно тотчас после падения с коня. Напротив, он успевает проститься со своими соратниками и покаяться в грехах, что, в какой-то мере, сближает этот вариант с версией Азарьина.

Гетман Ходкевич был страшно огорчён полученным известием и говорил, что после этого у него изрядно уменьшились надежды на успех похода королевича. В письме к жене он писал из Ляховичей: «Едва вернулся домой, как весьма недобрые вести с украины застал. Лисовский, бедняга, умер. Войско назад попятилось и в двух милях от границ стало, куда ныне посылаю, а также и королю весть о том шлю. Сколь удивительно мне смерть того человека все планы смешала и что ныне делать и сам не знаю»[19].

Королю Ходкевич писал не только и не столько о своём замешательстве, сколько делился обеспокоенностью насчёт дальнейших действий *лисовчиков*. Он сообщал Сигизмунду III, что прибывшие к нему делегаты, помимо вести о смерти полковника, высказали и свои требования. Требовали же они гарантированного зачисления их на службу, в противном случае грозя просто разойтись. В этом случае тотчас возникали две опасности. Во-первых, оголялся участок пограничья и создавалась реальная угроза вторжения сюда русских войск. А во-вторых,

[19] Korrespondencyje Jana Karola Chodkiewicza. S. 96.

буйные *лисовчики*, разбредясь и оставшись без средств к существованию, неминуемо начали бы разорять уже пределы собственно Речи Посполитой. В любом случае, по словам гетмана, это «окончательное разорение государства Вашего Королевского Величества Милостивого Государя принесёт». Ходкевич сообщал, что пока что сумел убедить *лисовчиков* оставаться на месте, «если глубже в земле неприятельской быть не могут», и там ожидать возвращения послов, отправившихся ко двору короля[20].

Осиротевшим *лисовчикам* Ходкевич писал 10 (20) октября: «Весть о смерти столь великого и достойного в Речи Посполитой человека, пана полковника ваших милостей, опечалила меня... деяния его под командованием моим столь крепко между нами дружеский союз учинили, что как при жизни поступки его были мне великою радостью, так и смерть... великую печаль причинила». Одновременно гетман выражал «милостивому панству и братьям» благодарность за то, что они не только сообщили ему «злосчастную новость», но и сами изъявили готовность ожидать от него дальнейших распоряжений. Относительно *лисовчиков* у Ходкевича были далеко идущие планы[21].

Смутное время не пощадило род Лисовских. Под Троицей был убит Станислав, под Смоленском погиб Стефан, а Миколай семь лет провёл в русском плену. Удачно пережил все невзгоды только Ян. Пройдя вместе с Александром службу в Инфлянтах, он участвовал вместе со Станиславом в боях против турок и венгров. И, наконец, Юстиниан Лисовский командовал крупным казацким отрядом во время Московского похода королевича Владислава[22]. Однако, несмотря на богатый послужной список, никому из них не суждено было достичь известности и славы своего брата.

Поляк-протестант, большую часть жизни проведший за пределами Речи Посполитой, неуловимый наездник, выходивший сухим из воды после самых сокрушительных поражений, – Александр Юзеф Лисовский был подлинным героем своего времени – эпохи великой Смуты. Не будь её, он так и оставался бы никому неизвестным шляхтичем, рядовым участником мелких склок и неудачных бунтов. Но оседлав огненную волну Смуты, он оказался вознесён ею на небывалую высоту, заняв видное место на страницах истории. И умер он именно тогда, когда волна эта пошла на убыль и нужда в подобных героях отпала.

---

[20] J. K. Chodkiewicz do Zygmunta III, Lachowicze 22.X.1616 // Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. Rkps 1051. K. 114v–115v.

[21] Materialy do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego. S. 103–104.

[22] *Tyszkowski K.* Kozaczyzna w wojnach Moskiewskich Zygmunta III (1605–1618) // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1935. T. VIII. S. 78.

Александр Юзеф Лисовский умер. Однако его детище, созданный им полк, гордо носивший имя своего основателя, надолго пережил своего полковника, сохранив и приумножив страшную славу, приобретённую при его жизни.

ГЛАВА 11

ЛИСОВЧИКИ БЕЗ ЛИСОВСКОГО:

Северский поход 1616–1617 гг.

Несмотря на внезапную смерть полковника, запланированное вторжение *лисовчиков* в российские пределы всё же состоялось. Для московских воевод оно не стало неожиданностью. Стычки на пограничье не прекращались ни на день. Начало новой войны означало для порубежья лишь продолжение давно уже ставших привычными взаимных набегов. Ход военных действий в ходе нового рейда можно проследить, сопоставляя русские и польские источники. В обоих случаях в них старательно фиксируются даже малейшие собственные успехи и крайне скупо упоминается даже о крупных неудачах.

Существуют и разногласия относительно того, кто же командовал *лисовчиками* в этом рейде. Согласно польской стороне, гетман Ян Кароль Ходкевич первоначально прочил на этот пост ротмистра казацкой хоругви Миколая Руцкого. Однако лисовчики отнеслись к этому без особого энтузиазма и вскоре командование ими принимает хорунжий литовский Кшиштоф Ходкевич[1]. Русские военные донесения называют в качестве неприятельского командира полковника Родкевича (пана Радкевича, Раткевича или Раткеевича). Не исключено, что под этим именем в русских документах подразумевается сам Ходкевич. Это вполне возможно, тем более, что и в польских документах это имя писалось по-разному: Chodkiewicz, Kotkiewicz. «Новый летописец» описывает смену командования среди лисовчиков следующим образом: «литовскіе жъ люди выбраша въ ево (Лисовского) мѣсто въ полковники рохмистра Раткѣевича и поидоша назадъ подъ Смоленескъ. И недоходя Смоленеска тово Раткѣевича убиша и выбраша въ полковники пана Чеплинского»[2].

---

[1] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 77.

[2] ПСРЛ. Т. 14. С. 140.

При сравнении этих сведений с польскими источниками выясняется, что события конца 1616 – начала 1617 гг. совершенно прошли мимо внимания летописца. Кшиштоф Ходкевич (Раткеевич?) командовал *лисовчиками* и в конце 1616 г., и в марте 1617 г., когда они действительно получили приказ гетмана прибыть под Смоленск. Но прибыли они туда в мае 1617 г. уже под командованием полковника Чапиньского[3]. Исходя из этого, можно предположить, что мятеж, повлёкший гибель «Раткеевича», произошёл примерно в апреле 1617 г. Причиной тому, могли послужить разногласия, возникшие между полковником и его подчинёнными в ходе рейда по российской территории. Однако данное предположение вступает в противоречие с фактами биографии самого Кшиштофа Ходкевича. Великий хорунжий литовский благополучно пережил 1617 г., с марта 1623 г. он занимает пост конюшего литовского, в 1633 г. становится каштеляном троцким, в 1636 г. – каштеляном виленским, в 1642 г. – виленским воеводой и умирает 3 октября 1652 г.[4] Таким образом, он никак не может являться «Раткевичем», погибшим во время солдатского бунта. Возможно, что сведения автора «Нового летописца» оказались неточны и волнения при смене командования в полку обошлись без кровопролития. Анализируя данную ситуацию, современный польский исследователь Анджей Пшепюрка приходит к выводу, что в новый поход лисовчики выступили «вероятнее всего под началом Кшиштофа Ходкевича»[5].

Помимо смены командования, *лисовчиков* ожидала и смена их положения. Ходкевичу удалось добиться от короля выплаты полку казённого жалования. Гетману был выслан патент (list przypowiedni), дающий право набора 1 тыс. всадников с платой каждому из них 10 злотых. Это положило начало превращению ватаги вольных казаков в организованный отряд наёмников, какими и стали *лисовчики* во второй период своей истории[6].

Вторжение началось на исходе октября 1616 г., когда российские источники фиксируют первые столкновения с «литовскими людьми» под Стародубом – известие об удачной стычке доставил в Москву 28 октября (6 ноября) Константин Стромоухов, посланный от новгород-северского воеводы Фёдора Волынского. Согласно этому донесению, сам Стромоухов и с ним атаман Резвой, под началом коего состояли «изо всех станиц лутчие люди», разбил отряд неприятеля в пяти верстах от Стародуба, захватив пленников и преследуя беглецов

[3] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 77.

[4] *Wolff J.* Senatorowe i Dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386–1795. Kraków, 1885. S. 66, 74, 81, 202, 223.

[5] *Przepiórka A. G.* Wyprawa Lisowczyków na Siewierszczyznę na przełomie 1616 i 1617 roku. S. 93.

[6] Ibid. S. 92.

– «и топтали литовских людей 8 вёрст»[7]. Вскоре от Волынского приходит весть о новой схватке с «литовскими людьми», но теперь уже под деревней Сугатевою Трубчевского уезда – отряд Ивана Стромоухова одержал победу над литвинами и захватил в плен «старшину их шляхтича Томаша Берестецкова». К середине ноября «литовские люди» обнаруживаются уже под Карачевом, где «полковник Раткеевич» неудачно штурмует городской острог. Карачевский воевода Иван Ловчиков сумел «отсидеться» от неприятеля и лисовчики, «отшод от Карачева с полверсты, стояли до полудня и отошли в Сомовскую волость»[8]. Направление движения вражеских сил прослеживается по этим донесениям вполне определённо. Мелкие стычки, которые происходят по пути, ничуть не препятствуют лисовчикам продвигаться вперёд, разоряя округу тех городов, с воеводами которых им приходится иметь дело. О дальнейших событиях русская «Книга сеунчей» молчит вплоть происшествий конца декабря. Это неудивительно. Именно к этому периоду относятся наиболее удачные действия неприятеля.

«По Стародубским вестем» 7 (17) ноября навстречу лисовчикам было приказано выступить мценским воеводам стольнику князю Василию Ивановичу Туренину и Дмитрию Фёдоровичу Скуратову и новосильским воеводам Михаилу Самсоновичу Дмитриеву и Ивану Ивановичу Чичерину. Для совместного противостояния врагу их силы должны были объединиться в Болхове. Общая численность русской рати составляла 4559 человек (часть из этих войск была оставлена в гарнизонах Мценска и Новосиля на случай осады)[9]. Численность неприятеля была, судя по всему, вполовину меньше. Готовясь к походу и составляя платёжные ведомости, ещё сам Лисовский числил в своём полку не более 1500 человек. Если даже к нему позднее присоединились другие подразделения, то вряд ли общее число отряда превысило при этом 2–2,5 тыс. человек.

---

[7] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 49.

[8] Там же. С. 50.

[9] «С стольником и воеводами со князем Васильем Турениным да з Дмитрием Скуратовым:

Дворяном и детем боярским из городов: Колужан 33 ч. Мещан 54 ч. Козлич 18 ч. Серпьян 13 ч. Лихвинцов 19 ч. Борович 31 ч. Ярославца Малаго 31 ч. Белевцов 110 ч. Болхович 140 ч. Ельчан 350 ч. Вороножцов 140 ч. да атаманов поместных 80 ч. Курчан 380 ч. Орлян 320 ч. Мещан 488 ч. Да козаков с вогненным боем: из Болхова 60 ч. с Ельца з головою 98 ч. ис Курска 150 ч. с Воронежа 140 ч.

С воеводами с Михайлом з Дмитреевым да с Иваном Чичериным; дворян и детей боярских из городов: Воротынцов 13 ч. Олексинцов 22 ч. Медынцов 27 ч. Одоевцов 213 ч. Соловлян 75 ч. Епифанцов 70 ч. Ливенцов 370 ч. Колужских Новокрещонов 8 ч. Новосильцов 366 ч. Чернян 190 ч. да козаков из Дедилова 100 ч. с Черни 70 ч. с Ливень 300 ч. из Белева Бобриковских 80 ч.» (Разрядная книга 7125 года // Временник ИОИДР. 1849. Кн. 3. С. 27).

Воеводам было предписано немедленно выслать разведчиков в расположение литовских людей, «чтоб над ними поиск учинить и языков бы добрых добыть». Захваченных «языков» следовало допрашивать и «пытать накрепко», добиваясь сведений о том, «сколько их пришло в Северские городы конных и пеших, и в которых местех а какими обычаи стоять, и куды походу их чаять, и нечаятъ ли к ним из Литвы прибыльных Литовских людей». Полученные сведения следовало спешно доставить в Москву[10].

Князь В. И. Туренин не смог по болезни принять участие в походе и ему было позволено отъехать в Москву. Командование «Северским походом» осталось в руках Д. Ф. Скуратова, М. С. Дмитриева и И. И. Чичерина. Между тем, тульский воевода князь Фёдор Семёнович Куракин 25 ноября (5 декабря) 1616 г. сообщил, что неприятель подступил к Черни. Из донесения, правда, оставались неясными силы и дальнейшие намерения лисовчиков. То ли мимо Болхова и Мценска проскользнул лишь передовой отряд «литовских людей», то ли сюда проникло всё воинство Ходкевича. Лисовчики могли начать разорять окрестности – Мценские, Одоевские, Черньские и Новосильские места, но также могли двинуться в сторону Тулы, Каширы или Рязани, а могли повернуть и на Северщину. Поэтому всем воеводам немедленно были разосланы приказания «промышлять над Литовскими людьми», если те появятся на территории их уездов. В случае, если «Литовские люди поидут х Кромам или х Курску или в Северские городы», борьбу с ними должны были возглавить М. С. Дмитриев и Д. Ф. Скуратов, «ссылаясь с Северских городов с воеводами».

Двигаясь от Стародуба к Трубчевску, а затем к Карачеву и Черни, лисовчики, наконец, в начале декабря появляются под Кромами. Против них из Болхова выступает Микита Совин, а из Новгорода-Северского – атаман Резвый. Под их началом находилось 1,5 тыс. донских казаков и местные дети боярские. Совин, известный своими успехами в схватках с татарами, оставил Резвого с основными силами под Кромами, а сам во главе небольшого отряда выехал в дозор, надеясь захватить языков. Однако его вовремя заметили разъезды Ходкевича. В итоге 200 лисовчиков внезапно атаковали и наголову разгромили отряд Совина. Сам предводитель попал в плен. На допросе он был вынужден рассказать всё о расположении своих сил под Кромами. Воспользовавшись этими сведениями, Ходкевич ночью напал на русский лагерь, полностью разгромив его. При этом в плен был захвачен и атаман Резвый. Вслед за этим Ходкевичу стало известно о том, что из Ельца и Ливен в сторону Вязьмы движется обоз с провиантом. Его сопровождал отряд детей

[10] Разрядная книга 7125 года. С. 27.

боярских и казаков под командованием некоего Толочана. Лисовчики спешно выступили на север и успешно перехватили обоз[11].

Между тем под Болховым воеводы М. С. Дмитриев и Д. Ф. Скуратов собрали по сведениям Ходкевича до 5 тыс. казаков, стрельцов и детей боярских. Накануне Рождества лисовчики появились у Болхова. Тут, наконец, и происходит их сражение с московской ратью. Воеводы, рассчитывая на своё численное превосходство, решились на сражение в открытом поле. Однако, несмотря на долгие приготовления московских воевод, битва оказалась для них крайне неудачной. Их рать была разгромлена, потери составили до 2 тыс. человек. Сам воевода М. С. Дмитриев был тяжело ранен в сражении, попал в плен и умер спустя несколько дней. Скуратов же с остатками своих сил укрылся за стенами Болхова. Подробности битвы, к сожалению, остаются неизвестными[12].

После этого поражения в помощь Д. Ф. Скуратову был прислан князь Иван Фёдорович Хованский с новыми силами (наказ воеводам датирован 20 (30) декабря). Численность рати «Северского похода» достигла теперь 6712 человек, включая крупные отряды из Путивля и Курска[13]. Помимо того, на сход с Хованским и Скуратовым должны

---

[11] *Przepiórka A. G.* Wyprawa Lisowczyków na Siewierszczyznę na przełomie 1616 i 1617 roku. S. 95.

[12] Ibid.

[13] «А с воеводами со Князем Иваном Хованским да с Дмитреем Скуратовым дворян и детей боярских из городов: Колужан 31 ч. Мещан 50 ч. Козлич 13 ч. Серпьян 13 ч. Лихвинцов 19 ч. Боровичь 31ч. Ярославца Малаго 31 ч. Воротынцов 13 ч. Олексинцов 19 ч. Белевцов 110 ч. Медынцов 14 ч. Болховичь 140 ч. Соловлян 75 ч. Одоевцов 213 ч. Епифанцов 70 ч. Ельчан 350 ч. Ливенцов 370 ч. Воронежцов 140 ч. да поместных атаманов 80 ч. Курчан 380 ч. Мецнян 488 ч. Орлян 320 ч. Новосильцов 376 ч. Чернян 190 ч. Колужан новокрещонов 8 ч. да с вогненным боем козаков конных из Болхова 60 ч. с Ельца з головою 250 ч. ис Курска з головою 150 ч. с Воронежа з головою 140 ч. из Новосиля 169 ч. з Дедилова 100 ч. с Черни з головою 70 ч. с Ливен з головою 300 ч. из Белева Бобриковских козаков 80 ч, с Оскола 163 ч. всего [казаков] 1482 ч.

Да с воеводою же со Князем Иваном Хованским велено быть в походе изо Брянска Василью Протопопову, а людей с Васильем по его отписке: Брянчан 54 ч. Рославцов 8 ч. Стрельцов 100 ч. Почепцов 8 ч. всего 170 ч.

Да ис Путивля Степану Чемесову да голове Юрью Беззубцову; а с ними: Путимцов 48 ч. Черниговцов 34 ч. Путимских и Черниговских 100 ч. стрельцов, Путимских жилетцких 79 ч. козаков, Донских атаманов и козаков 170 ч. Путимских бортников 27 ч. всего из Путивля 560 ч.

Да с Юрьем с Редриковым атаманов и козаков в Сомовской волости 806 ч.

Да в Северской же поход велено ис Путивля воеводам послати голов с сотнями.

И Декабря в 23 день, по отписке с Тулы воеводы Князя Федора Куракина да Бориса Давыдова, послано с Тулы в Северской поход дворян и детей боярских Тулян 150 ч.» (Разрядная книга 7125 года. С. 35).

были явиться елецкий воевода стольник князь Василий Григорьевич Ромодановский и ливенский воевода Тимофей Васильевич Измайлов.

Между тем, «литовские люди», повоевав Кромские и Карачевские места, а также перехватив обоз продовольствия, направлявшийся к Вязьме, двинулись на юг в сторону Курска. Воеводы следовали за ними, не решаясь, однако, вступить в бой.

Лисовчики под командованием «пана Родкевича» появились на берегах реки Моквы под Курском «на Филиппов пост», в середине декабря 1616 г. Курский воевода И. В. Волынский послал против них стрелецкого голову Левонтия Жердина, который успешно атаковал неприятеля и захватил двух пленников. Весть об этом пришла в Москву 20 (30) декабря, а уже на другой день из Курска прибыл новый сеунщик. Оказалось, что победа на Мокве отнюдь не имела такого значения, как хотел представить воевода. Буквально сразу после этого боя, литвины подступили к самому Курску и штурмовали острог. Воевода вывел своих ратников на вылазку, в ходе которой «литовских людей многих побили и из слобод их выбили и языки поимали». Польские источники утверждают, что Ходкевич в ходе своего рейда «спалил Курск» – вероятно, тут имеется в виду разгром посада и слобод, сопровождавшийся пожарами[14]. В битве за Курск, в сражении за слободы особенно отличился Григорий Маслов. В награду за эти подвиги ему была оказана честь стать *сеунщиком* – вестником победы. Он отвёз известие о поражении врага в Москву и за то получил от царя «пять рублей да четыре аршина сукна доброго»[15].

Но и после сражения у стен Курска противник, отойдя от города, расположился лагерем всего в восьми верстах от него, опустошая окрестности. За время своего рейда «пан Родкевич» успел нанести Курскому уезду весьма серьёзный урон, разорив деревни и сёла. Помимо прочего, им было захвачено в плен самое большое количество людей за последнее время – 45 человек[16].

Было похоже, что «литовские люди» не торопились покидать окрестностей города. В конце января 1617 г. над Курском вновь нависла опасность. Подойдя к городу, «литовские люди» хотели расположиться на посаде и осадить крепость. Но воевода Иван Волынский «с ратными людьми из острога выходил и с литовскими людьми на посаде бился и литовских людей побили и языки поимали и от посаду их отбили». Поляки отошли от Курска и стали лагерем в шести верстах от него. Угроза городу, как и после боя на Мокве, оставалась. Имея печальный

[14] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 77.

[15] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 51.

[16] *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI первая половина XVII века. Белгород, 2004. С. 124.

опыт такого соседства, воевода выслал против неприятельского стана стрелецкого и казацкого голов, которые ночью незаметно подошли к польскому лагерю и атаковали его. Застигнутые врасплох, «литовские люди» были разгромлены наголову. Отличившийся в боях Тарас Чеплыгин был послан в Москву с сеунчем[17].

Вслед за этой победой Иван Волынский переходит в контрнаступление, желая полностью очистить Курский уезд от неприятеля. С этой целью он отправляет в поход отряд во главе с Кондратом Шумаковым. В 30 верстах от Курска на речке Хон Шумаков наносит новое поражение «литовским людям», захватив в ходе боя 12 пленников. В награду за этот подвиг его посылают *сеунщиком* в Москву – доставить царю весть о победе (*сеунч*). Он прибыл в столицу 5 февраля и за добрую весть поучил «5 рублев да сукна доброво у казны 4 аршина без чети по 2 рубли по 16 алтын 4 деньги»[18].

Приближение войск Хованского и Скуратова вынудило «литовских людей» покинуть округу Курска. Выбитые со своего стана на речке Хон, они стремительно ринулись на Оскол и в первых числах февраля 1617 г. взяли его изгоном. Главную роль в погроме Оскола сыграли запорожцы знаменитого полковника Пырского, вероятно примкнувшие к лисовчикам где-то в ходе их похода. Город и уезд понёс тогда тяжёлые потери – убито и пленено было не менее 458 человек[19]. Подробности этого погрома не сохранились. Известно лишь, что «черкасы пришли к Осколу безвестно тем же обычаем, как х Кафе, и по грехом Оскол взяли таким же обычаем, как учинили над Кафою взяли искрадом город Кафу», – так объясняли падение крепости в Москве думный дьяк Пётр Третьяков в беседе с крымским послом Мехмед-агой 22 февраля (4 марта) 1617 г. Возвращавшийся в это время из Крыма толмач М. Нагаев узнал о катастрофе 9 (19) февраля, когда остановился в Валуйках. Тут ему сообщили, что Оскол захвачен и силы противника всё ещё стоят на его пепелище. Это вынудило Нагаева ехать в Москву обходным путём[20].

Согласно данным Разрядных книг, «литовские люди» после разгрома Оскола «пошли к Белугороду» и затем скрылись в степях. Однако, согласно иным сведениям, поступившим в Москву, у них имелись более воинственные замыслы: «а взяв Оскол, подбегали под одну ночь под Воронеж, а хотели так же изгоном и искрадом над Воронежем учинить, как и над Осколом. И милосердный бог на то их не допустил, а царьского величества воронежский воевода с воронежцы и иных укра-

[17] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 53.

[18] Там же.

[19] *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. С. 123.

[20] Документи російських архівів з історії України. Львів, 1998. Т. 1. С. 106, 107.

инных городов с людьми от тех черкас поостереглись и над ними над самими поиск учинили, от города отбили и прогнали, и многих побили, а иных живых поимали»[21]. Более детально эта история изложена в «Книге сеунчей». Согласно её сведениям, в первой половине февраля около 5 тыс. «литовских людей и черкас» подступили к стенам Воронежа и дважды штурмовали его «со всех сторон жестокими приступы с нарядом и с щиты, и с приметом». Однако воронежцы во главе с воеводами князем Василием Пронским и Артемием Лодыгиным штурм отбили, а затем предприняли вылазку, нанеся противнику тяжёлые потери. Защитники города не дали врагу выжечь посад и захватили «языки, и знамёна, и литавры, и зелья в приметах поимали». Вслед за этим Ладыгин атаковал осадный стан неприятеля и обратил черкасов в бегство, преследуя их по Оскольской дороге десять вёрст до самого Дона[22].

Интересно, что в числе пленников, захваченных при отражении нападения на Воронеж, «с теми черкасы взяли государевы воеводы 13 донских атаманов и казаков человек з дватцать». После допроса одни из них были повешены, другие посажены на кол[23]. Присутствие донцов лишний раз свидетельствует о традиционно пёстром составе полка *лисовчиков*.

Таким образом, ситуация вокруг Оскола вполне соответствует давно отработанной *лисовчиками* тактике. Захватив укреплённый пункт, они превращают его в свою опорную базу, совершая отсюда опустошительные набеги на окрестности. С приближением армии Хованского и Скуратова они оставляют Оскол, выжигают его укрепления и уходят в сторону Белгорода. Возможно, именно неудача под Воронежем и потери на этом этапе похода и привели к бунту, о котором упоминает «Новый летописец». Но, вполне возможно, это случилось ещё раньше. Дело в том, что сам Ходкевич находился в Быхове уже 29 декабря (7 января) 1617 г. – именно этой датой помечена его реляция на имя гетмана (Relacyja p. Kotkiewicza na ten czas starszego nad pułkiem ludzi nieboszczyka p. Lisowskiego… *7 Ianuarii anno 1617*). Кроме того, в этой реляции ничего не говорится о захвате столь важной пограничной крепости, какой являлся Оскол. Ходкевич ставит себе в заслугу всего лишь взятие тридцати острожков на Северщине и в Комарицкой волости. Таким образом, скорее всего, раскол среди лисовчиков произошёл уже в ходе неудачных боёв под Курском, после чего Ходкевич с частью полка повернул к рубежам Речи Посполитой, а другая часть *лисовчиков*, объединившись с запорожцами Пырского, двинулась к Осколу, Воронежу

[21] Документи російських архівів з історії України. Т. 1. С. 106.
[22] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 54–55.
[23] Документи російських архівів з історії України. С. 108–109.

и Белгороду. В пользу этого свидетельствует и ряд датировок, отмеченных в польских документах. Так уже 24 декабря (2 января) в Быхове при гетмане литовском находилось около 40 *лисовчиков*. Пребывание группы *лисовчиков* фиксируется в Радомышле Житомирского повета на правом берегу Днепра 7 (17) февраля[24]. Вероятно, в обоих случаях имеются в виду те из них, что прибыли вместе с Ходкевичем. Участники взятия Оскола и приступов к Воронежу вряд ли могли проделать столь дальний путь за столь короткое время.

В любом случае, воевода Хованский только и мог, что послать в погоню за неприятелем голов с сотнями, которые сопровождали Пырского и *лисовчиков* до самого литовского рубежа, не рискуя, однако, вступать с ними в бой. Северский поход объединённой русской рати закончился. После этого Д. Ф. Скуратов остался восстанавливать Оскольский острог, а И. Ф. Хованский из Курска вернулся в Тулу[25].

Отступление Пырского не обошлось, впрочем, без столкновений, о чём свидетельствуют материалы переговоров с крымскими послами в Москве в марте 1617 г.: «Которые запорожские черкасы взяли было Оскол и около Оскола стояли, и дороги было заняли, и царского величества воеводы князь Иван Федорович Хованской с товарыщи с ратными людьми тех запорожских черкас на Осколе сошли и божиею милостию, а его ц. в-ва счастьем козаков побили наголову, а иных многих

[24] *Przepiórka A. G.* Wyprawa Lisowczyków na Siewierszczyznę na przełomie 1616 i 1617 roku. S. 96–97.

[25] РК. 1849: 40; *Танков А. А.* Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. Т. 1. С. 174; *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. С. 121–122. Украинский историк П. М. Сас полагает, что Оскол был захвачен запорожцами под командованием полковника Фёдора Пырского, отколовшимися от войск Юрия Вишневецкого после неудачной осады Путивля. Далее исследователь утверждает, что запорожцы пытались превратить захваченный Оскол в свою базу для дальнейших операций и отсюда они двинулись на Воронеж (*Сас П. М.* Запорожці у польско-московській війні наприкінці смуты (1617–1618 рр.). Біла Церква, 2010. С. 266–267). Однако он игнорирует прямое указание источников, что Оскол был захвачен «литовскими людьми и черкасами», действовавшими перед этим под Курском («Литовские люди быв у Курска, пошли к Осколу, и пришод изгоном, Оскол взяли, и город и острог сожгли, и пошли с Оскола к Белугороду» [РК. 1847: 40]). Крайне маловероятно, чтобы часть войск Вишневецкого после тяжёлой и неудачной осады 5 (15) – 16 (26) января 1617 г., решилась затем предпринять ещё один зимний поход, избрав своей целью наиболее удалённый от Путивля Оскол, минуя все прочие порубежные крепости. Кроме того, дальнейшие действия запорожцев совершенно нетипичны для их обычной набеговой тактики. А вот для «лисовчиков» это было обычно и к тому же все эти пункты лежали в пределах маршрута их движения в сторону «литовского рубежа»: Курск – р. Хон – Оскол – Воронеж-Оскол-Белгород. Возможно, что отряд Пырского действительно откололся от Вишневецкого и действовал независимо вплоть до объединения с лисовчиками где-то в районе Курска или на Хону.

поимали живых и там им вершенье учинили. И ныне на Оскол дорога чиста попрежнему»[26]. Судя по всему, масштабы поражения «черкас» были значительно преувеличены царскими дьяками в дипломатических целях.

Дальнейший маршрут польско-казацких сил по русским источникам не прослеживается. Вероятно, удалившись от Белгорода, войска разделились: казаки Пырского вернулись на Запорожье, а лисовчики двинулись к Речице, куда прибыли в марте 1617 г.[27]

Таким образом, даже лишившись своего знаменитого предводителя, *лисовчики*, пусть и в несколько меньших масштабах, но смогли в течение ноября–декабря 1616 г. повторить его рейд по «московитским пределам». В ходе набега они сумели нанести поражение русским войскам в полевом сражении, разорить ряд уездов, разгромить предместья нескольких городов (в том числе и Курска), а также уничтожить одну из российских порубежных крепостей. Действия российских воевод, как и в 1615 г., отличаются крайней пассивностью. Имея численный перевес над силами противника, они, тем не менее, упорно избегают прямых столкновений с ним, ограничиваясь преимущественно обороной крепостей. На протяжении всего Северского похода инициатива неизменно находится в руках лисовчиков. Для российских войск Северский поход после Болховского поражения превратился в медленное и осторожное следование за неприятелем без малейших попыток серьёзно помешать его действиям. Это резко контрастирует с активными и агрессивными действиями российских служилых людей, совершавших в то же время набеги на «литовские земли».

[26] Документи Російських архівів з історії України. Т. 1. С. 110.

[27] *Wisner H.*. Lisowczycy. Warszawa, 2004. S. 77.

ГЛАВА 12

ЛИСОВЧИКИ БЕЗ ЛИСОВСКОГО:

Московский поход 1617–1618 гг.

После возвращения из второго глубокого рейда по «московским землям» в полку лисовчиков произошла очередная смена командования. Кандидатом на должность полковника стал Януш Кишка – опытный солдат и выходец из знатного литовского рода, известный также своими тесными связями с покойным Александром Лисовским. Однако, по не вполне ясным причинам, Кишка так и не принял командования и под Смоленск 12 мая 1617 г. полк прибыл под началом другого командира. Обычно им называется Станислав Чаплинский, однако, согласно Г. Виснеру, фамилия полковника звучала как «Чапиньский». Недавние исследования Анджея Пшепюрки показали, что предводителя лисовчиков звали Миколай Чапиньский – именно так он подписывал свои письма на имя гетмана Ходкевича из лагеря под Дорогобужем 6 июня и 19 июля 1617 г.[1]

«Воспитанный в школе Лисовского, он равнялся своему учителю», – так отзывался о новом предводителе лисовчиков современник. «Сей пан Чапиньский, хоть лично я оного не знаю, но как вижу я по действиям его, есть человек добрый. Если бы среди них [лисовчиков] мог бы он поступать, как хочет, то весьма было бы то хорошо», – писал гетману Ходкевичу (15) 25 июня 1617 г. А. Госевский[2]. Именно к данному периоду относятся первые точные сведения о структуре полка лисовчиков. В его состав входило 10 хоругвей по 100 человек каждая. Две из них, именуемые «красной» и «чёрной», находились под командованием самого полковника, а во главе прочих стояли Пётр Ко-

[1] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 77–78; *Przepiórka A. G.* Wyprawa Lisowczyków na Siewierszczyznę na przełomie 1616 i 1617 roku. S. 93.

[2] *Пшэпюрка А. Г.* Ад добраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. Полк лісоўчыкаў у перыяд вайны з Масквой у 1615–1618 гг. С. 34.

пачевский, Корсак, Лисовский, Моленицкий, Мрозовицкий, Плецкий и Валенты Рогавский. Десятой, казацкой хоругвью, насчитывавшей 86 человек, командовал ротмистр Свидницкий[3].

В это время, стремясь облегчить положение осаждённого Смоленска, войска старосты велижского Александра Гонсевского «поиде мимо острогъ Московскихъ воеводъ; и поставиша острогъ на Московской дорогѣ въ Твердилицехъ… и тѣсноту здѣлаша великую под Смоленскомъ». Таким образом, пути снабжения осадной русской армии оказались перерезаны[4]. Обеспокоенное положением войск под Смоленском, правительство Михаила Фёдоровича «слышевъ тѣсноту подъ Смоленскомъ ратнымъ людемъ и посла въ Дорогобужъ боярина князя Юрья Янъшѣевича Сулешева да князь Семёна Васильевича Прозоровского да князь Никиту Петровича Борятинского да дьяка Ивана Грязева, а съ ними посла государь многую рать». Армия князя Ю. Я. Сулешева остановилась в Дорогобуже и отсюда «послаша острогъ поставити на Славужъ»[5].

Прибыв под Смоленск и соединившись с отрядами Александра Гонсевского, лисовчики подступили к русским осадным острожкам, где находились войска под командованием воевод Михаила Матвеевича Бутурлина и Исака Семёновича Погожего. Один из них, наиболее крупный, был, согласно польским описаниям, обнесён валом, частоколом и даже имел угловые башни. На протяжении двух дней, 3 (13) и 4 (14) мая, под стенами его шли мелкие стычки и схватки поединщиков, а 5 (15) мая лисовчики стали готовиться к штурму. Напор поляков оказался слишком силён для гарнизона и в ночь на 7 (17) мая русские войска скрытно покинули укрепления, уйдя в сторону Белой. Острожек на Славуже постигла более печальная участь: «Литовскіе жъ люди придоша и острожекъ взяша, воевод и ратныхъ людей всѣхъ поимаша»[6].

Воодушевлённые достигнутыми успехами, *лисовчики* этим не ограничились и 14 (24) мая появились под Дорогобужем: «придоша к Гашевскому Лисовщики. Гашевской же собрался съ всѣми Литовскими людьми… и пріидоша къ Дорогобужу внезапу и стада конскія многія отгониша, едва можаху съ ними противитися». Однако тут после первых успехов лисовчики потерпели полное поражение. Все владельцы угнанных лошадей «выидоша изъ города» и ринулись на врагов. Воевода князь Ю. Я. Сулешев писал: «приходили под Дорогобуж полковник Чаплинской, а с ним польские и литовские люди и черкасы, и с теми

[3] *Кобержицкий Ст.* Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. С. 16.

[4] ПСРЛ. Т. 14. С. 140.

[5] Там же.

[6] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 78; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Кн. V. С. 95; ПСРЛ. Т. 14. С. 140.

людьми был бой и... польских и литовских людей и черкас побили наголову и языки многие, и знамёна и литавры, и трубки поимали, а взяли в языцех литовских людей 240 человек». *Лисовчики* были обращены в бегство и победители воодушевлённо «топтали тѣх Литовскихъ людей розными дорогами за рѣку за Ужу, от Дорогобужа двадцать верстъ». В жарком бою голова смоленской сотни Григорий Киреевский попал в плен, но уже вскоре «ево у литовских людей отбили». В награду за проявленную отвагу ему поручили сопровождать в Москву захваченных пленников. В сражении отличился также князь Пётр Романович Барятинский, посланный к царскому двору сеунщиком[7].

Польские исследователи (М. Дзедушицкий, Г. Виснер) этого эпизода не упоминают, хотя, вероятно, именно он объясняет отсутствие известий о действиях лисовчиков вплоть до июля 1617 г. Между тем поражение было значительно, и в Москве разгрому Чапиньского придавали тогда огромное значение. На победителей неуловимых *лисовчиков* пролился дождь царских наград. Князю Ю. Я. Сулешеву был пожалован «золотой в 5 золотых угорских», стольнику князю С. В. Прозоровскому – «золотой в полтретья золотых угорских», князю Н. П. Барятинскому – «золотой в два золотых угорских», а дьяку Ивану Грязеву – «золотой угорской». Кроме того, прибывший с царским жалованьем князь Григорий Тюфякин должен был собрать «столниковъ и стряпчихъ и дворянъ Московскихъ и мурзъ, и капитана и жилцовъ, и головъ, и дворянъ и дѣтей боярскихъ розныхъ городовъ», после чего от имени государя «спросити о здоровьѣ, какъ васъ Богъ милуетъ, здорово ли есте на его Царской службе» и вручить им царское жалованье[8].

Гонсевский отступил к своему острогу на Твердилицах, а *лисовчики*, оправившись от дорогобужского поражения, вскоре вновь выступили в набег: 16 (26) июля 1617 г. «приходили под Вязьму от Чаплинскова литовские люди и руские воры и стали от Вязьмы в дву верстах». Воеводы князь Никита Михайлович Мезецкий и Степан Лазаревич Татищев выслали против лисовчиков отряд под командованием Ивана Турского. Сражение вновь оказалось несчастливым для Чапиньского: «литовских людей и руских воров побили наголову и ротмистра Олександра Долгово и трубачея Ивашка Сергеева, а с ними много языков и знамёна поимали, а в языцех взято литовских людей и руских воров 25 человек»[9].

Совершая набеги на российские пределы, лисовчики, верные старым традициям, старались создать себе укреплённую базу на неприятельской территории. Не сумев на сей раз захватить какой-либо городок, они, судя по всему, ограничились тем, что выстроили себе остро-

[7] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 58–59; ПСРЛ. Т. 14. С. 140–141; РК. Т. I. Стб. 244.

[8] РК. Т. I. Стб. 243–244.

[9] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 62.

жек в деревне Дубровских Дорогобужского уезда. Однако российские служилые люди не дали им возможности упрочить позиции: 4 (14) августа острожек был захвачен высланным из Можайска отрядом казаков под командованием атаманов Василия Болдыря и Панкрата Гаврилова. Разгромив лагерь лисовчиков, казаки пленили «Чаплинскова полку шляхтича Матюша Любскова с товарыщи 6 человек»[10].

Таким образом, исходя из сведений «Книги сеунчей», действия лисовчиков под командованием Чапиньского летом 1617 г. ознаменовались целой серией громких провалов, наиболее крупным из которых было дорогобужское поражение. Однако, этот источник, при всей своей ценности, даёт крайне однобокий взгляд на ход военных действий, фиксируя исключительно победные реляции. Несомненно, наездники Чапиньского, разгуливая по Дорогобужскому уезду и подступая к стенам Вязьмы, тоже одерживали победы, захватывали добычу и пленников. Но, к сожалению, рапорты об этих достижениях доныне остаются неизвестны.

Неудачи вызвали среди *лисовчиков* недовольство своим новым полковником. Оно усугублялось ещё и тем, что полк так и не получил обещанное жалованье – 10 тыс. злотых. В июле 1617 г. Чапиньского даже попытались лишить командования, выдвинув на его место ротмистра Яроша Плецкого[11]. Однако тот факт, что полк смог выступить в Московский поход и принял активнейшее участие в ходе военных действий, свидетельствует о том, что *лисовчики* смогли вполне успешно преодолеть все испытания дорогобужской кампании.

Между тем, в начале августа 1617 г. войска, предназначенные для вторжения в Россию, были стянуты в Могилёв, куда прибыл со своим двором и сам королевич Владислав. В то же самое время гетман Ходкевич обложил Дорогобуж. С прибытием в начале октября под стены города основных сил армии Владислава, «неприятель, устрашенный слухом, что идет сам королевич, против ожидания сдал крепость». Воевода Иванис Ададуров даже присягнул на верность «царю Владиславу Жигимонтовичу». Осторожный Ходкевич предлагал зазимовать в Дорогобуже, однако гонцы доставили известие о том, что вяземские воеводы бросили свой город и бежали в Москву. Владислав тотчас приказал выступать и вскоре без боя вошёл в Вязьму. Однако на этом триумфальный марш королевича закончился. Под Можайском его отрядам неожиданно был нанесён ряд жестоких ударов. Армия откатилась обратно к Вязьме и война обернулась новой серией опустошительных рейдов и набегов. Подобная ситуация была просто создана для лисовчиков.

Покинув Вяземский лагерь, Чапиньский «с изумительной быстротою пролетел вдоль и поперек по всей Московии, разнося всюду страх

[10] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 64.

[11] *Пшэпюрка А. Г.* Ад добраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. С. 34.

и опустошение». Казалось, вновь повторяется рейд Лисовского. Первым пал Мещовск, где оборонялся воевода Истома Засецкий: «город не хотел сдаться; Чаплинский взял его, а всех жителей истребил; войско заперлось в крепости, он отнял воду; доведённое до крайности, войско предложило сдать крепость со всеми снарядами, если Чаплинский поклянётся, что отпустит их свободно. Зная, как важен этот пункт, Чаплинский согласился, и гонец поскакал к Владиславу с вестью о победе и с пленным воеводою мещовским, комендантом города и крепости». Судя по этим словам, данного воеводе обещания «отпустить свободно», Чапиньский не выполнил. Затем лисовчики направились в сторону Козельска. Здешние жители не стали испытывать судьбу: «въ Козельскѣ жъ измѣниша и городъ здаша и королевичю крестъ цѣловаша». После этого Чапиньский, действуя в традициях Лисовского, превратил город в свою опорную базу для дальнейших операций: «въ Козельскѣ сталъ и зимовать и ис Козельска ѣздя, многіе городы повоева». Серпейский и Мосальский уезды превратились в приставства лисовчиков, откуда они получали теперь продовольствие и фураж[12].

После падения Мещовска и Козельска прямая угроза нависла над Калугой. Горожане в страхе направили в Москву специальное посольство и «били челом имянно чтобъ государь послал боярина своего князя Дмитрея Михайловича Пожарскова». Челобитье было удовлетворено и 18 (28) октября 1617 г. легендарный воевода выступил в Калугу, чтобы вновь встретиться в бою со своими старыми противниками.

«Правительство получило возможность удовлетворить одновременно просьбы жителей Калуги и казаков – последним было обещано, что сам Дмитрий Михайлович возглавит войско..., – оценивает это назначение А. Л. Станиславский. – Князь Пожарский имел к тому времени славу лучшего русского полководца и являлся высшим авторитетом для казачества. После многих конфликтов между правительством и казаками ему предстояло разрядить обстановку, добиться возвращения на службу взбунтовавшихся казаков и с их помощью организовать оборону города»[13].

С трудом пройдя в город, окрестности которого уже были наводнены лисовчиками, князь Д. М. Пожарский «устроилъ осаду и посла х казакамъ, которые воровали на Сѣверѣ, чтобы шли въ Калугу, а вины имъ государь отдалъ. Они же тотъ часъ пріидоша въ Калугу съ радостію и, живучи въ Калугѣ, ко государю многую службу показали»[14]. Согласно польским источникам, Пожарский привёл с собой в Калугу 7 тыс. «отборнейшего войска», причём «в числе их было пять тысяч

[12] *Кобержицкий Ст.* Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. С. 17; ПСРЛ. Т. 14. С. 141; *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 173.

[13] *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. С. 173.

[14] ПСРЛ. Т. 14. С. 142.

конницы – остаток войска мужественного и опытного гетмана Заруцкого. Пожарский, опасаясь, чтобы они не перебежали к Владиславу, роздал им с возможною точностью жалованье, и ввел в крепость, откуда труднее бежать, а наблюдать за ними среди окопов безопаснее и удобнее»[15].

Согласно русским источникам, силы князя были скромнее, но казаки действительно занимали среди них видное место. Согласно разрядным записям, вместе с Д. М. Пожарским в поход выступили 20 жильцов и дворян московских. В Калуге их ожидали воевода князь Афанасий Фёдорович Гагарин и дьяк Лука Владиславлев во главе 625 служилых людей разных городов. Затем сюда планировалось стянуть более крупные силы – 4 777 человек, в числе которых находилось 2021 «атамановъ и ясауловъ и казаковъ, которые были за Угрою» и 445 московских и калужских стрельцов[16].

Взаимные стычки казаков Пожарского и *лисовчиков* Чапиньского не утихали всю зиму и всю последующую весну. «Книга сеунчей» содержит перечень наиболее ярких столкновений, победителями в которых оказались русские казаки и служилые люди. Среди наиболее отличившихся были есаул Лаврин Иванов и голова Ждан Кондырев[17]. Соответственно, в сочинении Ст. Кобержицкого повествуется преимущественно об успехах поляков, предпринимавших осенью 1617 г. серьёзные усилия по овладению Калугой:

«В Мещовск отправили сремского воеводу Петра Опалинского с сильным отрядом конницы. Ему приказано было занимать неприятеля частыми набегами, и, снесясь с Чаплинским и *лисовчиками*, построить укрепления и осадить Пожарского; а если бы он обратился к Москве или к Можайску, то завязать с ним дело, и затруднять отступление. Опалинский не дремал: построил крепостцу при Товаркове (Tovarkovia), в четырех милях от Калуги, хитростью выманил неприятеля из города, напал на него дружно, многих убил, пятьдесят человек взял в плен, и в том числе родственника князя Пожарского. Успех был бы еще блистательнее, если б *лисовчики*, находившиеся в засаде, не бросились в бой раньше, нежели следовало. Князь Пожарский был вождь *осторожный, необыкновенно благоразумный и в ратном деле опытный*; будучи одним из главных виновников первого восстания русских, он воевал постоянно. Нападения Опалинского князь Пожарский отражал смело, и не раз выходил из боя победителем»[18].

---

[15] *Кобержицкий Ст.* Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. С. 17.

[16] РК. Т. I. Стб. 417–419.

[17] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 66–70, 74, 76–77, 79.

[18] *Кобержицкий Ст.* Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. С. 17–18.

Скромнее оценил результаты битвы русский летописец: «Пріиде жъ из Вязьмы полковникъ Опалинской и ста в Таварковѣ… Къ нему жъ ис Козельска полковникъ Чеплинской пріиде подъ Калугу. Бояринъ же князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской съ товарыщи съ ратными людьми выйде противъ ихъ за Лаврентьевской монастырь и бысть бой черезъ весь день; съ обоихъ сторонъ не мало людей побиша и разыдошася»[19].

Спустя десять дней Опалинский и Чапиньский попытались захватить город внезапным ночным нападением: «пріидоша нощію подъ Калугу, хотѣша украсти Калугу. У боярина же быша караулы и заставы крѣпкіе и пустиша ихъ в надолобы. И вышед изъ города, многихъ Литовскихъ людей побиша и отъ города отбиша прочь»[20]. В изложении Ст. Кобержицкого этот эпизод выглядит совершенно иначе: «Опалинский с лисовчиками и со своим войском внезапно бросился к Калуге, зажёг город, а устрашенный неприятель не посмел выйти на встречу»[21].

Не ограничиваясь обороной Калуги, Д. М. Пожарский повёл наступление на оплот Чапиньского и Опалинского в Товаркове. С этой целью он выслал отряд в 800 человек конницы и 400 пехоты, чтобы выстроить острожек на подступах к Товаркову между Боровском и Калугой: «бояринъ же… посла на Горки Романа Бегичева съ ратными людьми и повелѣ имъ поставити острогъ. Литовскіе же люди пріидоша, не хотяху дати острогу ставити»[22]. Опалинский выслал против отряда Бегичева конные отряды под командованием Денгофа и Рамульта, но «судьба благоприятствовала русским: Нововейский и одиннадцать человек из отряда Денгофа были убиты, Хелмский и Касмерский были изранены; поляки, потеряв лошадей, дали тыл, нисколько не помешав работе русских. По первой вести Опалинский прискакал на помощь, но было уже поздно. Это поражение поляков, казалось, вознаградил Рамульт, убив вскоре после того почти двести русских, которых Пожарский отправил под командой известного наездника Печонки (Piechonki), на рекогносцировку; но когда уже победа клонилась на сторону поляков, сам Рамульт, отличный кавалерийский начальник, пал от руки стрельца, к горести и Опалинского и всего войска»[23].

В конечном итоге князь Дмитрий Михайлович добился своей цели: «Пожарский послал отряд к укреплению при Товаркове, устроенному для охранения провианта, и защищаемому людьми Опалинского. Три дня русские нападали; наконец укрепление взяли и сожгли. Защищав-

[19] ПСРЛ. Т. 14. С. 142; *Скрынников Р. Г.* Минин и Пожарский. С. 308.

[20] ПСРЛ. Т. 14. С. 142.

[21] *Кобержицкий Ст.* Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. С. 18.

[22] ПСРЛ. Т. 14. С. 142.

[23] *Кобержицкий Ст.* Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. С. 18.

шие понесли большой урон, но и русские не обошлись без потерь»[24]. Трудно сказать, когда произошло описанное Кобержицким сражение, поскольку острог в Товаркове, откуда выходят в набеги «литовские люди», продолжает упоминаться в «Книге сеунчей» вплоть до мая 1618 г., когда *лисовчики* сами покинули укрепление, уйдя в Вязьму на соединение с главной армией королевича. Вероятно, тут описывается уничтожение не главной базы Чапиньского и Опалинского, а одного из меньших опорных пунктов. Именно так описывает окончание противостояния автор «Нового летописца»: «Бояринъ же посылалъ подъ Товарково многіе посылки, и многую тѣсноту Опалинскому учиниша, многихъ побиваху и языки многіе имаху. Опалинской же, видя тѣсноту, отойде не съ великими людьми въ Вязьму»[25].

Имея в своём распоряжении надёжную базу, опытные и верные войска, а также располагая временем для развёртывания своих неспешных операций, князь Дмитрий Михайлович в конечном счёте переиграл своего пылкого противника, не дав Чапиньскому добиться намеченной цели. Калуга осталась неприступной, а зимовка у *лисовчиков* выдалась крайне беспокойной.

Не ограничиваясь действиями вокруг Калуги, *лисовчики* предпринимали и более дальние рейды, опустошая окрестности и даже пытаясь овладеть новыми городами: «Опалинской же стоя тутъ и послаша въ Оболенскія и въ Серпуховскія мѣста войною». Так 5 (15) марта 1618 г. «приходили под Одоев ис Козельска литовские люди ротмистр Свидницкой». Одоевский воевода Путила Резанов возглавил вылазку и в сражении отразил лисовчиков, причём сам ротмистр Свидницкий был ранен в бою. В плен одоевцы взяли трёх шляхтичей и «рускова человека ржевитина сына боярского Володимера Врасковского»[26]. В начале июня 1618 г. «приходили к Белёву ис-под Одоева полковник Чаплинской с литовскими людми и Белёвский уезд воевали, сёла и деревни жгли». Белёвские служилые люди сражались с лисовчиками и, по уверению своих воевод, «литовских людей многих побили и языки поимали»[27].

Помимо Одоева и Белёва имеются упоминания о появлении «литовских людей» под Мценском, Болховом, Медынью, Крапивной. Это не обязательно были именно люди из полка Чапиньского. Признавая, что «особенно отличались в набегах *лисовчики* под начальством Чаплинского», Станислав Кобержицкий говорит также и о действиях иных подобных наездников. Среди них он называет неких Соколовского и Якушевского, «командовавших легко-конными отрядами, которые часто побеждали неприятеля», а также упоминает, что и «другие отряды

[24] Там же.
[25] ПСРЛ. Т. 14. С. 142.
[26] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 74.
[27] Там же. С. 79.

также храбро сражались с русскими, мстившими за убийство своих соотчичей и опустошение страны»[28].

Тревожили русских воевод не только действия *лисовчиков*, но и слухи о возможном подходе к ним подкреплений. Захваченный в плен слуга Т. Михайлов на допросе 26 мая (1 июня) 1618 г. сообщил: «...Да идет, де, ис Польши лисовщик, а с ним две тысячи человек гусар да две тысячи черкас запорожских, а ждут, де, их к Петрову дни, а как, де, лисовщик с теми людьми ис Польши придет, и тем, деи, людем ити под Можаеск»[29]. Об этом же сообщил тогда же и другой пленник, слуга Я. Нечецкий: «слышел, деи, он от пахолков же, что будет х королевичю на посилок Лисовского брат з запороскими черкасы, а черкас, де, будет, две тысячи...»[30]. В обоих случаях, однако, речь шла не о пополнениях полку *лисовчиков*, но о брате покойного полковника, Юстиниане (Устине) Лисовском, возглавлявшим крупные казачьи силы.

Летом 1618 г. *лисовчикам* стало нелегко держаться и на своей зимней базе в Козельске. Болховский воевода Степан Лазаревич Татищев, собравшись с силами, 20 (30) июня выслал «под Козельск и на Чеплинсково таборы голову Игнатья Кривцова, а с ним болхович и корачевцов дворян и детей боярских». В ходе битвы, разыгравшейся 21 июня (1 июля) ратники Кривцова «Чеплинского таборы взяли и литовских людей и руских воров многих побили и в город втоптали, и таборы выжгли, и к городу приступали, и на приступе и на вылоске многих литовских людей и руских воров побили»[31].

В это время под Болховом появился, наконец, Юстиниан Лисовский. Ещё 6 (16) мая 1618 г. в ставку королевича прибыл некий казак Шкода, который сообщил, что по направлению к Калуге идут 4 тыс. казаков под командованием младшего брата знаменитого полковника[32]. Казаки двигались с турецкой границы вместе с войсками Мартина Казановского. По пути они взяли Стародуб и осадили Болхов. Казановский дважды неудачно штурмовал город 8 (18) и 11 (21) июня, после чего ушёл по Козельской дороге на соединение с главными силами королевича. Вслед за ним Болховым пытался овладеть Лисовский. В начале мая 1618 г. он «своевольно и неожиданно» покинул полк Чапиньского и его хоругвь была расформирована. Однако вскоре ему и атаману Ивану Шеверде удалось собрать под своим самостоятельным командованием несколько тысяч человек. С этими силами Юстиниан Лисов-

[28] *Кобержицкий Ст.* Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава. С. 19.

[29] Документи Російських архівів з історії України. С. 124.

[30] Там же. С. 125.

[31] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 82.

[32] *Tyszkowski K.* Kozaczyzna w wojnach Moskiewskich Zygmunta III. S. 78.

ский решил вести собственную войну. Интересно, что его отряд также стал известен под именем *лисовчиков*. [33]

Однако под Болховым ему повезло не больше, чем в своё время старшему брату. Воевода С.Л. Татищев сообщает, что 4 (14) июля «приходили под Болхов литовские люди, полковник Устинко Лисовской да Ивашка Шеверда… и, слезчи с лошадей и разделяясь, приступали к Болхову всеми людми жестокими приступы в девяти местах, и бились об остроге съемным ручным боем по всю ночь». Штурм удалось отразить, однако в тот же день «за пять часов до вечера» Лисовский снова повёл своих казаков на приступ. Жестокий бой кипел «до последнего часу дни», но Болхов вновь устоял. Следующий приступ был предпринят в третьем часу ночи 5 (15) июля и на сей раз казаки потерпели решительное поражение. В плен попал атаман Шеверда, а «литовских людей многих побили и языки поимали и переранили… и знамёна поимали и знаменщика убили»[34]. После этой неудачи среди новоявленных *лисовчиков* начались раздоры, которые привели к распаду полка.

Между тем основные силы польского войска выступили из Вязьмы. В первых числах июля в Кременске к нему присоединились полки Чапиньского, Опалинского и Казановского. Получив подкрепления, Владислав направился к Можайску, где развернулись ожесточённые бои, но все попытки захватить город оказались неудачны. *Лисовчики* в этот период по приказу Ходкевича, «на 20 миль и больше окрест разъезжая, днём и ночью запасы неустанно собирали»[35].

Лагерь Ходкевича располагался под Борисовым, гарнизон которого оказал гетману упорное сопротивление. Не прекращая его осады, Ходкевич одновременно пытался выманить русские войска из мощных укреплений Можайска, чтобы разгромить их в полевом сражении. Неоценимую помощь в этом ему могли оказать лисовчики. В ночь на 30 июня (9 июля), укрыв основные силы в кустарнике у подножия холма напротив города, Ходкевич выслал вперёд три хоругви лисовчиков. Можайский гарнизон под командованием воеводы князя Б. М. Лыкова-Оболенского не сразу решился на вылазку, но в конечном итоге усилия гарцевавших среди утреннего тумана лисовчиков увенчались успехом. Подробное описание сражения, сохранившееся в дневнике Якуба Собеского, даёт редкую возможность увидеть живую картину действий лисовчиков на поле боя:

«Поначалу тогда лисовчиков три хоругви вышло, долго они травлей забавлялись, и прежде на стражу их наскочив, хоругвь их разгромили, москвы при том несколько человек и сотника поймалои и знамя захва-

[33] *Пшэпюрка А. Г.* Ад добраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. Полк лісоўчыкаў у перыяд вайны з Масквой у 1615–1618 гг. С. 36–37, 40.

[34] Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 83–84.

[35] *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 153.

тили и далее травлей их выманивать продолжали. Первое время те из-за тумана рисковать не хотели, потом же повысыпали они, и, наших не заметив, ибо укрыты были, помчались подъездчики их, не взирая, что в гору, на бой вызывая и королевича бранью осыпая. Потом, как они с лисовчиками сшиблись, тут же стали им все хоругви их поддержку оказывать, но поскольку и тем тяжко было, то в полном порядке всё войско двинулось и рысью к ним ринулось: на правом крыле пана гетмана рота, моя, Клебека, Соколовского, Плятемберга, Адеркаса, на левом – пана Кишки, пана старосты минского, пана Гадена, пана Денхоффа; с ними вместе и королевича отряд устремился, *in phalangen* [в фалангу] построен будучи. Когда же шум уже слышен стал, мы на них открыто бросились, а пан Казановский на левом крыле в бок чуть подался. Рейтары все разом пошли, тут же с москвой сшиблись, и как смешались они с ними, стала москва их к кобылинам подводить. Тут слева пехота немецкая подкралась и так ударила на них, что бежала москва – пехота их и конница, – тем более ещё и венгерские хоругви заметив... Била москва из двух пушечек по нашим, в шеренги наши целясь; сами же они, шанцев наших опасаясь, окрестные монастыри и церкви запалили. Побито их было много, две хоругви их в той забаве нашей прочь к столице бежали, пленных более десятка мы взяли, меж коими князя Вяземского; в лошадях у лисовчиков и у рейтар урон всё же был, и людей нам постреляли, особенно из войска лисовского, как то Гутовского, Жардецкого, поручика пана Гонсевского, Плецкого, лисовчиков ротмистра, коего хоругвь на редкость славно сражалась, да и вообще, всё лисовчиков войско вполне себя как подобает держало. Однако два промаха место имели: первое, что нескоро помощь лисовчикам оказали (что причиной упрёков их было), ибо в пана гетмана понимании, манёвр их выманить королевичу москву был должен; второе же то, что пехота немецкая сразу не подоспела, ибо могли бы они в посад можайский ворваться и его подпалить»[36].

По сведениям англичанина-перебежчика, явившегося два дня спустя в польский стан, в битве русские потеряли до тысячи убитыми.

На выручку осаждённому Можайску были направлены войска князей Д. М. Пожарского и Д. М. Черкасского. Передовой отряд сил Черкасского под командованием князя Василия Петровича Ахмашукова-Черкасского выдвинулся к Пафнутьеву монастырю, где объединился с авангардом Пожарского из нескольких сотен донцов. Выстроим тут

[36] *Маевский А. А.* Последний поход на Москву: экспедиция королевича Владислава в 1617–1618 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой. Опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 259; *Борек П.* Якуб Собеский: реляция о Московском походе королевича Владислава // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой. Опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 281, 289–290.

острожек, В. П. Ахмашуков-Черкасский стал ожидать подхода основной армии. Для противодействия русским, гетман Ходкевич послал к Пафнутьеву монастырю сильный отряд, включавший в себя и полк лисовчиков Чапиньского почти в полном составе. Князь Ахмашуков-Черкасский попытался 5 (15) июля застать противника врасплох, атаковав польский лагерь. Однако татары, нанёсшие первый удар, слишком увлеклись ловлей неприятельских лошадей и это дало полякам время собраться с силами. Они решительно контратаковали и русский отряд оказался разгромлен наголову. Согласно польским источникам, лисовчики потеряли менее 10 человек, перебив 210 «московитов»[37].

Князь Ахмашуков-Черкасский отступил к Рузе, а Ходкевич начал действия против войск Д. М. Черкасского. С лисовчиками в авангарде он двинулся 10 (22) июля против князя Дмитрия Мамстрюковича, строившего опорный острог у Лужецкого монастыря. Удар оказался сильным: князь Черкасский потерпел полное поражение, его лагерь был захвачен, сам он едва сумел спастись бегством в Можайск[38].

После этого Ходкевич оставил в покое Борисов и собрал все силы под Можайском, решив взять город измором. Лисовчики заняли позиции на столичном тракте за Москвой-рекой[39].

В конце июля к Пафнутьеву монастырю прибыл Д. М. Пожарский во главе 3 тыс. ратников. Накапливая силы, он отсюда угрожал тылам польской армии. Исполняя царский приказ, он сумел организовать выход из осаждённого Можайска тяжело раненного Д. М. Черкасского, Б. М. Лыкова-Оболенского и большей части измученного гарнизона. Оставшиеся за стенами города 500 пеших и 300 конных воинов во главе с Фёдором Васильевичем Волынским продолжали сопротивление, сковывая превосходящие силы врага[40].

Наконец, в сентябре решено было снять бесплодную осаду Можайска и двигаться прямо на Москву. В пути к Владиславу прибыли послы запорожского гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, известив о приближении 20-тысячной казачьей армии. В Тушино запорожцы присоединились к войскам королевича.

Действия *лисовчиков* за этот период документированы слабо, однако есть все основания полагать, что они вовсе не пребывали в бездействии, а вели обычную для себя войну, состоящую из внезапных набегов и засад.

Тревожные сведения о намерениях лисовчиков первым доставил разъезд под командованием князя Алексея Морткина. Вернувшись

---

[37] *Маевский А. А.* Последний поход на Москву: экспедиция королевича Владислава в 1617–1618 гг. С. 260.

[38] Там же. С. 261.

[39] Там же.

[40] Там же. С. 262.

1 (10) сентября 1618 г., разведчики сообщили со слов волоколамского воеводы Ивана Загрязского, что «августа в 29 ден в суботу пришол к Волоку ис под Можайска ис королевичевых табор Чеплинской со всем своим полком, да с ним же королевичева полку 5 рот и к городу приступал и он, воевода Иван Загрязской, с ратными людми против литовских людей из города выходил и с литовскими людми бился, и в языцех взяли литовских людей трех человек и коши у литовских людей погроцмили. И литовские люди, начевав под Волоком, пошли к Осифову монастырю. А я [Морткин] де ему, Ивану, в роспросе сказал, что Чеплинской пошол в войну, а людей де с ним болши 4 тысяч человек... Да августа ж в 30 ден в воскресенье перед их приездом вышел на Волок из под Можайска ис королевичевых табор иноземец Федор Резванов... Да Федор же, де, Резванов сказывал им слышел он в переговоре у литовских людей, что Чеплинскому сходитца с черасы с Саадашным с товарыщи. А в коих местех сходитца, тово он не ведает... Да вчера в понеделник августа в 31 де(нь) вышел на Волок ис под Осипова монастыря от литовских людей из Чеплинсково полку с Волока монастырской служка, а как ево зовут, (т)ово он не ведает. И тот слушка сказывал им, что (Че)плинской стоит под Осифовым и начевал ночь, и с под Осипова итти (ему) в войну, а под которые городы итти, тово де он не ведает»[41].

Вслед за тем в ночь на понедельник 6 (16) сентября Чапиньский внезапно появился под Переяславлем-Залесским «и к городу приступал; и стоял под городом... 8 ден и, одшев от Переславля, Чаплинской с товарыщи стоял в Переславском уезде в селе в Сваткове»[42]. Вслед за этим, возвращаясь к основным силам королевича, в ночь на 24 сентября (4 октября) *лисовчики* подступили к Троице-Сергиеву монастырю. Однако здесь они оказались не более удачливы, чем в своё время сам Лисовский: жители посада и монастырские слуги отразили врага и выбили его из Стрелецкой слободы. Отступая, Чапиньский выжег село Клементьевское и слободы за прудом[43].

В стан королевича Чапиньский вернулся весьма вовремя: в ночь на 1 (11) октября поляками был предпринят штурм Москвы. *Лисовчиков* назначили в резерв для атаки Арбатских ворот. Однако штурм окончился полной неудачей и Чапиньскому, похоже, даже не пришлось при-

[41] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. № 9. Л. 112–113, 115. Частично опубликовано: Документи Російських архівів з історії України. Т. 1. С. 136–137. За предоставление полного текста документа автор приносит благодарность А. Н. Фролову.

[42] *Смирнов М. И.* Смутные годы XVII века в Переяславле-Залесском. М., 2004. С. 14.

[43] ЛСК. С. 708.

нять участие в сражении[44]. В конце октября он стоял лагерем в Александровой Слободе[45].

Неудачный штурм повлёк за собой возобновление переговоров, которые затянулись почти на месяц. Именно в это время и оборвалась жизнь Миколая Чапиньского: в октябре, совершая набеги в угодьях Троице-Сергиева монастыря, он столкнулся на Вохне с отрядом монастырских слуг под командованием Рахманина Базлова и был ими убит. Известие об этом вызвало глубокую скорбь в польском стане[46]. Согласно же польским источникам, Чапиньский погиб в ноябре, когда Ходкевич выслал *лисовчиков* и запорожцев «для опустошения всех над Окой и далее краёв лежащих, где Коломна, Переяславль-Резанский, старая Рязань и иные, не тронутые ещё войною со времён Лисовского места находились». Чапиньский двигался, сметая всё на своём пути: «исчезали в огне деревни и сёла, дворы боярские, устрашённые жители бежали в леса и дебри и долго потом ещё не возвращались на пепелища домов своих. Не было… в полях селения, а в селении, если таковое случаем каким уцелело, никакого живого духа. Сёла и городки обратились в пустыню и процветающий край замертво трупом лёг». [47]

В канун Михайлова дня (8 (18) ноября) лисовчики приблизились к деревне Внажировке, где находилось имение братьев Богдана и Петра Сокуровых. Внезапно навстречу им выехал одинокий всадник, который «потъехал к ним на поля, стал шапкою махать и съехался с ними, цоловалса и по рукам бил». Это оказался некий Меркурий Вишневский, известный также под именем Мартына Остафьева, – поляк из полка Сапеги, попавший в русский плен ещё в 1611 г. и оказавшийся среди челяди владимирского помещика Д. К. Плещеева. Появление лисовчиков дало ему шанс вернуться к прежней жизни, чем он не преминул тотчас воспользоваться. Вишневский немедленно предложил лисовчикам свои услуги в качестве проводника: «повёл их в Володимерский уезд в царицыну вотчину иноки Просковьину Михайловны – воевал Мартын деревню Вежьболу, деревню Митищава… да деревню Шелудякова, деревню Добрынина, деревню Ермолино; да он же воевал Рожественова манастыря вотчину соло Ратмирова да весь Володимерской уезд Осударевы дворцовые сола и боярские и кнежецкие и дварянские и детей боярских и манастырские … И как воевал, и он в денга мучил царицы инока Просковьина крестинина Данилка Матвеева сына

[44] Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. М., 1834. С. 74.

[45] Документи Російських архівів з історії України. С. 187.

[46] *Азарьин С.* Книга о чудесах преподобного Сергия. С. 44; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Кн. V. С. 104; ЛСК. С. 708.

[47] *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 162–164.

Ворожейкина деревни Ермолина и вымучил в нём шесть рублев денег и в полон ево собою имал»[48].

Но не везде набеги лисовчиков проходили столь безнаказанно. Они также несли потери и наиболее тяжёлой из них стала гибель самого Чапиньского, который, «подступивши под замок верного боярина, будучи скрытно мушкетным выстрелом сражён, рухнул с коня на глазах товарищей своих»[49]. Упоминавшаяся уже ранее «Песня о полковнике Лисовском»[50] сообщает о гибели Чапиньского в набеге под Калугой:

Czapliński pułkownik śmialy,	Смелый полковник Чаплиньский
Rządząc wszystkiem czas niemaly,	Долго всем распоряжался,
Zginął z swą wierną zasługą	Погиб из-за своей верной службы
Na podjeździe pod Kaługą.	В разъезде под Калугой

Упоминание Калуги тут отнюдь не случайно – именно под её стенами *лисовчикам* пришлось выдержать наиболее тяжёлые и затяжные бои, что навсегда связало название этого города с именем Чапиньского.

Сведения, сохранившиеся в сочинении Симона Азарьина, уточняют, что Чапиньского «судъ Божиі постиже въ Троицкой Сергиева монастыря отчине, не далѣе пятидесятъ поприщъ отъ монастыря его, глаголемая Вохна: ту убиенъ бысть от Сергиевыхъ воин Рахманина Базлова съ товарищи»[51].

В лагере Владислава весть о гибели предводителя лисовчиков получили 16 (26) октября и, следовательно, стычка с отрядом Рахманина Базлова, защищавшего острожек в монастырской усадьбе на Вохне, произошла за несколько дней до того[52].

Согласно М. Дзедушицкому, командование над полком принял после этого другой ветеран *лисовчиков* – ротмистр Валенты Рогавский, но Г. Виснер называет новым полковником Петра Копачевского. Однако, как показали исследования А. Пшепюрки, оба эти утверждения ошибочны. Командование лисовчиками после гибели Миколая Чапиньского перешло в руки его прежнего соперника – Яроша Плецкого. Об этом свидетельствует письмо, подписанное самим Плецким, П. Копачевским и В. Гембицким, отправленное из Гавриловской Слободы 24 декабря 1618 г. Кроме того, известно, что уже в начале декабря пол-

[48] *Малов А. В.* Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Фёдоровича на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. С. 224. Подробнее историю Вишневского см.: Там же. С. 223–227.

[49] *Dzieduszycki M.* Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. S. 162–164.

[50] Wojenna Pieśń Polska. T. I . Warszawa, 1939. S. 89

[51] *Азарьин С.* Книга о чудесах преподобного Сергия. С. 44.

[52] Автор благодарит А. Н. Фролова, указавшего ему на это сообщение в дневнике Якуба Собеского.

ком командовал именно Плецкий. Таким образом, Миколай Чапиньский был убит в период между 1 (11) октября и 1 (11) декабря 1618 г.[53]

Между тем, отступив от стен Москвы, Владислав направился к Троице-Сергиевому монастырю, безуспешно попытался его взять, а затем стал лагерем в 12 верстах от него в деревне Рогачёвой. В располагавшейся неподалёку деревне Деулино и было 1 (11) декабря 1618 г. заключено перемирие, положившее конец войне.

Однако боевые действия отнюдь не закончились в тот же день. В эти дни лисовчики под командованием Плецкого и казаки полковника Хвостовца захватили Юрьев-Польской и, не остановившись на достигнутом, задумали «Суздаль украдом взять». Замысел их, однако, сорвался из-за трёх перебежчиков. Два польских шляхтича, Ян Криковский и Матьяш Святицкий, вместе с австрийским венгром Андреем Фёдоровым тайно покинули лагерь лисовчиков и 4 (14) декабря 1618 г. явились в Суздаль. Тут они изъявили желание перейти на царскую службу и сообщили воеводам Фёдору Лыкову и Василию Давыдову о том, «как лисовщики пришли в Юрьев-Полской и приговорили войском, что Суздаль украдом взять». Затем все трое были отосланы в Москву, где получили награду деньгами и сукном. Следует отметить, что все трое находились в рядах лисовчиков совсем недолго: Криковский перешёл к ним из роты А. Гонсевского во время стоянки в Козельске, Фёдоров присоединился к полку под Можайском, покинув венгерский «сквадрон» капитана Януша, а Святицкий вообще служил в рядах казаках Хвостовца[54]. Судя по всему, видя завершение войны и не желая рисковать ради сомнительной добычи, перебежчики предпочли обеспечить своё будущее в рядах царского войска. Итогом их побега стала отмена лисовчиками набега на Суздаль.

Завершение войны не закончило истории *лисовчиков*. Ещё крепче сплотившийся в ходе боёв под Калугой и летне-осенних набегов 1618 г., полк сохранил себя, упрочил сложившиеся внутри него традиции и вскоре с блеском проявил свои как лучшие, так и худшие качества уже на полях европейских сражений.

---

[53] *Wisner H.* Lisowczycy. S. 78. *Пшэпюрка А. Г.* Ад добраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. Полк лісоўчыкаў у перыяд вайны з Масквой у 1615–1618 гг. С. 34.

[54] *Малов А. В.* Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Фёдоровича на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. С. 230–231.

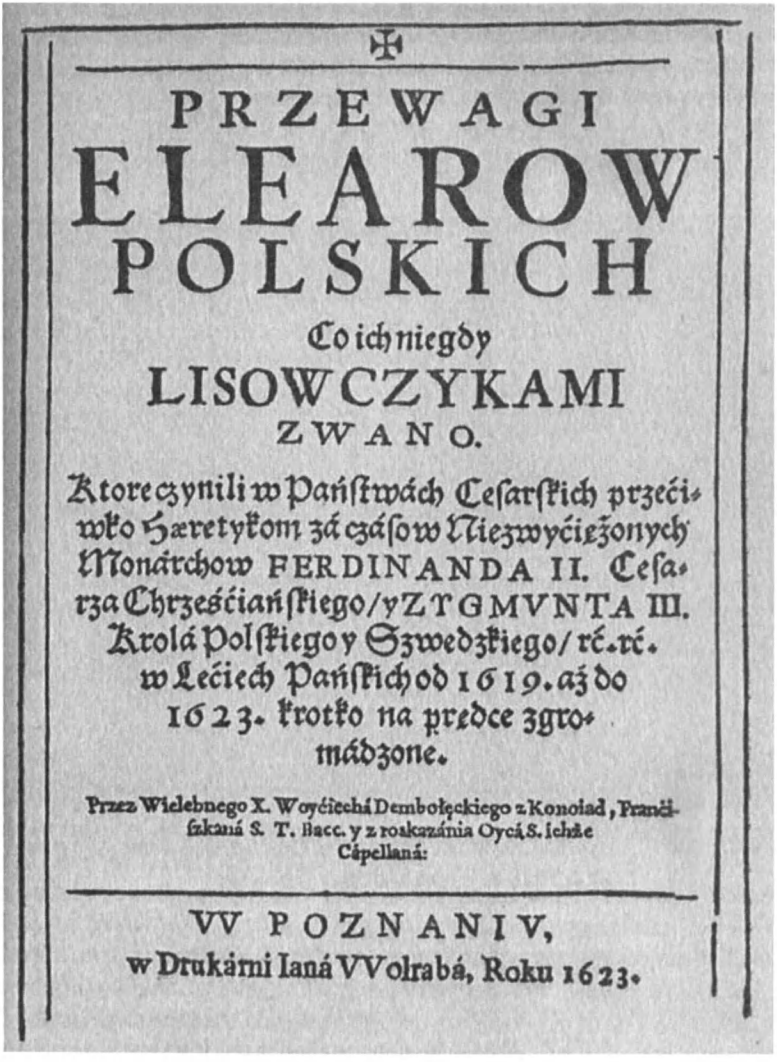
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После окончания похода Владислава *лисовчики* более не участвовали в военных действиях на территории России, однако именно здесь, в ходе событий Смутного времени, сложились и устоялись те традиции и характерные особенности, которые отличали этот полк от других частей армии Речи Посполитой.

Полк Лисовского на протяжении всех этих лет не имел постоянного и неизменного состава. Костяком его изначально являлись украинские казаки, прибывшие вместе с Лисовским в лагерь Лжедмитрия II. Затем, вплоть до конца 1610 г., большую часть полчан составляли русские «воровские люди», а также казаки и татары. В ходе действий под Псковом, особенно после ссоры с Просовецким, Лисовский значительно пополнил ряды полка за счёт вначале иностранных наёмников (англичан, шотландцев, ирландцев), а затем «польских и литовских людей». С ними действовал он и под Смоленском. В ходе рейда 1615 г. под его началом находились казаки (украинские и донские), «литовские люди» и «русские воры» (небольшой контингент иностранных наёмников исчез из полка вскоре после Орловской битвы). В этом же составе, судя по всему, действовали *лисовчики* и в ходе кампаний 1616–1618 гг.

Тот полк, который затем снискал известность в Западной Европе, сложился в результате походов 1615–1618 гг. Тогда же окончательно оформились и отиличительные особенности *лисовчиков*: выборность командного состава, служба без регулярного жалованья за долю в добыче, приём в свои ряды добровольцев, а также характерная тактика и вооружение. Всё это во многом роднило их с казаками, также избиравшими своих предводителей и дувавших захваченную добычу. По сути своей *лисовчики* и представляли собой казачий отряд, один из многих, возникших на территории России в ходе Смуты. Не случайно и в сочинении Старовольского *лисовчики* именуются именно как Lissouianorum Cosachorum – «казаки Лисовского»[1]. Отсутствие связи этого образования со структурами уже существующих казачьих войск (Запорожского, Донского или Терского) давало известные преимущества правительству и военному командованию Речи Посполитой, привлекавших *лисовчиков* на службу и применявших их в ходе военных

[1] *Starovolsci S.* Sarmatiæ Bellatores. S. 225.



PRZEWAGI
ELEAROW
POLSKICH

Co ich niegdy
LISOWCZYKAMI
ZWANO.

Ktore czynili w Państwách Cesarskich przeciwko Hæretykom, zá czásow Niezwyćiężonych Monárchow FERDINANDA II. Cesarza Chrześćiańskiego, y ZYGMVNTA III. Krolá Polskiego y Szwedzkiego, rć. rć. w Lećiech Pańskich od 1619. aż do 1623. krotko na predce zgromádzone.

Przez Wielebnego X. Woyćiechá Dembołęckiego z Konolad, Franćiszkaná S. T. Bacc. y z roskazánia Oycá S. ichże Cápellaná:

VV POZNANIV,
w Drukárni Ianá VVolrabá, Roku 1623.

Титульный лист книги В. Демболецкого, посвящённой действиям лисовчиков в Австрийской империи (1623 г.)

действий как на восточных, так и на западных рубежах. Для России же воспоминания о Лисовском и его наездниках оказалось навсегда связанным с рассказами о грабежах, набегах и погромах, олицетворяя собой весь хаос и всю кровь Смутного времени.

Жестокости лисовчиков, чинимые над жителями Нижней Австрии в 1620 г. *Гравюра Яна Лёйкена.*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

РГАДА Ф. 210. Разрядный прика. Приказный стол. Стб. № 4. Л. 497–496.

РГАДА. Ф. 210. Разрядный прика. Московский стол. Стлб. № 9. Л. 112–113, 115.

РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 6. № 2. Л. 1. (http://rusarchives.ru/smuta/03-10-gramota-lzhedmitrija-ii-voevode-sapege-o-vozvratshenii-lisovskim-docheri-okolnichego-godunova.shtml).

Государственный архив Костромской области. Ф. 179. Оп. 2. Д. 71. Л. 28–45 об. (http://rusarchives.ru/smuta/09-21-dozornaja-kniga-ivana-mihajlovicha-hripunova.shtml)

J. K. Chodkiewicz do Zygmunta III, Lachowicze 22 X 1616 // Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności – Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. Rkps 1051. K. 114v–115v.

Азарьин С. Книга о чудесах преподобного Сергия // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 70. СПб., 1888.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II–III.

Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ. М., 1898. Ч. I. 1257–1613 гг. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. II–III. СПб., 1836.

Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) // Смутное время Московского государства. 1604–1613. Материалы, изданные Императорским Обществом истории и древностей российских при Московском университете. Вып.2. М., 1914.

Акты Московского государства. М., 1890. Т. I.

Акты служилых землевладельцев. М., 1998. Т. II.

Альтовский И. П. Кинешма в смутное время и геройский подвиг её 26 мая 1609 г. Кинешма, 1909 (2-е изд.: Приволжская правда. 7 июня 2009 г., электронный вариант доступен по адресу: http://www.privpravda.info/?p=1621#more-1621)

Антонов А. В. К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6.

Арзамасские поместные акты 1578–1618 гг. // Смутное время Московского государства, 1604–1613. М., 1915. Вып. 4.

Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992.

Архив Юго-Западной России. Часть третья. Акты о козаках (1500–1648). Т. I. Киев, 1863.

Ашихмина Е. Н. Орловский бой // Орловский вестник. 28 сентября. № 28. 2005.

Ашихмина Е. Н. Орловские истории: архивно-краеведческие записки. Орел, 2011. С. 68–73.

Ашихмина Е. Н. Битва на Царевом броде // Орловский военный вестник. 2013. № 11. С. 111–116.

Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.

Бестужев-Марлинский А. А. Ревельский турнир. Исторические повести. М., 1984.

Борек П. Якуб Собеский: реляция о Московском походе королевича Владислава // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой. Опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 270–292.

Борисов В. А. Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. М., 1851.

Бочарников С. И. О памятниках древности в городе Зарайске и окрестностях // Древности. М., 1885. Т. X.

Будило И. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия (Historya Dmitra falszywego) // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1.

Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.: Л., 1961.

Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000.

Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1853. Т. VIII.

Володихин Д. М. Пожарский. М., 2012.

Гейденштейн Р. Записки о московской войне. СПб., 1889.

Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. I. 1612–1628 гг.

Динер С. Э. Разгром отряда Лисовского на р. Гуслице в 1608 г.: первая победа Дмитрия Пожарского // Гуслицы. Историко-краеведческий альманах. 2009. Вып. 7.

Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995.

Документи Російських архівів з історії України. Т.1. Документи до історії запорозького козацтва 1613–1620 рр. Львів, 1998.

Забелин И. Е. Прямые и кривые в смутное время. Минин и Пожарский. М., 1896.

Загоскин М. Н. Юрий Милославский или Русские в 1612 году. М., 1989.

Зонтиков Н. А. Монастыри во имя преподобного Макария Унженского и Желтоводского, основанные в Костромском Поволжье в эпоху

Смутного времени начала XVII в. // Труды Нижегородской духовной семинарии. Нижний Новгород, 2011. Вып. 9. С. 239–251.

Зорин А. В. Великий рейд Александра Лисовского (март–декабрь 1615 г.) // Русский сборник. Брянск: РИО БГУ, 2009. Вып. 5. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И. Г. Петровского. Вып. 12). С. 224–232.

Зорин А. В. На исходе Смуты: рейд «лисовчиков» и Северский поход (ноябрь 1616 – январь 1617) // Путивльський краєзнавчий збірник. Суми, 2010. Вип. 6. С. 122–133.

Зорин А. В. «Аспиды Лисовского» (1616–1618) // Сіверщина в історії України. Київ; Глухів, 2010. Вип. 3. С. 124–133.

Зорин А. В. Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. III. С. 1–203. http://www.milhist.info/2012/10/26/zorin(26.10.2012).

Зорин А. В. Александр Юзеф Лисовский на Псковщине // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания. М.; Псков, 2013. С. 143–156.

Книги разрядные. СПб., 1853. Т. I.

Кобержицкий Ст. Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава // Сын отечества. 1842. № 4. С. 4–40.

Козляков В. Н. Василий Шуйский. М., 2007.

Коробков Н. М. Крепостная стена Троице-Сергиевской лавры // Историко-археологический сборник. М., 1948.

Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства. М., 1994.

Краснощёкова С. Д., Красницкий Л. Н. Археология Орловской области // Краеведческие записки. Орёл, 2006. Вып. 5.

Кузнецов Б. В. Видения Смутного времени // http://portal-slovo.ru/history/44045.php (24.02.2013).

Кулагин А. В. Осада Углича. Углич, 2008.

Курбатов О. А . Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014.

Латухинская Степенная книга. М., 2012.

Маевский А. А. Последний поход на Москву: экспедиция королевича Владислава в 1617–1618 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой. Опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 245–269.

Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты // Ukraina Lithuanica. Киев, 2009. Т. I. С. 67–88.

Малов А. В. Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Фёдоровича на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. // Смута в

России и Потоп в Речи Посполитой. Опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 210–244.

Марков В. Л. Лихолетье (Смутное время) // Исторический вестник. 1882. Т. VII–X.

Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1936.

Материалы для истории сёл, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десятин. М., 1913. Вып. 5.

Мизис Ю. А. Воевода Московского царства (Р. Ф. Боборыкин на государевой службе). Тамбов; Мичуринск, 2012.

Неделин В. М. Орёл изначальный. История. Архитектура. Жизнь и быт. Орёл, 2001.

Немоевский С. Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рязань, 2007.

Новиков Н. И. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. II.

Новые документы о восстании Болотникова // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 77–82.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. IV. 1598–1608 гг. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Сборник Русского императорского Исторического общества. М., 1912. Т. 137.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. V. 1609–1615 гг. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Сборник Русского императорского Исторического общества. М., 1913. Т. 142.

Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.). Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава. 1995. Т. I.

Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987.

Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII века. Белгород, 2004.

Петрей П. История о Великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901.

Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. М., 1834.

Полное собрание русских летописей. СПб. 1851. Т. 5.

Полное собрание русских летописей. М. 1965. Т. 14.

Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32.

Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34.

Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.

Пискунов А. Воевода Федор Боборыкин – человек и легенда // *Приволжская правда*. 2008. 6 августа

Понырко Н. В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. – ревнители благочестия // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1990. Т. 43. С. 58–69.

[Попов А. Н.] Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869.

Пшэпюрка А. Г. Дзеянні войскаў ВКЛ пад Смаленскам у 1614 г. // Беларускі гістарычны агляд. 2008. Т. 15. С. 124–148.

Пшэпюрка А. Г. Ад добраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. Полк лісоўчыкаў у перыяд вайны з Масквой у 1615–1618 гг. // ARCHE. 2012. № 6. С. 11–40.

Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. Орёл, 1993.

Рабинович Я. Н. Неизвестные страницы из истории Псково-Печерского монастыря и Изборска в Смутное время // Вестник ПсковГУ. 2013. Вып. 2. С. 47–62.

Разин Е. А. История военного искусства. Т. III. М., 1994.

Разрядная книга 7125 года // Временник императорского Общества истории и древностей российских. 1849. Кн. 3.

Рогов И. В. «Смелостью и мужеством витязь, ремеслом грабитель» (Действия польского полковника А.-И. Лисовского на территории Костромского края в период Смутного времени начала XVII века) // II Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 года. Кострома, 2009.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссиею. СПб., 1875. Т. 2.

Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова. СПб., 1914. Т. 4.

Саверчанка І., Санько З. 150 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. Менск, 1999 (электронный вариант: http://knihi.com/pytanni/072.html) (24.02.2013).

Савёлов Л. М. Князья Пожарские // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 2–3.

Сас П. М. Запорожці у польско-московській війні наприкінці смуты (1617–1618 рр.). Біла Церква, 2010.

Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

Селин А. А. Новгородское общество эпохи Смуты (http://nwae.pu.ru/?0-314) (14.06.2012).

Сенкевич Г. Потоп. М., 1970. Т. I–II.

Скобелкин О. В. Странствующие искатели приключений. Британцы под знамёнами московского царя // Родина. 2003. № 5–6. С. 18–21.

Скобелкин О. В. Служилые иноземцы и деятельность Джона Меррика в России (1614–1617) // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49. С. 43–56.

Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский. М., 2007.

Смирнов М. И. Смутные годы XVII века в Переяславле-Залесском. М., 2004.

Смирнов Ю. Самарский заслон. Воевода Дмитрий Петрович Пожарский-Лопата и разгром очага Смуты на Волге // Родина. 2014. № 6. С. 34–38.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. СПб., 1819. Ч. 2.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М., 1989. Кн. IV.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М., 1990. Кн. V.

Станиславский А. Л. Восстание 1614–1615 гг. и поход атамана Баловня // Вопросы истории. 1978. № 5. С.111–126.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990.

Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. М., 2004.

Сухотин Л.М.. Четвертчики Смутного времени (1604–1617 гг.) // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Материалы, изданные Императорским Обществом истории и древностей российских при Московском университете. М., 1912. Вып. 9.

Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. Т. 1.

Тихонравов К. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857.

Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885.

Томск в XVII веке. Документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. Томск, 2005.

Тупикова Н. А., Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е. Жители Ярославля и тушинцы в 1608–1609 годах: по материалам русского архива тушинского гетмана Яна Сапеги // Ярославская старина. 2006. Вып. 6. С. 3–17.

Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

Тюменцев И. О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М., 2007

Тюменцев И. О., Тупикова Н. В. Сапежинцы и власти первого земского ополчения (по материалам русского архива Яна Сапеги 1610–1611 годов) // Вестник ВолГу. 2007. Серия 4. № 12. С. 143–159.

Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е., Тупикова Н. А. Отписки и челобитные русского архива Яна Сапеги о ситуации в Юрьевском уезде в конце 1608 – первой половине 1609 года // Вестник ВолГу. 2006. Серия 4. № 11. С.132–145.

Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е., Тупикова Н. А. Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства // Вестник ВолГу. 2008 Серия 4. № 1 (13). С. 129–141.

Тюменцев И. О., Тупикова Н. А., Рыбалко Н. В. Письма наёмников, отписки и сыскные дела воевод, челобитные жителей Суздаля из русского архива Яна Сапеги // Вестник ВолГу. 2009. Серия 4. № 2 (16). С. 102–127.

Шульгин А. Н. Остатки старины в окрестностях города Орла // Труды Орловской учёной архивной комиссии. Вып.2. Орёл, 1898.

Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1623 гг. М., 2012.

Флоря Б. Н. Письма к Лисовскому // Litwa w epoce Wazów. Warszawa, 2006. S.323-326.

Фролов А. Н. Сражение на Медвежьем броду 1608 года – проблемы локализации и реконструкции // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. 2013. № 1 (13). С. 3–21.

Фролов А. Н. Боевые действия против Лисовского в Московском государстве. Начало и конец. Сражение на Медвежьем броду 1608 года – проблемы локализации и реконструкции. Героическая оборона Мурома в декабре 1615 года по данным муромского летописца.

Эскин Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.

Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953.

Borowy W. Anglicy, Szkocy i Irlandczycy w wojsku polskim Zygmunta III // Studia z dziejów kultury polskiej. Warszawa, 1949.

Davies B. L. The Lisovchiki in Muscovy, 1607–1616 // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 71–77.

Dzieduszycki M. Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow. Lwów, 1843. T. I.

Ekes J., Kotarski H. Lisowski Aleksander h. Jeż // Polski Slownik Biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1972. T. XVII.

Grala H. Lis z jeżem w herbie // Mówią wieki. № 2–3. 1998.

Grala H. Przemierzyć Rosję zagonem // Mówią wieki. № 5. 1998.

Herbst S. Kampanja letnia 1601 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1931. T. IV. S. 199–234.

Korespondencyje Jana Karola Chodkiewicza. Warszawa, 1875.

Korkozowicz K. Jeźdźcy Apokalipsy. Warszawa, 1990. T. 1–3.

Królikowski B. Szable nie rdzewiały. Warszawa, 1983.

Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615–1616 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1938. S. 250–255. T. X.

Magnuszewski W. Z dziejów elearów polskich. Stanisław Stroynowski, lisowski zagończyk, przywódca i legislator. Poznań, 1978.

Niesiecki K. Herbarz Polski. Lipsk, 1841. T. VI.

Przepiórka A.G. Wyprawa Lisowczyków na Siewierszczyznę na przełomie 1616 i 1617 roku // Studia Historyczno-Wojskowe. 2007. T. 2. S. 85–98

Ossendowski F. A. Lisowczycy. Powieść historyczna. Warszawa, 1990.

[Sapieha J.P.] Dziennik Jana Piotra Sapiehy (1608–1611) // Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Lwów, 1901. S. 167–332.

Starovolsci S. Sarmatiæ Bellatores. Coloniæ Agrippinæ, 1631.

Starowolski S. Wojownicy sarmaccy. Warszawa, 1978.

Sujkowski B. Lisowczycy. Powieść historyczna z XVII w. Łódź, 1988.

Szczygielska M. Lisowczycu: facty i mity // http://www.ksopit.pl/sladami_kopyt/lisowczycy

Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1932. T. V. S. 1–28.

Tyszkowski K. Wojna o Smoleńsk 1613–1615 // Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Lwów, 1932. T. 8. Z. 3.

Tyszkowski K. Kozaczyzna w wojnach Moskiewskich Zygmunta III (1605–1618) // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1935. T. VIII. S. 37–86.

Materialy do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1932. T. V. S. 102–104.

Wisner H. Lisowczycy. Warszawa, 2004.

Wojenna Pieśń Polska. Warszawa, 1939. T. I.

Wolff J. Senatorowe i Dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386–1795. Kraków, 1885.

СОКРАЩЕНИЯ

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографическою экспедициею

АМГ – Акты Московского государства

АВП – Акты времени правления царя Василия Шуйского

ВЭЛ – Военный энциклопедический лексикон

ДР – Дворцовые разряды

ДРАІУ – Документи російських архівів з історії України.

ЛСК – Латухинская Степенная книга

ПДСМГ – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством

ПИВЕ – Памятники истории Восточной Европы

ПЛ – Псковские летописи

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси

ПС – Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РК – Разрядные книги (Книги разрядные)

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров

СХ – Сборник князя Хилкова

ИЛЛЮСТРАЦИИ И СХЕМЫ

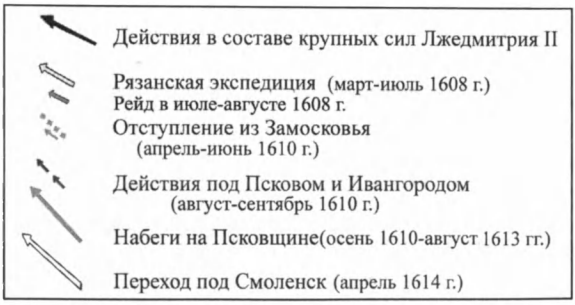


Схема 1. Походы и набеги Александра Лисовского, 1607-1614 гг.

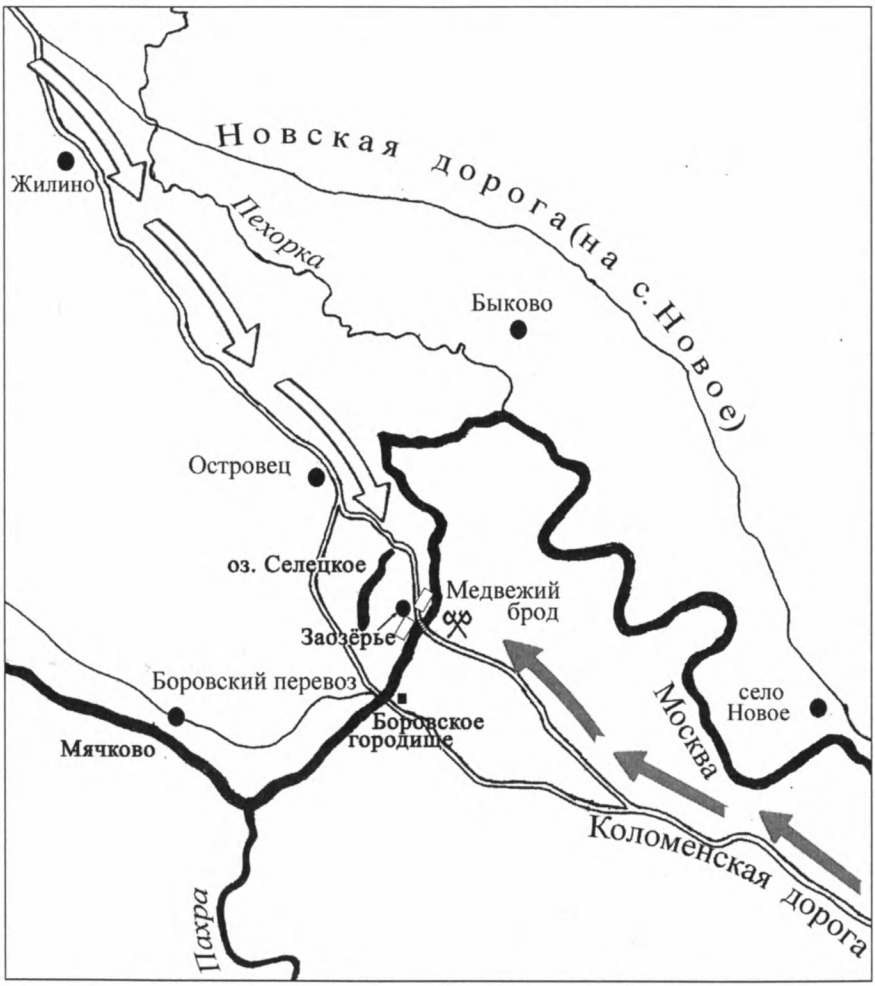


Схема 1а. Битва на Медвежьем броду 28 июня (8 июля) 1608 г. *(по А.Н. Фролову)*

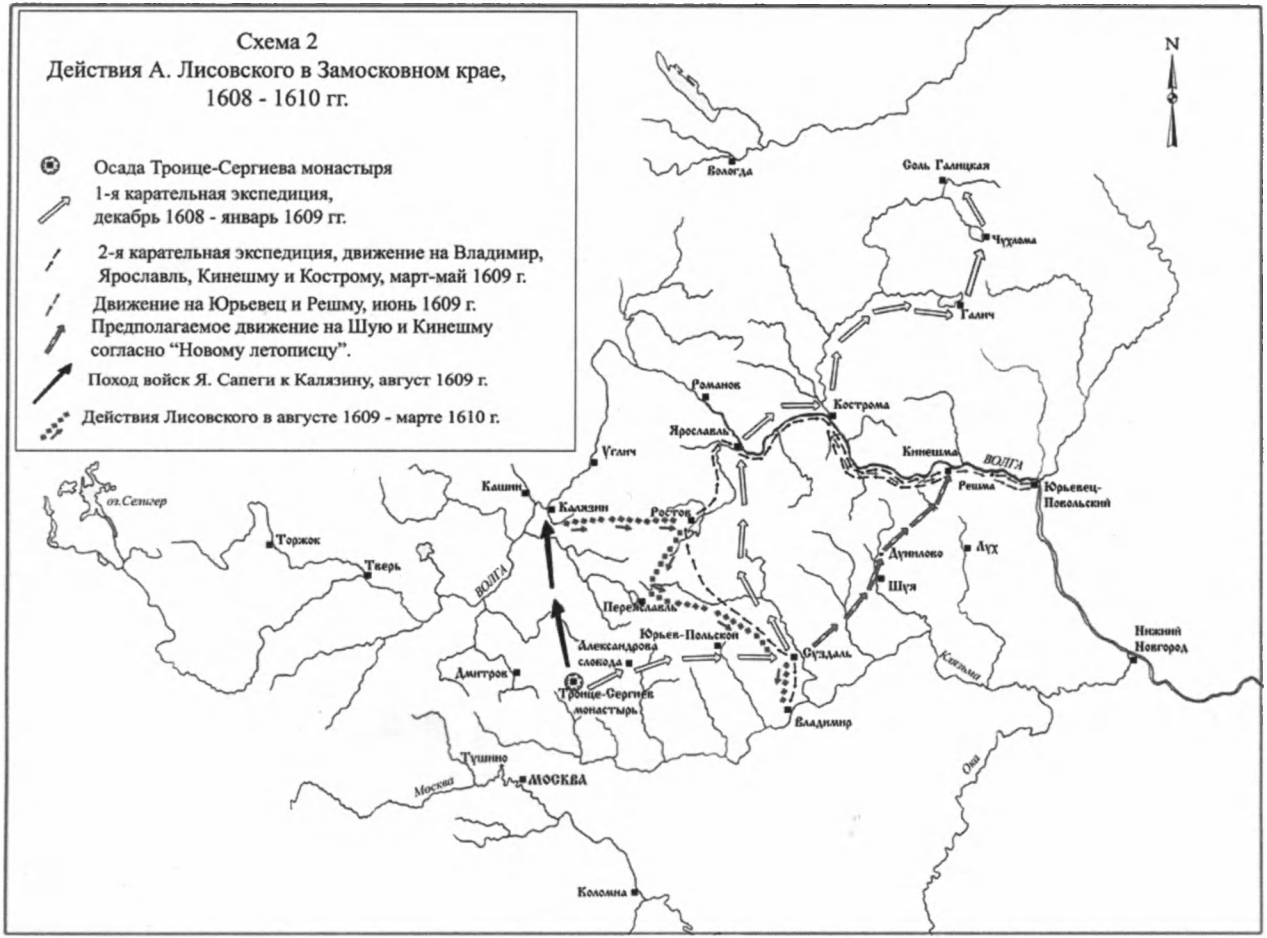


Схема 2
Действия А. Лисовского в Замосковном крае,
1608 - 1610 гг.
Осада Троице-Сергиева монастыря
1-я карательная экспедиция,
декабрь 1608 - январь 1609 гг.
2-я карательная экспедиция, движение на Владимир,
Ярославль, Кинешму и Кострому, март-май 1609 г.
Движение на Юрьевец и Решму, июнь 1609 г.
Предполагаемое движение на Шую и Кинешму
согласно "Новому летописцу".
Поход войск Я. Сапеги к Калязину, август 1609 г.
Действия Лисовского в августе 1609 - марте 1610 г.
N
Вологда
Соль Галицкая
Чухлома
Галич
Романов
Кострома
Ярославль
Углич
Кинешма
ВОЛГА
Решма
Юрьевец-
Повольский
Кашин
Калязин
Ростов
оз.Сенгер
Торжок
Тверь
ВОЛГА
Дунилово
Лух
Шуя
Переяславль
Юрьев-Польской
Александрова
слобода
Суздаль
Нижний
Новгород
Дмитров
Троице-Сергиев
монастырь
Владимир
Клязьма
Тушино
Москва
МОСКВА
Ока
Коломна

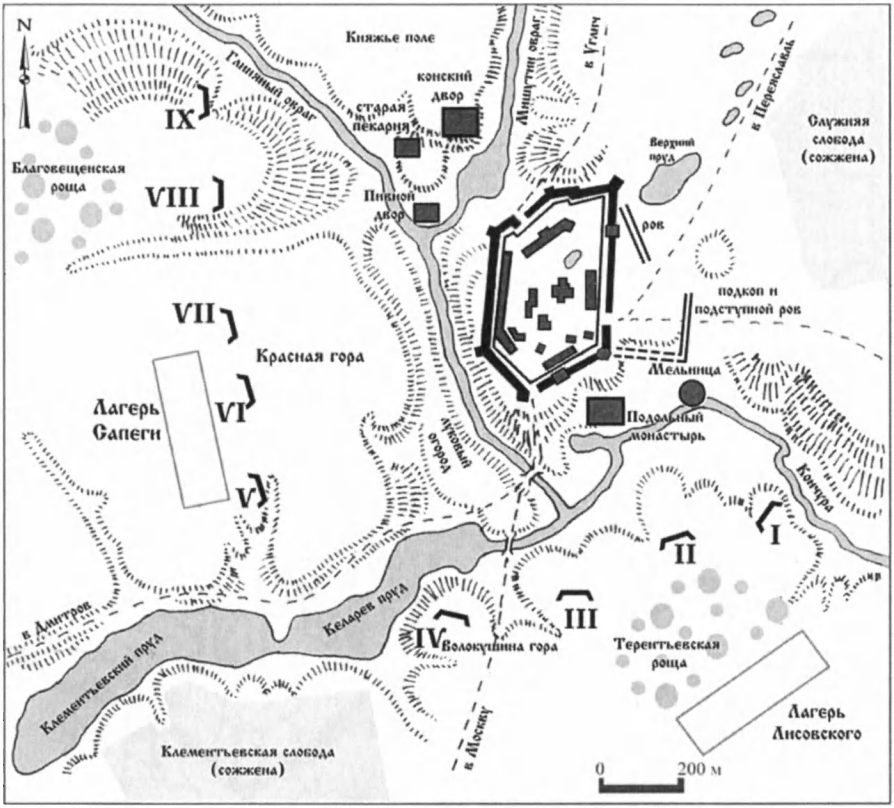


Схема 3. Осада Троице-Сергиева монастыря

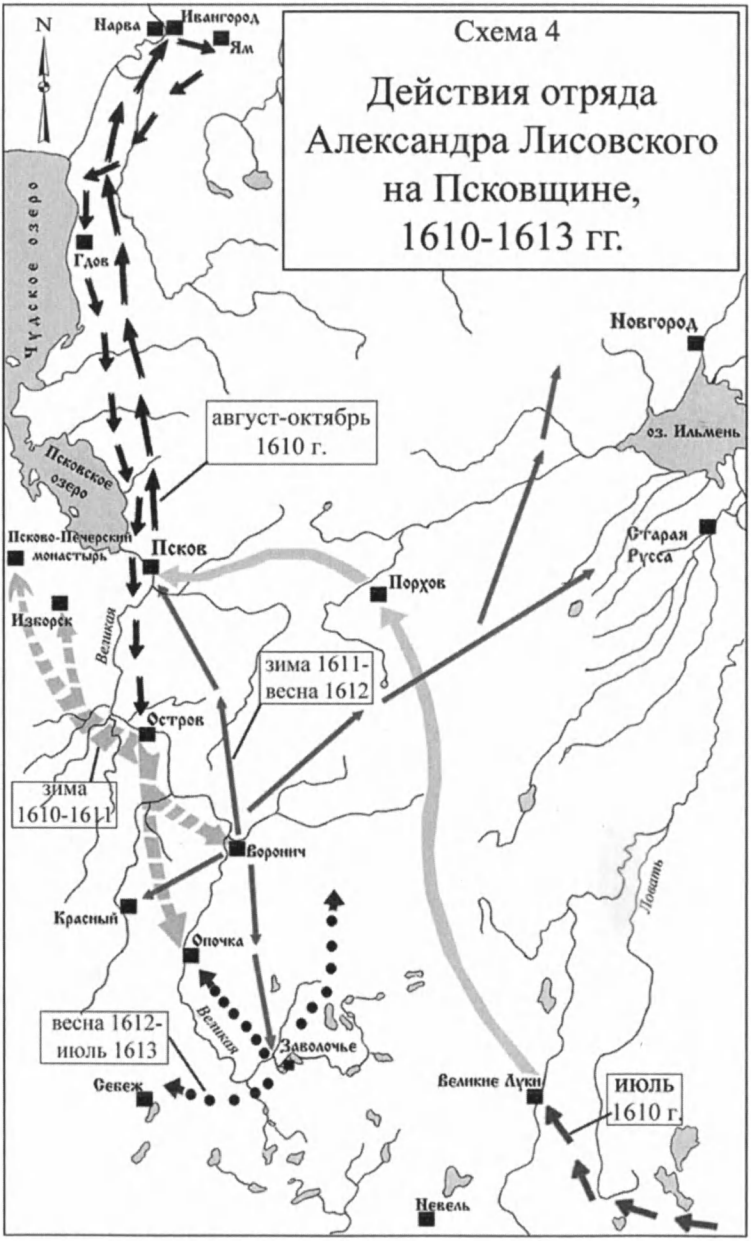


Схема 4
Действия отряда Александра Лисовского на Псковщине, 1610-1613 гг.
N
Нарва
Ивангород
Ям
Чудское озеро
Гдов
Новгород
оз. Ильмень
август-октябрь 1610 г.
Псковское озеро
Псково-Печерский монастырь
Псков
Старая Русса
Порхов
Изборск
Великая
зима 1611-весна 1612
Остров
зима 1610-1611
Воронич
Красный
Опочка
Ловать
Великая
весна 1612-июль 1613
Заволочье
Великие Луки
ИЮЛЬ 1610 г.
Невель
Себеж

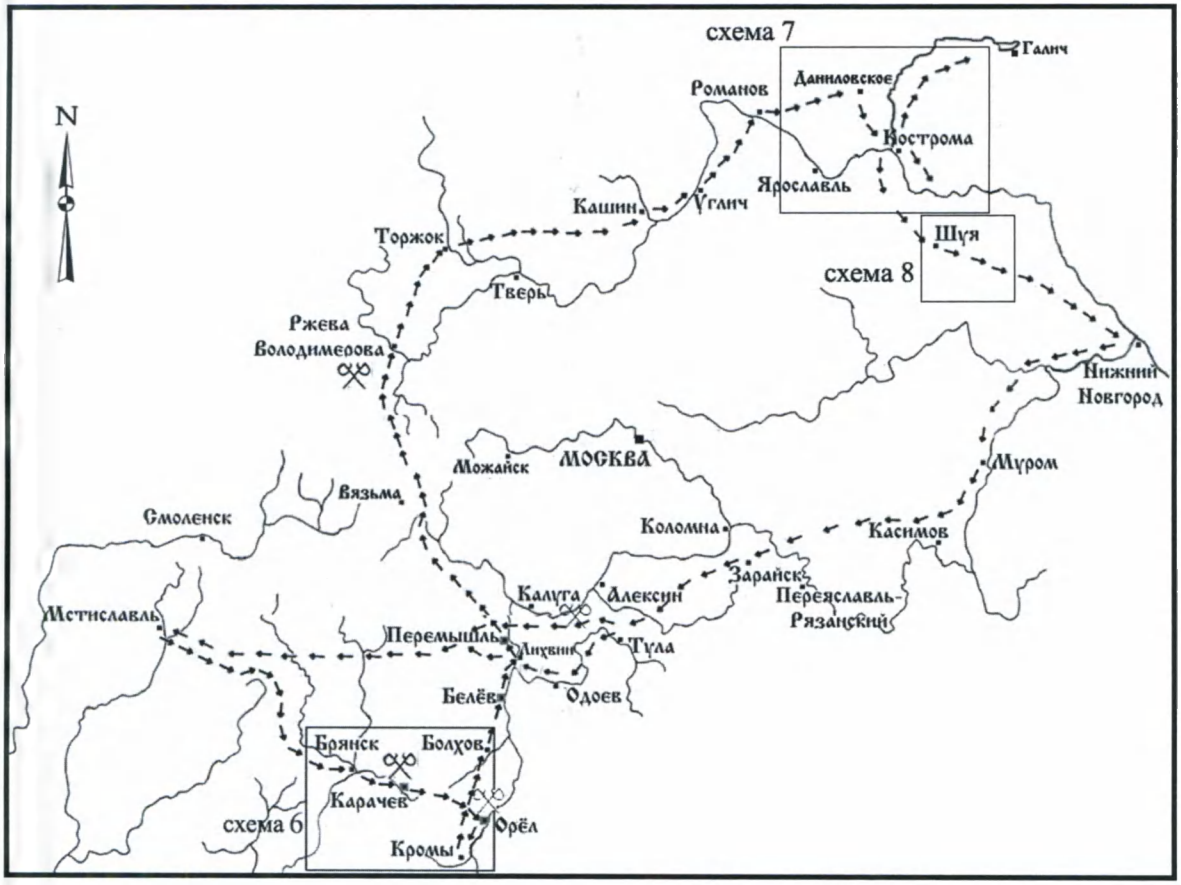


Схема 5. Рейд Александра Лисовского в марте-декабре 1615 г.

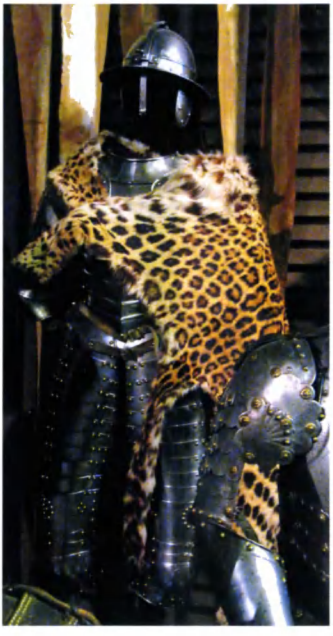
Януш Радзивилл.
Я. ван дер Гейден, 1609 г.

Ян Кароль Ходкевич.
Портрет работы неизвестного художника XVII в.

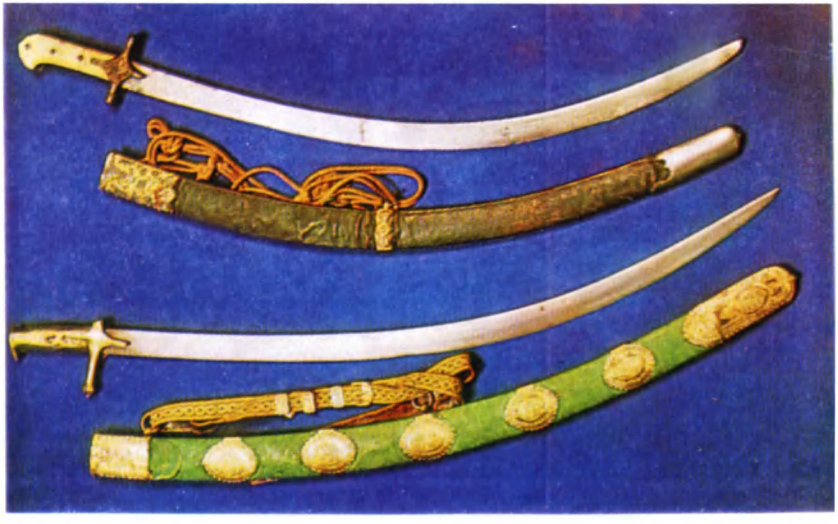
Кшиштоф Ходкевич.
Портрет работы неизвестного художника XVII в.

Лжедмитрий I и Марина Мнишек.
Портреты работы неизвестного художника, 1604 г.

Якоб Делагарди.
Неизв. худ., 1606 г.



Польские гусарские доспехи. *Начало XVII в.*



Сабли Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина

М. В. Скопин-Шуйский. *Русская парсуна начала XVII в.*

Зарайский кремль. *Современное фото*

Схема 6
Действия А.Лисовского
в районе Брянска и Орла,
весна-осень 1615 г.
Хотылёво
Болва
Брянск
Десна
Снежеть
Карачев
Болхов
Нугрь
Орлик
Орёл
Цон
Городище Гать
(Zeromum?)
Ока
Ицка
Крома
Кромы
Движение отряда Лисовского
Осады городов
Полевые сражения

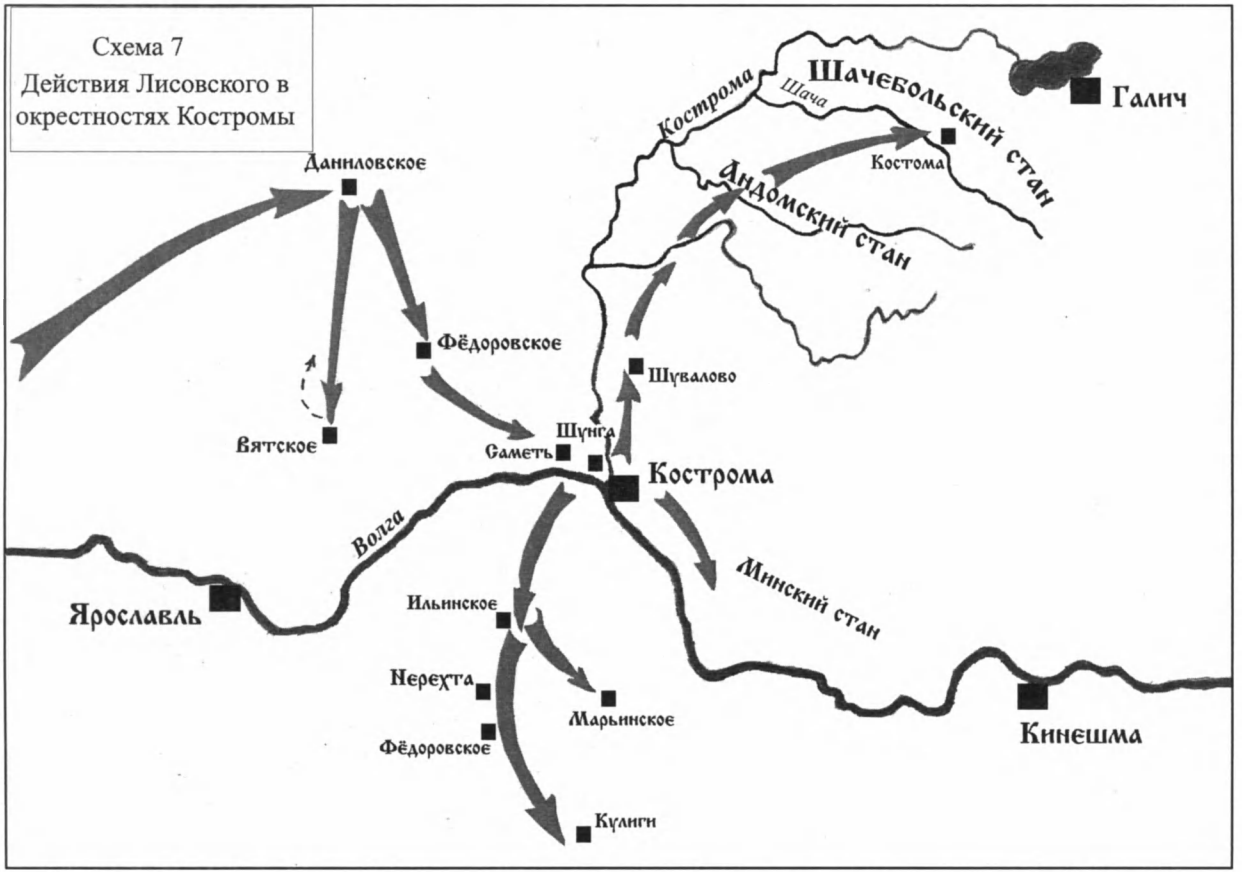


Схема 7
Действия Лисовского в окрестностях Костромы
Галич
Шачебольский стан
Шача
Кострома
Костома
Андомский стан
Даниловское
Фёдоровское
Шувалово
Вятское
Шунга
Саметь
Кострома
Волга
Минский стан
Ярославль
Ильинское
Нерехта
Марьинское
Фёдоровское
Кинешма
Кулиги

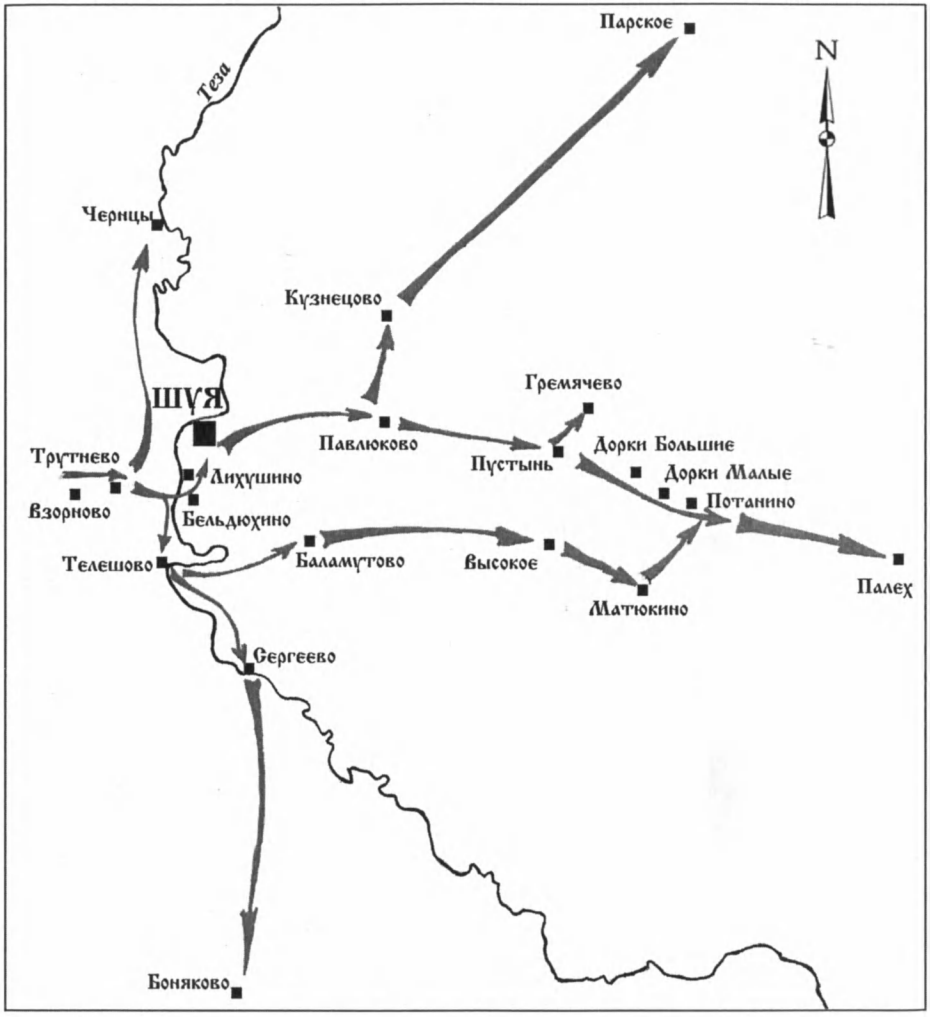


Схема 8. Действия Лисовского в окрестностях Шуи.

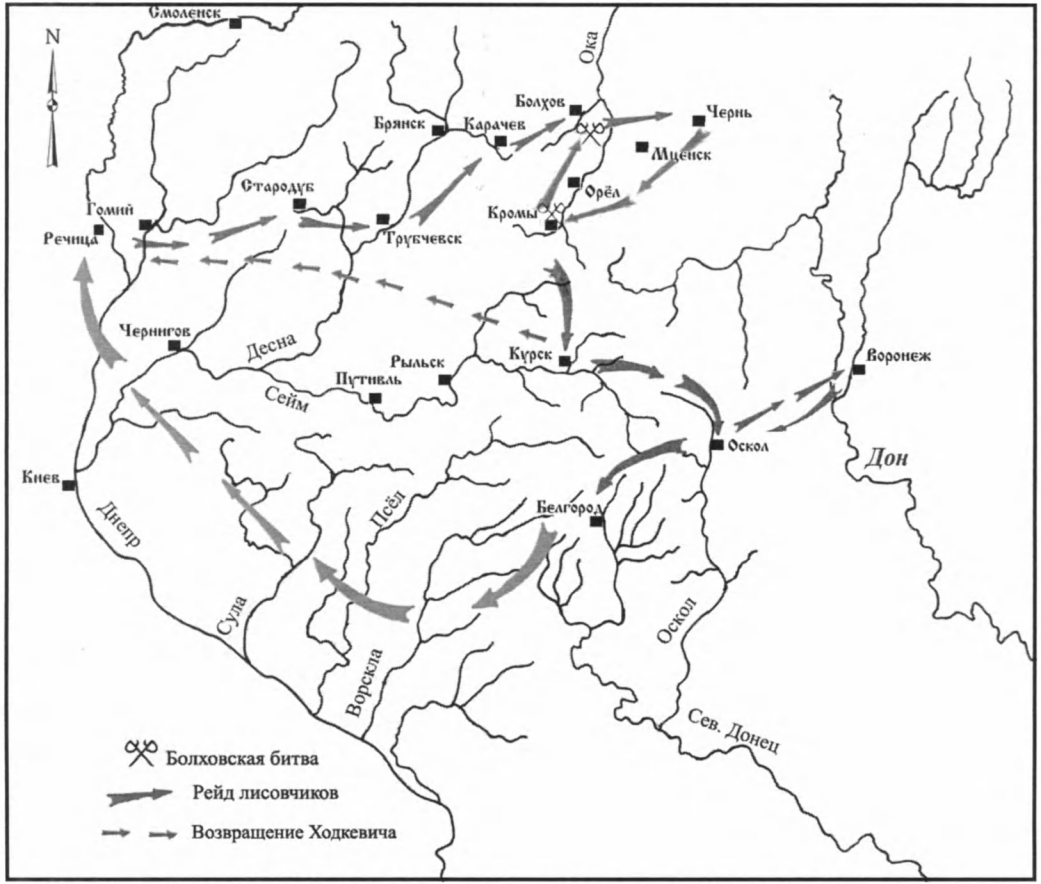


Схема 9. Рейд лисовчиков в 1616-1617 гг.

Схема10. Действия лисовчиков во время похода королевича Владислава в 1617-1618 гг.

Действия в составе основной армии Владислава

Самостоятельные действия

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
«ЗМИЙ-ЛЮТОР СО СВОИМИ АСПИДЫ»
Лисовский по источникам, русским и польским историкам и литераторам 5

Глава 1
БУНТОВЩИК
Происхождение Лисовского, его деятельности до появления в России 15

Глава 2
АВАНТЮРИСТ
Появление Лисовского в России в войсках Лжедмитрия II, участие в осаде Брянска 27

Глава 3
РЯЗАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И ЛЕТНИЙ РЕЙД
Рязанский поход, битвы под Зарайском и на Медвежьем Броду, первый рейд лисовчиков (1608) 33

Глава 4
РАХМАНЦЕВСКАЯ БИТВА И ОСАДА ТРОИЦЫ
Рахманцевская битва, начало осады Лавры и подчинение тушинцами Замосковного края 41

Глава 5
КАРАТЕЛЬ
Походы против восставших русских городов (1608–1609), битвы за Ярославль, Кострому и Кинешму 57

Глава 6
СРЕДИ ПРОИГРАВШИХ
Последний этап осады Троицы, положение отряда Лисовского после Калязинской битвы и его второй рейд из Суздаля на Псков 86

Глава 7
НАЕЗДНИК
Лисовский на Псковщине 95

Глава 8
СОЛДАТ
Бои под Смоленском 1614 г. 116

Глава 9
ВЕЛИКИЙ РЕЙД 1615 г.
Численность полка лисовчиков, его состав, Орловская битва и противостояние Лисовского с Д. М. Пожарским 123

Глава 10
КОНЕЦ ЖИЗНИ
Последний период жизни Лисовского и обстоятельства его смерти 172

Глава 11
ЛИСОВЧИКИ БЕЗ ЛИСОВСКОГО:
Северский поход 1616–1617 гг. 182

Глава 12
ЛИСОВЧИКИ БЕЗ ЛИСОВСКОГО:
Московский поход 1617–1618 гг. 192

Заключение 208

Источники и литература. 211

Список сокращений 219

Схемы. 220

Александр Васильевич Зорин

Лисовчики:
Александр Юзеф Лисовский и его полк в истории Смутного времени

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *Н. А. Стариков*
Корректор *М. Г. Смирнова*
Верстка *Н. А. Стариков*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 15. Тираж 500
Заказ №

Издательство «Квадрига»
ISBN 978-5-91791-421-3

Мирохин А. В.

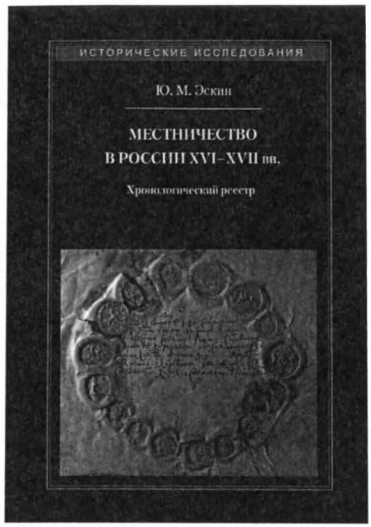
М80 Кузьма Минин / А. В. Мирохин. М.: Квадрига, 2021. –294 с.: илл. – (Историк: прямая речь).

ISBN 978-5-91791-416-9

В книге реконструируется биография организатора Нижегородского ополчения 1611–1612 гг. Кузьмы Минина. Впервые в исследовании скрупулезно собраны и проанализированы все известные на сегодняшний день источники и достоверные факты о жизни и деятельности народного героя.

Происхождение и профессиональные занятия Кузьмы Минина, организация ополчения в Нижнем Новгороде, деятельность земского старосты в качестве одного из руководителей земского правительства в Ярославле, его роль в освобождении Москвы, служба в первые годы царствования Михаила Федоровича, судьба членов семьи – основные вехи биографии этого посадского человека.

Биография Кузьмы Минина представлена на фоне событий, протекавших в Московском государстве в начале XVII столетия.



Эскин Ю. М.

Э85 Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр / Ю. М. Эскин – М.: Квадрига, 2021. – 352 с. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-415-2

Справочник, подготовленный известным историком и архивистом Ю. М. Эскиным, представляет собой хронологический перечень местнических дел, «случаев» и относящихся к ним законодательных актов, указов о безместии и о порядке регулирования конфликтов. В нем собраны все выявленные данные об этом уникальном институте русского средневекового общества.

Автор изучает институт местничества на исчерпывающей источниковой базе. Первый вариант «Реестра» вышел в свет в 1994 году. После этого историк выпустил ряд крупных исследований по истории этого института: «Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. (три издания), «Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV–XVII веков. Местничество в пространстве социально-политических отношений и на театрах военных действий в России раннего Нового времени», справочник «Описание подлинных местнических дел» (два издания), ряд статей. Работа с местническими делами позволила ему на создать монографические биографии Дмитрия Михайловича Пожарского (два издания) и Ивана Никитича Хованского, заслужившие высокую оценку историков и признание читателей.

Значительно переработанное издание «Реестра» выходит в год семидесятилетия Юрия Моисеевича Эскина.

История Смуты начала XVII в. не может обойтись без имени Александра Юзефа Лисовского, как и Пожарского, Скопина-Шуйского, Минина. Отечественная литература только упоминает его рейды от Ледовитого моря до Каспийского, от Уральских гор до Днестра.

Лисовскому и его полку посвящена значительная польская литература. В ней он предстает отважным и непобедимым воином, прославившим польское оружие, а его полк – элитным подразделением. Их грабежи и насилия – неизбежная дань времени и результат сложности в снабжении войск.

Поляк, прославившийся у самозванца; шляхтич, лишенный чести сеймом; солдат, бунтующий против командования; полководец, проигрывающий крупные битвы и возрождающийся после поражений; жестокий каратель, отважный боец, «батька-атаман» для казаков и «государев воевода» для русских служилых людей – все это Александр Лисовский, биография которого слилась с бурными событиями эпохи, сделавшей его своим героем. Скорее, антигероем Смуты.

ISBN 978-5-91791-421-3